НИЩЕТА „МАРКСОЛОГИИ“

*

Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА
КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА
КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Rolf Bauermann, Karlheinz Geyer,
Elmar Julier

■

DAS ELEND DER „MARXOLOGIE“

Eine
Auseinandersetzung
mit Marx-Engels-
Verfälschungen

DIETZ VERLAG
BERLIN 1975

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Рольф Бауэрман, Карлхейнц Гейер,
Эльмар Юлиер

■

НИЩЕТА „МАРКСОЛОГИИ“

Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса

Издательство политической литературы
Москва 1976

1ФБ
Б29

Немецкое издание книги
подготовлено Институтом марксизма-ленинизма
при ЦК СЕПГ

Перевод с немецкого
В. В. САЗОНОВА и *А. Г. СЫРОВА*

Бауэрман Р. и др.

Б29 Нищета «марксологии». Критика фальсификаций учения Маркса и Энгельса. Пер. с нем. М., Политиздат, 1976.

247 с. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

Перед загл. авт.: Р. Бауэрман, К. Гейер, Э. Юлиер.

В книге немецких авторов из Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ анализируются социальные причины возникновения современной «марксологии», ее классовые функции, основные направления. Аргументированной, обстоятельной критике подвергаются воззрения «марксологов» по узловым проблемам теории научного коммунизма: о закономерности общественного развития, об исторической роли пролетариата, о партии рабочего класса, о государстве и т. д.

Книга принесет пользу лекторам, пропагандистам и слушателям системы партийной учебы, преподавателям общественных наук, студентам.

Б $\frac{10506-247}{079(02)-76}$ 151—77 **1ФБ**

1. «МАРКСОЛОГИЯ» — СИМПТОМ КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

1. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «МАРКСОЛОГИИ» И ЕЕ ФУНКЦИИ

Нет ничего удивительного в том, что в странах социалистического содружества у всех на устах имена Маркса, Энгельса, Ленина, что миллионы трудящихся изучают их произведения, что молодежь воспитывается в их духе. Ведь здесь преобразующие мир идеи классиков научного коммунизма претворяются в жизнь, под руководством коммунистических и рабочих партий строится новый мир.

А вот то, что в духовной жизни империалистической ФРГ значительно возрос, особенно в последние годы, интерес к изучению жизни и творчества Маркса, Энгельса и Ленина, выглядит, пожалуй, совсем не так уж само собой разумеющимся.

Не проходит буквально ни одного дня, чтобы в какой-либо газетной статье, научной публикации, по радио и телевидению не шла речь о Марксе, Энгельсе и Ленине и их учении. Молодые рабочие, студенты и школьники изучают в марксистских кружках произведения классиков марксизма-ленинизма и обращаются к ним за советом в своей борьбе против империализма. Студенты требуют, чтобы Маркса преподавали в университетах. Профессора, являющиеся откровенными антикоммунистами, выдают себя за «знатоков Маркса» и даже за «марксистов». На телевизионных экранах идет серия передач «Маркс для обозрения». Очень крупная буржуазная газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг» в серии статей намерена познакомить своих читателей с «системой взглядов» Маркса. Правые лидеры СДПГ жалуются, что молодые члены их партии «снова открыли» Маркса. А председатель партии выступает с обширной речью, пытаясь превратить Ф. Энгельса в «родоначальника» своей партии —

партии, руководство которой всеми силами защищает капиталистическую систему и при любой возможности заявляет о своей враждебности по отношению к марксизму-ленинизму [1].

Даже эти немногочисленные примеры, которые так или иначе имеют место и в других капиталистических странах, позволяют выявить разные интересы и цели, с которыми различные классовые силы обращаются к идеям Маркса и Энгельса. Одновременно — хотя и не всегда просто и однозначно — подтверждается оценка международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. о том, что международное революционное движение находится на подъеме [2].

Возрастание интереса буржуазных идеологов к Марксу и Энгельсу за последние годы — также не случайное явление и не скоропреходящая мода. Его причины кроются в решающем изменении соотношения сил на международной арене в пользу социализма, которое охватывает все сферы общественной жизни и заставляет империализм приспосабливаться к новой обстановке.

Успехи социализма в политической, экономической, технической и военной областях являются основой для распространения идей марксизма-ленинизма и социализма. Они способствуют его растущему влиянию в капиталистических странах и молодых национальных государствах.

«Ныне в мировую политику вовлечены огромные массы, перед ними открылась реальная возможность самим определять свою судьбу. Идеи социализма, идеи свободы и равноправия народов, идеи национальной независимости овладевают сознанием сотен миллионов» [3].

Растущее влияние социалистических идей, обусловленное не в последнюю очередь успешным развитием ГДР, можно отметить также и в ФРГ. Это с большой озабоченностью констатируют и сами политики и идеологи империализма. Как показал опрос, проведенный журналом «Шпигель», 56 процентов опрошенных симпатизируют социализму, хотя, как пишет «Шпигель», отнюдь не все имеют ясное представление о социализме. Когда они слышат это слово, у одних оно ассоциируется с именем Вилли Брандта, другие связывают его с именами Маркса или Ленина [4]. Хотя значимость

такого рода опросов не следует переоценивать, мы можем все же констатировать, что в сознании западногерманских граждан происходят определенные сдвиги и становится все сложнее скрывать от масс социалистические идеи.

В 60-х и начале 70-х годов идеологи империализма столкнулись лицом к лицу с фактом успешного развития социализма, которое они уже не могли более игнорировать, а одновременно — с растущими внутренними противоречиями и неустойчивостью капиталистической системы. Они не могут пройти мимо того факта, что капитализм глубоко дискредитировал себя в глазах трудящихся, и поэтому все меньше отваживаются открыто защищать капиталистическую систему. Более того, будучи вынужденными признать кризисный характер и необходимость реформ их строя, они стоят перед неразрешимой задачей — дать альтернативу реально существующему социализму.

Буржуазные идеологи объективно поставлены перед необходимостью «реагировать на реальные перспективы человечества, социализм и коммунизм, бороться с марксизмом-ленинизмом» [5]. Благодаря растущей силе социализма и мирового коммунистического движения возник новый фактор, который в значительной степени определяет внутреннее развитие буржуазной идеологии. Идет ли речь о концепциях так называемого «единого индустриального общества» и связанного с ним иллюзорного определения современной эпохи как «века индустриализации», о критике самой капиталистической системы или о нападках на реальный социализм, каждый раз возникает необходимость так или иначе определять свою позицию к марксизму-ленинизму и, таким образом, к творчеству Маркса и Энгельса. Доходит до того, что буржуазные идеологи заимствуют у Маркса определенные термины и используют их в своих собственных концепциях. Это проявляется, в частности, в перенесении, разумеется в искаженном виде, понятия «производительные силы» в теорию «индустриального общества», в заимствовании буржуазными экономистами марксовой схемы воспроизводства — конечно, в отрыве от общей концепции Маркса — и в искажении марксовой теории классов и классовой борьбы, превращенной в теорию «классового конфликта в индустриальном обществе».

Такое включение определенных сторон марксова учения в буржуазную идеологию представляет собой не что иное, как разграбление Маркса, и практикуется уже с начала столетия[6], а особенно усилилось за последнее время.

При этом важен тот факт, что в 60-е годы произошло обострение внутренних противоречий государственно-монополистической системы. Оно стимулировало возникновение оппозиционного движения, не ограничивающегося только силами, стоящими на позициях марксизма-ленинизма. Это образует основу растущего интереса к марксизму-ленинизму различных групп и в ФРГ. Наряду с активностью марксистско-ленинских сил в рабочем движении на марксизм стали ориентироваться, главным образом со второй половины 60-х годов, различные группировки интеллигенции и студенчества, хотя подходят они к нему с различных идеологических позиций[7]. Господствующие империалистические круги не смогли помешать воздействию марксистских идей. Это было в первую очередь заслугой Коммунистической партии Германии, которая, несмотря на запрет и преследования, часто в тяжелых условиях, самыми различными способами содействовала распространению учения научного коммунизма. Так возникли в революционном рабочем движении такие организации, как Общество Карла Маркса в Мюнхене, Общество Маркса — Энгельса во Франкфурте-на-Майне, которые проводили постоянную работу в кружках, публичные мероприятия и т. д. и до сих пор продолжают оказывать воздействие своей публицистической деятельностью. Наряду с этим к идеям Маркса и Энгельса обратились и такие общества, как «Юные друзья природы», «Соколы», «Молодые социалисты», а также группы молодых членов профсоюзов.

Определенную роль в распространении марксистских идей сыграл Социалистический немецкий союз студентов (СНСС). Уже в 1968 г. в ФРГ существовало приблизительно 60 достаточно четко организованных учебных обществ, которые охватывали различные круги населения и лиц различных политических взглядов. Растущий интерес, который проявляют прогрессивные силы к марксистским идеям, вынуждена с сожалением констатировать и буржуазная пресса. «Франкфуртер альгемайне цайтунг» от 31 января 1968 г. писала:

«Едва ли теперь можно встретить серьезную публикацию, в которой не велась бы дискуссия о марксизме... И конца этому нельзя предвидеть. Все это признаки того, что началась борьба, в возможность которой еще 10 лет тому назад никто не смог бы поверить. ...Молодежь ищет правильный путь, по которому нужно идти. И для нее, по-видимому, нет более ясного путеводителя, чем Маркс» [8]. И подобных мрачных предсказаний со стороны идеологов империализма становится сегодня все больше и больше, так как влияние марксизма-ленинизма с тех пор еще более возросло. Германская коммунистическая партия, Социалистический немецкий союз рабочей молодежи и Марксистский союз студентов («Спартак»), твердо стоя на позициях учения Маркса, Энгельса и Ленина, борются за жизненные интересы рабочих, молодежи, студентов и всех других трудящихся и ведут при этом широкую идеологическую работу, что вновь ясно показал Гамбургский съезд Германской коммунистической партии [9]. Борьба за лозунг «Маркса в университеты» уже давно привлекает к себе широкие круги населения и свидетельствует, таким образом, о жизненной силе и актуальности марксовых идей. Прогрессивные силы профсоюзов и молодежных организаций в своей критике империалистической системы и ее последствий, а также при обосновании альтернативы ей во все большей степени опираются на идеи Маркса и Энгельса.

Для многих буржуазных идеологов является «таинственным» феноменом, что давным-давно, казалось бы, умерший и похороненный ими марксизм во все возрастающем масштабе влияет на духовную жизнь ФРГ. Они подыскивают этому различные обоснования, намеренно обходя, как правило, истинные причины этого явления: изменившееся в пользу социализма соотношение сил и связанное с этим растущее влияние марксизма-ленинизма, обострение всех противоречий империализма и тот факт, что марксизм-ленинизм выражает основные жизненные интересы рабочего класса и всех антиимпериалистических сил. Отсюда объективно возникает необходимость для буржуазной идеологии бороться с марксизмом во всех областях, что является составной частью общей тенденции к приспособлению, которой подвержен империализм.

Не в последнюю очередь это проявляется в много-

численных публикациях. Этот рост числа публикаций буржуазных идеологов и политиков о жизни и деятельности Маркса и Энгельса можно особенно отметить в связи с памятными датами революционного рабочего движения. Это ясно проявилось в связи со 150-летием со дня рождения Карла Маркса и Фридриха Энгельса, 100-летием издания «Капитала» и 125-летием выхода в свет «Коммунистического манифеста».

По своим политическим и идеологическим позициям многочисленные труды о Марксе и Энгельсе очень различны. Однако, за некоторым исключением, преобладают работы, которым присуща более или менее четко выраженная антикоммунистическая, антимарксистская направленность. Это направление, абсолютно преобладающее в современных буржуазных исследованиях о Марксе, часто именуется буржуазными идеологами «марксологией». Тем самым возникшие, в особенности после второй мировой войны, буржуазные «исследования» Маркса должны приобрести видимость серьезной науки.

В действительности же «марксологи» занимаются жизнью и деятельностью, а также теоретическим наследием Маркса и Энгельса с целью их искажения и опровержения с помощью псевдонаучных методов. Главный удар при этом всегда направлен против марксизма-ленинизма в целом.

Однако Марксом в настоящее время занимаются не только те буржуазные идеологи, которые делают это в силу своей профессии. Даже представители других дисциплин (философы, экономисты, социологи, историки и т. д.) вынуждены выступать против учения Маркса и Энгельса со своих буржуазных и мелкобуржуазных позиций. Это относится и к современному ревизионизму, будь то правого или «левого» толка, который выступает под флагом «Назад к Марксу» [10]. Однако, при всех различиях, существующих между этими отдельными направлениями буржуазного изучения Маркса, всем им присущ один и тот же буржуазный классовый характер, одно и то же антикоммунистическое содержание, направленное против марксизма-ленинизма.

Рост «марксологической» литературы и такого же рода «исследований», характерный для современной буржуазной идеологии, представляет собой с историче-

ской точки зрения защитную реакцию на международное революционное рабочее движение и социализм. Стремление к критике Маркса и Энгельса, интеграция определенных марксовых идей в систему буржуазной философии, политэкономии и социологии являются выражением оборонительной позиции буржуазной идеологии и, следовательно, симптомом ее кризиса, который, в свою очередь, является лишь духовным отражением всеобщего кризиса капитализма как общественного строя [11].

Конечно, защитная реакция на марксизм-ленинизм и на притягательную силу реального социализма означает классовую борьбу, и рост «марксологии» является выражением обострения идеологической классовой борьбы, которая не только не уменьшилась с поворотом от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, а, наоборот, еще более обострилась. Империализму во всемирном масштабе присуща направленность против трех главных революционных сил современной эпохи: мировой социалистической системы, международного рабочего движения и национально-освободительного движения. Свое главное наступление, однако, он направляет против мировой социалистической системы и международного коммунистического движения как авангарда международного рабочего класса.

Империалистическая стратегия «контейнмента», политики сдерживания и отбрасывания социализма, потерпела, как известно, неудачу в результате успешного развития социалистических стран. Империализм был вынужден приспосабливаться к новому положению и к изменившемуся не в его пользу соотношению сил, признавать шаг за шагом принципы политики мирного сосуществования. Идеологическую и теоретическую базу новой стратегической концепции образуют главным образом теории так называемого «единого индустриального общества», которые во все большей степени становятся всеобщей интеграционной основой буржуазной идеологии [12]. На этой почве вырастают различные антикоммунистические, в конечном счете иллюзорные, концепции борьбы против социализма, как, например, теория конвергенции и теория эволюции [13], из которых первая уже потерпела крах при столкновении с реальной действительностью.

Империалистические стратеги видят в социалистическом обществе одну из форм «единого индустриального общества». Поэтому они лелеют иллюзию, что социалистическая система в ходе своего дальнейшего индустриально-технического развития придет к определенным противоречиям между социально-экономическим строем, с одной стороны, и политической системой общества и социалистической идеологией, с другой, и таким образом будет положено начало ее внутреннему разложению. Они возлагают большие надежды на подрыв социализма при помощи средств идеологии и культуры. «Изменения в идеологии... помогут осуществить политические изменения» [14], полагает Збигнев Бжезинский. Разумеется, идеологические диверсии направлены не только против социалистических стран, но и против коммунистического движения в целом.

В подрывной идеологической деятельности «марксологии» отведено важное место. Это ясно вытекает из следующих, почти программных заявлений: «Убежденным коммунистам, конечно, недоступны «западные» аргументы. ...Только марксистские аргументы смущают коммунистов, сбивают с толку и заставляют задуматься» [15]. Хотя здесь и говорится о марксистских аргументах, но имеются в виду вовсе не революционные идеи марксизма, а псевдомарксизм, фальсификации и извращения действительных высказываний Маркса и Энгельса. Из этого становится ясно, какие важные задачи возлагаются в борьбе между социализмом и империализмом на фальсификации учения Маркса и Энгельса.

Во-первых, в соответствии с тактикой «троянского коня» они должны внедряться в международное коммунистическое движение и в страны социалистического содружества, чтобы разлагать и раскалывать их идеологически и идейно готовить контрреволюцию. При этом важную роль играют ревизионистские фальсификации Маркса и Энгельса, так как они действуют внутри коммунистического движения. На их активизацию и стимулирование буржуазные идеологи делают особую ставку.

Во-вторых, «марксология» имеет задачу противодействовать растущей притягательной силе марксизма-ленинизма и среди трудящихся капиталистических стран посредством разнообразных искажений марксо-

ва учения, объявить его «устаревшим» и «отсталым». С этим тесно связаны различные попытки буржуазных идеологов ассимилировать марксизм, притупляя одновременно его революционное содержание, для того, чтобы использовать марксову теорию в интересах стабилизации империалистической системы господства.

Итак, фальсификация идей Маркса и Энгельса сосредоточена действительно на таких проблемах, которые имеют особое значение для идеологического единства и сплоченности коммунистического и рабочего движения. Об этом свидетельствует также анализ соответствующих изданий. При этом в центре внимания находятся следующие проблемы:

марксово учение об объективной закономерности общественного развития, которое представляет собой основу для твердого убеждения в победе социализма и коммунизма над капитализмом;

разработанная Марксом и Энгельсом теория об исторической миссии рабочего класса, о пролетариате как наиболее революционной силе эпохи и об интернациональном характере рабочего класса;

взгляды Маркса и Энгельса на пролетарскую партию;

представления Маркса и Энгельса о государстве, его классовой сущности, его функциях и перспективах, в особенности о диктатуре пролетариата.

Именно по этим коренным проблемам идеологии и политики буржуазные идеологи предпринимают многочисленные усилия для того, чтобы исказить и фальсифицировать взгляды Маркса и Энгельса. Они пытаются противопоставить высказывания основоположников научного коммунизма марксизму-ленинизму, реальному социализму и марксистско-ленинским партиям.

Все эти попытки имеют откровенно антикоммунистическую направленность, хотя примитивная травля и слишком поверхностные фальсификации 50-х годов большей частью — но не полностью — были заменены внешней серьезностью и объективностью изложения. В этих своих антикоммунистических нападках, прикрываемых именами Маркса и Энгельса и направленных на идеологическое разложение коммунистических партий и социалистического содружества, профессиональные «исследователи» Маркса, «знатоки» Маркса и

буржуазные идеологи, выдающие себя за марксистов, систематически берут на вооружение как современный, так и старый ревизионизм правого и «левого» толка.

Таким образом, и в изменившихся условиях сохраняет свою актуальность оценка Ленина: «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами» [16]. Бесспорно, что все фальсификации Маркса и Энгельса представляют собой с исторической точки зрения оборонительные действия, ставящие «маркологов» перед объективно неразрешимой задачей — противопоставить коммунистическое движение и социалистические страны, в которых теория Маркса стала живой практикой, Марксу и Энгельсу. И если буржуазные идеологи, обреченные на неудачу, терпят одно фиаско за другим, то это объясняется не столько их интеллектуальной беспомощностью, сколько тем, что они сражаются против общественной реальности, против проверенных фактов, против теории, правильность которой доказана и ежедневно вновь доказывается практикой.

В 60-е годы более отчетливо выявилось, что фальсификация Маркса и Энгельса самым тесным образом связана с буржуазной «критикой» Ленина. Ведь ленинизм является дальнейшим последовательным развитием марксизма в нашу эпоху, твердой теоретической основой деятельности коммунистических и рабочих партий. Поэтому в рамках глобальной стратегии империализма усиливаются нападки на ленинизм — марксизм нашей эпохи [17]. Непосредственным «плацдармом» для фальсификации ленинизма все более становится проводившаяся интенсивно уже и в прошлом «критика» Маркса [18].

Центрами борьбы с учением Маркса, Энгельса и Ленина являются прежде всего институты Восточной Европы, и в частности Западногерманский институт восточных и международных исследований в Кёльне, институты восточных исследований при Западноберлинском и Мюнхенском университетах и евангелистская Академия в Бад-Болле, известная своими изданиями «Марксизмусштудиен». Выражением стремления к борьбе с марксизмом-ленинизмом, Марксом, Энгельсом и Лениным являются многочисленные мелкие и крупные публикации, а также программы радио и телевидения ФРГ. Так, например, в Западной Гер-

мании лишь с 1964 по 1967 г. вышло в свет более 400 публикаций о Марксе и Энгельсе. С 1964 по 1968 г. в ФРГ было выпущено приблизительно 30 отдельных изданий с текстами Маркса и Энгельса. Это, правда, составляет всего лишь 5 процентов объема выпуска сочинений Маркса и Энгельса издательством Дитц в ГДР [19].

Все больше внимания уделяют идеологи империализма Ленину и ленинизму. Об этом свидетельствуют, между прочим, вышедшие в ФРГ после 1965 г. четыре обширные биографии Ленина. К 100-летию со дня рождения Ленина в журналах и газетах ФРГ было опубликовано около 560 статей [20].

Нападки на Маркса и Энгельса не являются, однако, однородными. Имеются чрезвычайно различные, часто друг другу противоречащие «интерпретации» Маркса. Уже при поверхностном рассмотрении создается впечатление, что существуют различные разновидности марксова учения, что оно по-разному толкуется. Так, например, одни представляют Маркса антропологическим мыслителем, который стоит близко к экзистенциализму. Другие превращают Маркса в философа человеческого отчуждения и его преодоления; многие выдают его за пророка.

Господствующей является тенденция интерпретировать все наследие Маркса через призму его ранних произведений, преимущественно с позиций разработанных Марксом в 1844 г. «Экономическо-философских рукописей». Пока еще сохраняется и, казалось бы, противоречащая этому тенденция противопоставления ранних и поздних произведений Маркса, хотя она и сильно ослабела. В противоположность этому усилились попытки представлять высказывания Маркса времен «Экономическо-философских рукописей» как его «подлинные» взгляды и, исходя из них, конструировать противоречия с произведениями Энгельса и прежде всего с трудами Ленина.

Фальсификации, с которыми приходится сталкиваться марксистско-ленинским философам в последние годы, несмотря на все различия, имеют одну общую линию: они направлены на то, чтобы элиминировать классовый характер марксова учения как теории освобождения рабочего класса и оспорить его научность, представить марксизм одним из многих утопи-

ческих учений, которые были распространены в XIX столетии. Прежде всего, преобладают устремления либо противопоставить марксизму-ленинизму различные варианты фальсификаций идей Маркса и Энгельса как равноправные «интерпретации» и поставить его в ряд в качестве одной из возможных интерпретаций марксова учения среди многих других, либо оклеветать его как «отход» от «аутентичного» Маркса.

Подобное впечатление производят и выступления различных буржуазных теоретиков, таких, как Герберт Маркузе и иже с ним, которые сами называют себя марксистами и остальными буржуазными идеологами классифицируются как марксисты. В том же направлении под вывеской «неомарксистов» действуют современные ревизионисты и другие мнимые марксисты.

Особенно четко проступает связь со стратегией идеологических диверсий, когда многообразие и неоднородность во взглядах «марксологов» сознательно используются буржуазной идеологией и выдвигаются на передний план с целью использовать многочисленные фальсификации марксовых идей в качестве доказательств «плюралистического» существования марксизма.

Разумеется, не следует объяснять это многообразие лишь задачами идеологических диверсий. Оно является в первую очередь результатом внутренней раздробленности буржуазной идеологии, которая объективно обусловлена глубокими антагонистическими противоречиями, присущими буржуазному обществу,— такими, как классовые противоречия между рабочим классом и буржуазией, противоречия между империалистическими и антиимпериалистическими силами, противоречия между буржуазией и, в свою очередь, дифференцированной мелкой буржуазией,— а также наличием противоположных политических группировок внутри самой господствующей буржуазии.

Следовательно, многообразие направлений в буржуазной идеологии не является выражением духовного богатства. На различные формы проявления однородной по своей основной классовой сущности буржуазной идеологии накладывает отпечаток конкретное положение различных классов и слоев внутри капиталистического общества, которые, каждый со своих позиций, отражают внутренние противоречия капитализ-

ма, свое отношение к реально существующему социализму, революционным силам современности.

Спектр идеологического отражения реальных процессов нашей эпохи и кризиса государственно-монополистической системы простирается от идеологии господствующей империалистической прослойки, в том числе и социал-реформизма, до современного ревизионизма внутри коммунистического движения, мелкобуржуазной критики общества и левого радикализма. При этом речь идет о позициях, не выходящих за рамки капитализма, о позициях, которые или открыто его апологезируют, или, несмотря на всю критику, не в состоянии сформулировать реальной альтернативы и в конечном итоге существуют, интегрируя в систему.

Так как буржуазная идеология в целом во все возрастающей степени вынуждена реагировать на марксизм-ленинизм, то различные течения буржуазной идеологии занимают по отношению к Марксу и Энгельсу позиции, соответствующие их специфике. В этом заключается одна из существенных причин внутренней дифференцированности «марксологии». Другими словами: различные социально-экономические течения буржуазной идеологии являются, по существу, кривыми зеркалами, которые до неузнаваемости искажают подлинный образ Маркса и Энгельса и их идейное наследие и неизбежно ведут к извращению их взглядов, при этом совершенно независимо от субъективных взглядов самих этих идеологов. Эти течения тесно связаны с важнейшими направлениями буржуазной общественной мысли, однако их нельзя механически присоединять к тому или иному направлению буржуазной идеологии, ибо они свойственны каждому такому направлению. Философские позиции, из которых исходят отдельные идеологи, влияют также на их интерпретацию марксова учения, жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Поэтому в различных направлениях «марксологии» можно встретить интерпретации Маркса в рамках клерикализма, экзистенциализма, философии жизни, психоанализа, позитивизма, структурализма. Для «марксологов», ориентирующихся в большей степени на социологию, характерно рассмотрение Маркса и Энгельса с позиции теории индустриального общества.

Однако основная задача данной работы заклю-

чается не в том, чтобы дать специальный анализ «интерпретаций» Маркса различными основными направлениями буржуазной философии и социологии; она посвящена борьбе с фальсификациями Маркса и Энгельса, предпринимаемыми «марксологией» по уже названным выше основным вопросам в ходе современной классовой борьбы.

При этом нет необходимости более подробно рассматривать отношение к Марксу различных течений буржуазной идеологии и их функции в идеологической борьбе. При изложении, однако, принимаются во внимание специфические философские интерпретации творчества Маркса и Энгельса в той мере, в какой это необходимо для понимания.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ «МАРКСОЛОГИИ»

Основные направления «марксологии», как уже говорилось выше, соответствуют в основном современным течениям буржуазной идеологии. Внутри этой дифференцированной самой в себе буржуазной идеологии доминирует *идеология господствующей империалистической буржуазии* и соответствующее ей направление «марксологии». Она разрабатывает ведущие теоретические концепции, которые должны служить укреплению и стабилизации господствующей империалистической системы и борьбе против трех главных революционных сил современности. Эти концепции, теории и социально-политические взгляды, а также создаваемые профессиональными империалистическими фальсификаторами Маркса штампы оказывают, разумеется взаимодействуя между собой, определяющее влияние на все другие течения буржуазной идеологии.

На фальсификациях Маркса и Энгельса идеологами господствующих империалистических слоев отражаются прежде всего социально-теоретические и философские взгляды идеологов империализма. В области социологии это теории «единого индустриального общества», которые с начала 60-х годов все больше и больше выдвигаются на передний план. С фальсификациями Маркса и Энгельса они связаны в двух аспектах. *С одной стороны,* они выступают в качестве всеоб-

щей призмы, через которую преломляется учение Маркса и тем самым искажается в том или ином направлении. Это можно отнести ко всем формам проявления буржуазной идеологии, включая современный ревизионизм и левый радикализм.

С другой стороны, эти теории развиваются как прямо враждебные марксизму-ленинизму. При этом буржуазные теоретики, как мы уже указывали, ссылаются непосредственно на Маркса и искажают основные принципы материалистического понимания истории. Основное направление нападок империалистических идеологов на Маркса и Энгельса определяется в значительной степени задачей разрабатывать на основе теорий «единого индустриального общества» псевдооптимистические альтернативы реально существующему социализму и создавать иллюзорную картину «открытого вперед», т. е. устремленного в будущее империалистического общества. При этом они не могут обойти теоретически обоснованную Марксом и Энгельсом неизбежность перехода от капитализма к социализму и учение об исторической миссии рабочего класса. Этим объясняются также усилившиеся попытки применить к марксизму развитый позитивизмом принцип отделения науки от идеологии и, так сказать, разложить марксово учение на две части: на «идеологическую», под которой они понимают «догматическое вероучение», которое нельзя ни доказать, ни опровергнуть, и на часть, содержащую научные элементы. В соответствии с этим к идеологии причисляются все основные мировоззренческие взгляды Маркса, такие, как учение об исторической миссии рабочего класса, учение о стоимости и прибавочной стоимости, о детерминированности общественно-исторического процесса и т. д. Таким путем империалистические идеологи надеются избавиться от марксизма как от науки.

Позитивистская фальсификация Маркса развивается по двум направлениям: попытки дискредитировать марксово учение в целом как ненаучное и спекулятивное [21] и стремления подвергнуть марксово учение позитивистской идеологической критике и «доказать», что марксизм является одним из видов «спасительного учения в платье науки» [22]. К этому же направлению относятся стремления объяснить развитые Марксом основные идеи об исторической миссии рабочего клас-

са, о партии и пролетарской революции, исходя из особенностей марксовой психики. К каким гротескным искажениям это приводит, показывает прежде всего психография Маркса, «созданная» Арнольдом Кюнцли [23].

Таким образом, можно выявить следующую тактическую концепцию: с одной стороны, воздается «хвала» научным достижениям Маркса, которая может быть охарактеризована известными словами Освальда фон Нель-Бройнинга: «Мы все стоим на плечах Карла Маркса» [24]. С другой стороны, делаются попытки обесценить данное Марксом и Энгельсом теоретическое обоснование закономерной победы коммунизма под предлогом того, что оно якобы не поддается проверке и как ненаучная, «идеологическая», спекулятивная идея оно питалось верой в прогресс, свойственный XIX веку. Клевета на марксизм как на «спасительное учение в платье науки» готовит со своей стороны почву для клерикальных и иррационалистических фальсификаций. Этот тезис служит также империалистическим идеологам для объяснения притягательной силы марксовых идей. Мысль о том, что-де только религия может так эффективно воздействовать на массы, снова встречается в публикациях по поводу 125-летия «Коммунистического манифеста» [25].

С попыткой разложения марксова учения на научную и на «идеологическую» части связана и антропологическая интерпретация марксизма. Маркс выступает здесь как философ человеческого отчуждения [26]. Этот штамп был подхвачен современными ревизионистами и направлен прежде всего против реального социализма.

Фальсификация Маркса и Энгельса представителями *социал-демократизма* едва ли по своей сущности отличается от взглядов других идеологов господствующей империалистической буржуазии. «Социал-демократизм, т. е. идеология и политика правых лидеров социал-демократии, является одним из вариантов современной буржуазной идеологии и политики. Он находится в принципиальной классовой и теоретической враждебности к социализму и марксизму-ленинизму» [27].

Он детально разрабатывает и питает иллюзорные социал-реформистские взгляды в находящемся под его

влиянием рабочем движении, а также среди других трудящихся и таким образом выступает как средство интеграции рабочего класса в государственно-монополистическую систему. В этом, а также в ограждении рабочего класса от влияния реального социализма и одновременном подрыве последнего состоит объективная классовая функция идеологии социал-демократии. Отсюда вытекает ее откровенный антикоммунизм.

Идеологи правой социал-демократии разделяют вместе с другими империалистическими теоретиками и иллюзорные представления о том, что существующее капиталистическое общество (хотя оно ими часто так и не называется) может беспредельно совершенствоваться и что реальный социализм якобы не представляет собой альтернативы для человечества. Однако они отличаются от других империалистических идеологов тем, что выступают в качестве представителей интересов рабочих и других трудящихся и провозглашают концепцию «демократического социализма».

Все более частое использование правыми вождями социал-демократии слова «социализм» имеет две реальные причины: *во-первых,* это реакция на растущее недовольство масс рабочих и других трудящихся капиталистическими отношениями. Это ведет к растущему влиянию социалистических идей. Посредством пропаганды «демократического социализма» недовольство последствиями капитализма должно быть направлено по пути, который не угрожает империалистической системе; *во-вторых,* социал-демократизм не может выполнять свои классовые функции, состоящие в развитии мнимой альтернативы реальному социализму и «социал-демократизации» социалистических стран и коммунистического движения, если он не будет пользоваться термином «социализм» для обрамления своих антикоммунистических целей.

Идеологи правой социал-демократии не могут оставить без внимания Маркса и Энгельса при попытках более детального обоснования «демократического социализма» и в своих нападках на реальный социализм. Они вынуждены определить свое отношение к ним. Это для них весьма сложное дело, так как, несмотря на все старания «выбросить за борт» Маркса и «очиститься от идеологии», как раньше, так и теперь среди части членов и приверженцев СДПГ, в среде

молодых социалистов и членов профсоюзов марксистские идеи продолжают жить. В этом проявляются обе классовые линии, существующие в СДПГ.

Необходимо было заменить открытую враждебность к учению основателей научного социализма, господствовавшую долгое время, гибким, завуалированным отказом от него. Это делается в основном по одному образцу: жизнь и творчество Маркса и Энгельса расчленяются на абстрактно-гуманистическую, мнимо внеклассовую часть и на революционную часть, которая якобы представляет собой роковые заблуждения и вследствие этого должна быть отброшена. По этому шаблону перекраивается, т. е. фальсифицируется, все теоретическое наследие, а также политическая деятельность Маркса и Энгельса.

Таким образом, Маркс и Энгельс представляются великими гуманистами, стремлением которых было освобождение человека, улучшение тяжелой участи людей труда в XIX веке. Действительно, Маркс и Энгельс всю свою жизнь посвятили делу освобождения человечества от эксплуатации, угнетения, войны и нужды. Однако они не мечтали о каком-то утопическом освобождении человека, а показали, что это возможно только путем революционной борьбы рабочего класса, только путем свержения капитализма и создания совершенно нового общественного строя.

Представители социал-реформизма превращают Маркса и Энгельса из пролетарских гуманистов и революционеров в классово нейтральных мыслителей, которых без церемоний можно зачислить в число прародителей «демократического социализма» и одновременно использовать в грязных целях против реального социализма. Эта линия отчетливо проявилась в речи Вилли Брандта по случаю 150-летней годовщины со дня рождения Фридриха Энгельса [28]. Она проявляется также и в современной историографической литературе правой социал-демократии, которая пытается «разоруженных» таким образом основателей научного коммунизма включить в традиционную реформистскую схему.

Фальсификация Маркса и Энгельса путем представления их классово нейтральными гуманистами непосредственно связана с изображением их мыслителями XIX века. На этом фоне более правдоподобным

должен выглядеть тезис о том, что у Маркса и Энгельса были-де «упрощенные» представления о путях человеческого освобождения, ибо на самом деле, мол, не существует, как это будто бы было продемонстрировано в нашем столетии, непосредственной связи между обобществлением средств производства и свободой. Такая точка зрения проистекает из якобы одностороннего экономического рассмотрения истории Марксом, которое к тому же недопустимо «упрощается» Энгельсом [29].

Учение Маркса якобы опровергается практикой «изменившегося капитализма», так как отношения собственности сегодня будто бы уже не являются основной отличительной чертой общественного строя. Исходя из этого, высказывания и выводы Маркса объявляются устаревшими.

Это утверждение выявляет классовую функцию социал-демократизма: он направляет свои усилия как против требования об обобществлении важнейших средств производства в ФРГ, так и против реального социализма, который успешно осуществил эти основные идеи Маркса и Энгельса, и своим внешне нейтральным отношением к Марксу служит теоретической защите демагогии «демократического социализма».

В своих нападках на материалистическое понимание истории, обоснованное Марксом и Энгельсом, которое клеймится как исторический фатализм, как якобы односторонняя экономическая точка зрения, которая приговаривает человека к пассивности, идеологи правой социал-демократии солидарны с другими империалистическими идеологами. Они разделяют с ними оценку, будто марксово учение о закономерности коммунизма, об исторической миссии рабочего класса является спекулятивным, данью мечтам о прогрессе XIX столетия.

По своему содержанию взгляды идеологов правых социал-демократов идут в одном потоке с прочими буржуазными фальсификациями марксизма [30], хотя вследствие специфических классовых функций иначе расставлены некоторые акценты.

В то время как идеологи империализма не скрывают своего отрицания марксизма в целом и открыто защищают государственно-монополистическую систе-

му, современные ревизионисты, мелкобуржуазная оппозиционная критика общества и левый радикализм, которые также являются вариантами буржуазной идеологии, рассматривают марксово учение со своей точки зрения и применяют его категории как для критики явлений государственно-монополистической системы господства, так и для клеветы на реальный социализм. Их позиция по отношению к Марксу имеет откровенно антикоммунистические черты и поэтому неизбежно связана с искажениями и извращениями его учения.

«Интерпретации» Маркса в этих вариантах буржуазной идеологии обнаруживают некоторые общие черты, которые вытекают из того, что в этих «интерпретациях» речь идет в основном о мелкобуржуазной реакции на империализм и на реальный социализм.

С 60-х годов в качестве специфического варианта буржуазной идеологии внутри международного коммунистического движения действует *современный ревизионизм*. Он выступает под лозунгом «Назад к аутентичному Марксу!» и с призывом к «недогматическому обновлению» марксизма, подхватывает антропологическую интерпретацию марксовых идей и утверждает, что «истинная» философия Маркса есть философия творческого человека, уничтожения человеческого отчуждения. Эти якобы аутентичные идеи Маркса, утверждают они, исчезли в современной марксистско-ленинской философии, так как она превратилась в догму и поэтому должна быть обновлена.

Характерно здесь внешне классово индифферентное рассмотрение проблемы отчуждения и человека, превращение марксизма в абстрактно гуманистическое учение.

При этом обнаруживаются различные варианты, которые свидетельствуют о том, что и взгляды современного ревизионизма гетерогенны. Так, например, одни интерпретируют марксову философию как идеалистическую утопическую теорию «всего человечества», которая лежит также в основе марксова понимания социалистического общества [31]. Другие же отстаивают концепцию, согласно которой аутентичная философия Карла Маркса якобы представляет собой «гуманистическую философию практики» [32]. Все эти фальсификации отличаются друг от друга только не-

значительно; всем им присуща субъективистская интерпретация Маркса [33].

Не случайно современный ревизионизм сформировался к началу 60-х годов. В это время в общественном развитии возник целый ряд качественно новых явлений: научно-техническая революция с ее социальными последствиями, обострение государственно-монополистических тенденций капитализма, переход в целом ряде социалистических стран к новому этапу развития после победы социалистических производственных отношений и усилившаяся социалистическая интеграция. Выдвинутые в результате этого новые вопросы нуждались в теоретическом, мировоззренческом осмыслении. Современный ревизионизм поднимает эти проблемы, однако отвечает на них с мелкобуржуазной и субъективистской точки зрения [34].

Этот внешне классово индифферентный подход к новым общественным явлениям выражается в принципиально неправильном определении нашей эпохи перехода от капитализма к социализму как эпохи научно-технической революции. Исходя из этого, ревизионисты определяют основное противоречие современности не как противоречие между империализмом и социализмом, а как противоречие между потребностями производительных сил к полному развертыванию творческих сил личности и рациональной организацией материального и духовного производства в «индустриальном обществе». Тем самым современные ревизионисты игнорируют в корне различную классовую сущность производственных отношений при капитализме и при социализме и утверждают, что рациональная организация производства по своей сущности авторитарна и поэтому якобы препятствует самовыражению индивида; все это, по их мнению, является выражением и причиной человеческого отчуждения, против которого в первую очередь должна вестись борьба [35].

Исходя из этой мелкобуржуазной индивидуалистической позиции, в центре которой стоит абстрактный индивид и его самовыражение, ревизионисты, рядясь в тогу «современного марксизма», который основывается на «аутентичных мыслях» Маркса, хотя и критикуют определенные явления империализма, но в основном направляют свои нападки против реального социализма, против стратегии и тактики коммунисти-

ческих и рабочих партий. Реальный социализм они упрекают в бюрократическом окостенении, которое порождает новое отчуждение. Это, по их мнению, имеет свои причины в государственной социалистической собственности и в неизбежно связанном с ней управлении производством и обществом по принципу демократического централизма под руководством партии рабочего класса. Все это препятствует-де самовыражению индивида. В качестве рецепта для преодоления конструируемого ими таким образом отчуждения при социализме современные ревизионисты рекомендуют децентрализацию и самоуправление[36]. Иначе говоря, это означает: замена социалистического планового хозяйства реставрирующим капитализм рыночным хозяйством и ликвидация диктатуры пролетариата — необходимого политического условия для успешного социалистического строительства.

Свою «модель социализма» ревизионисты противопоставляют в качестве альтернативы реальному социализму и пытаются обосновать ее философски со ссылками на Маркса. В соответствии со своей концепцией самовыражения индивида как основного вопроса эпохи, который может быть разрешен якобы только через самоуправление, они интерпретируют развитую Марксом концепцию человека в плане классово индифферентного антропологического гуманизма. В соответствии с этим человек у Маркса представляет собой-де «творческую сущность практики», которая детерминирована только сама собой, а не объективными законами, которые, мол, делают невозможными «свободные действия» человека. Кредо этого человека — беспощадная критика всего существующего, и прежде всего социалистической действительности. Здесь становится очевидным контрреволюционный характер этой «аутентичной интерпретации Маркса».

Диалектический материализм они отклоняют, ибо он исходит из существования объективных законов в природе и обществе и, таким образом, является врагом любого субъективизма и мелкобуржуазного анархизма. На его место выдвигается «философия человека вообще» или гуманистическая «философия практики» как якобы истинная философия Карла Маркса, в то время как на самом деле она диаметрально противоположна взглядам Маркса и Энгельса. Их исход-

ным теоретическим пунктом является не существующая независимо от сознания материальная действительность, как у Маркса, Энгельса и Ленина, а понимаемый внеисторически и классово индифферентно человек как «свободная сущность практики». При этом они основываются на субъективистски искаженной интерпретации ранних произведений Маркса, в особенности «Экономическо-философских рукописей 1844 года».

Современный ревизионизм, следовательно,— не «современный марксизм», как он себя охотно преподносит, а буржуазная идеология внутри коммунистического движения. Свою подлинную сущность он скрывает под маской мнимого марксизма. Таким образом, объективно, т. е. независимо от субъективных намерений отдельных представителей, он служит идеологическому подрыву коммунистического движения. Тем самым существует тесная взаимосвязь между сущностью и функциями современного ревизионизма, включая и его функцию фальсификации Маркса и Энгельса, и борьбой между социализмом и капитализмом в мировом масштабе.

Его деятельность прежде всего нацелена на теоретическое разложение марксизма-ленинизма и коммунистических партий и тем самым на идейную подготовку контрреволюции. Современный ревизионизм — это пособник империалистической буржуазии.

В этой связи заслуживает внимания то, что в последние годы ФРГ превратилась в центр публикации и распространения ревизионистской литературы. Продукция авторов, пишущих на немецком языке, дополняется быстро выполняемыми переводами и публикациями писаний современных зарубежных ревизионистов и новыми изданиями произведений подобного рода, выпущенных ранее.

К современному ревизионизму тесно примыкает и *мелкобуржуазная оппозиционная критика общества.* С позиций мелкобуржуазного гуманизма это направление подвергает резкой критике противоречия государственно-монополистической системы [37]. Центральным пунктом обвинения является деформация и ожесточение человеческой личности при империализме. При этом, однако, исходя из теории «индустриального общества» и абстрагируясь от классовой сущности буржуазного общества, эти идеологи рассматривают

основные черты капитализма как общие для любого «индустриального общества», следовательно и для социализма. Характерны для этой мелкобуржуазной критики смирение, пессимизм и безысходность. Основные причины этого кроются в том, что мелкобуржуазные критики придерживаются представлений об интегрированности рабочего класса в капиталистическую систему, а также в антикоммунистическом отклонении ими реального социализма. Для них также типично заимствование определенных идей марксизма, перенимание марксовой терминологии, которые, однако, будучи интегрированы в систему буржуазных взглядов, неизбежно искажаются.

В последние годы внутри этого течения доминирующую роль играла «критическая теория» так называемой Франкфуртской школы[38]. Многие другие буржуазные идеологи, а также ревизионисты считают «критическую теорию» «неомарксизмом». Этим объясняется также ее влияние на студенческий левый радикализм и заимствование некоторых ее концепций другими буржуазными идеологами.

Интерпретация идей Маркса и Энгельса представителями Франкфуртской школы определяется, по существу, тем, что они считают себя поборниками критической теории общества. В их интерпретациях марксово учение, являющееся мировоззрением, охватывающим природу и общество, сводится к критической теории общества, лишенной материалистической основы. Главное в марксистском понимании истории они видят в том, что в результате критики политической экономии оно разрушает неправильное представление об естественности капиталистических отношений и доказывает, что они являются не чем иным, как овеществлением человеческой деятельности. Марксизм, таким образом, ограничивается критической теорией, задача которой состоит в том, чтобы разоблачать любое позитивное восприятие существующих капиталистических отношений как иллюзорное[39]. В соответствии с этой концепцией материалистическая диалектика распространяется только на общество и интерпретируется как идеалистическая диалектика субъекта — объекта.

С этой точки зрения всесторонне разработанная Фридрихом Энгельсом материалистическая диалекти-

ка как наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления трактуется как отход от марксовой «критической теории» [40].

Такого рода интерпретация, однако, игнорирует все те документы, которые свидетельствуют о том, что взгляды Маркса и Энгельса на материалистическую диалектику как на мировоззрение, охватывающее и природу, и общество, принципиально совпадают [41].

Из конструируемого между двумя основателями научного коммунизма противоречия выводится бессмысленный упрек в адрес марксистско-ленинской философии в том, что она якобы противоречит первоначальным намерениям Маркса, так как в социалистических странах она используется как теоретическое оружие в строительстве социализма и анализирует социалистическую действительность не с позиции критики всего существующего. Поэтому представители «критической теории» клеветнически объявляют марксистско-ленинскую философию «идеологией оправдания».

Как для буржуазной идеологии в целом, так и для представителей «критической теории» в частности характерна антикоммунистическая позиция по отношению к реальному социализму, который дискредитируется, как правило, как «тоталитарный» строй. Чаще всего Маркс, фальсифицированный в духе классово индифферентного гуманизма, противопоставляется реально существующему социализму; при этом утверждается, что социализм, каким он был в марксовых представлениях, либо оказывается утопией [42] перед лицом действительности, либо должен быть еще лишь создан [43]. Для того чтобы использовать Маркса и Энгельса для критики реального социализма, они интерпретируют марксизм как теорию, пригодную для критики любых общественных отношений — прежде всего социалистических. В этом представители «критической теории» едины с современным ревизионизмом.

Типичной для представителей Франкфуртской школы является также попытка ревизовать учение об исторической миссии рабочего класса. Это ярко отражается в многочисленных утверждениях о том, что якобы современный рабочий класс на базе высокой производительности интегрирован в капиталистиче-

скую систему и поэтому не является больше адресатом для революционной теории [44].

Эти взгляды оказывали и оказывают воздействие на интеллигенцию и студентов, а также на ревизионистские и леворадикальные силы прежде всего потому, что они преподносятся как крайне «критические». Именно в среде непосредственно попавших под их влияние студентов они пробудили в 50-х и 60-х годах критическое отношение к империалистической системе. При этом часто применялась марксова терминология. Однако это был прежде всего мнимый марксизм Франкфуртской школы, который оказал значительное влияние на студенческий левый радикализм.

Между тем практическая борьба с империалистической системой господства вскоре привела к дифференциации студенческого движения и к тому, что часть его перешагнула границы, поставленные «критической теорией», и пришла к революционному рабочему движению. Поэтому мелкобуржуазную оппозиционную критику общества можно рассматривать также как переходную стадию к революционному рабочему движению для интеллектуальных сил левой ориентации. В то же время ее ни в коем случае нельзя переоценивать. В целом негативная сторона этого варианта буржуазной идеологии перевешивает, что дает основание сделать вывод о том, что в конечном итоге он действует в направлении стабилизации системы. В рамках империалистической глобальной стратегии по отношению к коммунистическому движению и социалистическим странам он служит инструментом идеологической диверсии. Это видно на примере влияния, которое он оказывает на современный ревизионизм, причем его псевдомарксизм маскирует его действительные функции.

Особенно тесные связи существуют между Франкфуртской школой и *левым радикализмом,* который в своих основных философских взглядах, а также в своем отношении к идеям Маркса и Энгельса в большой степени находится под влиянием «критической теории», а также взглядов современного ревизионизма. С другой стороны, заметно также влияние левого радикализма на «критическую теорию» и на современный ревизионизм; границы здесь весьма подвижны.

Левый радикализм, выступающий в рабочем дви-

жении как «левый» оппортунизм (анархизм, троцкизм и маоизм), в середине 60-х годов распространился прежде всего в движении студентов и учащихся, к которому примкнули также и молодые рабочие, и выражается в форме «антиавторитаризма» «новых левых».

Ведущие идеологи студенческого левого радикализма, которые играли определенную роль в 60-х годах и частично играют ее еще и сегодня, выдают себя, как правило, за марксистов и пытаются свои «левые» взгляды подкрепить Марксом.

Обращение леворадикальных идеологов к Марксу имеет свою специфику: она определена субъективистской, волюнтаристской, провозглашающей стихийность движения масс позицией левого радикализма. В этой идеологии выражена главным образом глубокая неудовлетворенность определенных слоев интеллигенции, студентов, школьников и учащихся явлениями империалистической системы господства, ее всеохватывающей манипуляцией людьми, ее мнимой демократией и потребительской идеологией. Одновременно в ней выражен поиск альтернативы этой системе. В основе всего этого лежит обострение противоречий, которое все отчетливее вырисовывается с середины 60-х годов и, в частности, нашло свое выражение в кризисе системы образования.

Современная леворадикальная идеология означает протест против всех открытых, а также скрытых форм угнетения человеческой индивидуальности институтами, организациями и авторитетами капиталистической системы. Любой авторитет, институт, организация и т. д. объявляются орудиями подавления, несовместимыми с полным развертыванием инициативы отдельного индивида и масс, и поэтому должны быть ликвидированы.

Характерно, что глубокая враждебность к институтам буржуазного общества возводится во враждебность ко *всем* институтам, организациям и авторитетам и при этом игнорируется их классовая сущность. Так, институты социалистического государства критикуются наравне с институтами буржуазного государства, в отношении и тех и других применяется термин «истеблишмент». Организации рабочего класса, прежде всего марксистско-ленинские партии, ставятся в один ряд с буржуазными партиями [45]. Без сомнения,

здесь чувствуется влияние теорий «индустриального общества», которые требуют классово индифферентного рассмотрения капитализма и социализма.

Для леворадикальной идеологии характерны прославление стихийности масс и враждебность к революционной пролетарской организации и дисциплине. В этой связи коммунистические партии и реальный социализм, основывающиеся на принципе демократического централизма, клеветнически объявляются бюрократической, подавляющей инициативу масс системой. Теоретические причины этого кроются в отождествлении революционной дисциплины с бюрократией. Точно так же ставится знак равенства между демократией и стихийностью.

В этом проявляется важная черта левого радикализма: его антикоммунизм. Это в особенности относится к троцкизму и маоизму, которые в настоящее время преобладают внутри левого радикализма. Типичным для левого радикализма является также его неверие в силу рабочего класса, который рассматривается как интегрировавший в капиталистическую систему, и переоценка роли интеллигенции как авангарда, преодолевающего систему.

В кривом зеркале этих взглядов извращаются основные идеи Маркса и Энгельса. Нередко дело представляется так, будто бы оба они понимали под партией образовавшуюся в стихийной борьбе организацию, а не сознательную классовую партию. С этим тесно связаны и такие фальсификаторские представления, согласно которым Маркс и Энгельс якобы придерживались точки зрения о стихийном образовании пролетарского классового сознания и вовсе не считали, что партия должна соединять социалистическую идеологию с классом и руководить им.

В подобных интерпретациях, как правило, учение Маркса и Энгельса противопоставляется развитому позднее Лениным учению о партии нового типа, т. е марксистско-ленинским партиям, которые клеветнически называются «обюрократившимися аппаратами» [46].

Аналогичная позиция отчетливо проявляется и в высказываниях леворадикальных идеологов о государстве. И в этом случае при ссылках на Маркса дело изображается так, будто бы в своем анализе Парижской коммуны в работе «Гражданская война во Фран-

ции» Маркс рассматривал новую пролетарскую власть как децентрализацию, ликвидацию центральной государственной власти, как самоуправление производителей и прямую демократию советов, при которой стихийность масс не ограничивается ничем [47].

Этот якобы найденный у Маркса «идеал» леворадикальные идеологи противопоставляют реально существующему социалистическому государству, которое они ложно представляют как «бюрократическое». Через кривое зеркало теории стихийности нередко и марксова теория революции интерпретируется как механистическое учение об обнищании, согласно которому к революции рабочих приводит материальная, физическая нищета. А так как в наше время ее уже не существует, заключают они, то рабочие интегрированы в капиталистическую систему и рабочий класс больше не является движущей силой революции [48].

С позиций теории стихийности определенные высказывания Маркса из «Экономических рукописей 1857—1858 гг.» толкуются в том смысле, что Маркс якобы считал возможным автоматический крах капитализма в процессе проникновения науки в производство. Вследствие этого интеллигенция как представитель науки является, по их мнению, важнейшей силой в процессе ликвидации капиталистической системы [49].

Интерпретации Маркса идеологами студенческого левого радикализма, так же как и вся современная леворадикальная идеология, чрезвычайно противоречивы. С одной стороны, они выражают стремление определенных сил иметь ясное представление о глубоких взаимосвязях и причинах происходящих при государственно-монополистическом капитализме процессов и, таким образом, являются переходной стадией на пути к революционному рабочему движению. Однако в целом негативное влияние левого радикализма преобладает. Вследствие своей антикоммунистической направленности по отношению к реальному социализму и коммунистическому движению, своей маскировки Марксом леворадикальная идеология дезориентирует прогрессивные силы и мешает им присоединиться к рабочему движению. Поэтому она проявляет себя как элемент, в конечном итоге стабилизирующий систему, и, таким образом, как специфический вариант буржуазной идеологии, который также включается в

идеологическую диверсию против коммунистического движения и стран социалистического содружества.

Эта дифференцированная оценка не относится, однако, к современному троцкизму и маоизму, которые действуют, как доказано, внутри коммунистического движения в качестве идеологии раскола, а также в качестве фактора, который постоянно усиливает студенческий левый радикализм в его функции стабилизации системы.

Мы охарактеризовали различные направления в фальсификациях Маркса и Энгельса и можем констатировать, что буржуазная идеология для выполнения своих классовых функций вынуждена занимать определенную позицию по отношению к Марксу и марксизму. Идет ли речь о конструировании альтернативы реальному социализму и изображении общественного строя, основанного на частной собственности на средства производства, как способного к безграничному совершенствованию, или о проникновении в коммунистическое движение и в реальный социализм с целью их идеологического разложения, или, наконец, о смягчении мелкобуржуазной оппозиции капиталистической системе — везде буржуазным идеологам приходится бороться с Марксом или «интерпретировать» соответствующим образом его теорию и использовать ее в идеологической классовой борьбе. В этой все более усиливающейся необходимости проявляется кризис буржуазной идеологии, который одновременно является и кризисом «марксологии». Этот кризис, по существу, состоит в том, что буржуазная идеология все в меньшей степени способна выполнять свои классовые функции, которые можно свести к следующему [50]:

во-первых, защищать и идеологически оправдывать исторически изживший себя капиталистический строй;

во-вторых, извращать характер нашей эпохи — эпохи перехода к социализму в мировом масштабе — и вместо этого представлять историю как «открытую столбовую дорогу» капитализма;

в-третьих, разрабатывать альтернативы реальному социализму и разлагать его и мировое коммунистическое движение идеологически, чтобы разжигать таким путем контрреволюционные процессы и изменить тем

самым соотношение сил на мировой арене в пользу империализма.

В этом постоянно растущую поддержку оказывает империализму маоизм своей антиленинской, антисоветской идеологией и политикой, направленными на раскол международного коммунистического движения.

Тот факт, что буржуазная идеология все в меньшей степени способна выполнять свои классовые функции, не случаен, а обусловлен объективными факторами, на которые она может оказывать все меньшее влияние. Это, прежде всего, такие факторы, как: растущая мощь стран социалистического содружества, воплощающего исторический прогресс и соответствующего, таким образом, коренным интересам рабочего класса и всех трудящихся; растущая внутренняя неустойчивость империалистической системы, вытекающая из закономерного обострения основных антагонистических противоречий капитализма и вновь и вновь убеждающая трудящихся в том, что эта система исторически изжила себя; все большее изменение международного соотношения сил в пользу социализма.

Воздействие этих факторов в конечном счете сильнее, чем различные варианты буржуазных аргументов, и не может быть парализовано ни произвольным обращением к Марксу, ни теми или иными его интерпретациями, ни маскировкой предварительно фальсифицированным Марксом. Напротив, диалектика развития такова, что в своих попытках выступать с Марксом против реального социализма и мирового коммунистического движения буржуазная идеология неизбежно оказывается в затруднительном положении, так как реальный социализм равнозначен живой реализации идей Маркса и Энгельса, представляет собой марксизм-ленинизм в действии.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПРОЦЕСС. ВЗГЛЯДЫ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА ПО ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ИХ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

В современной идеологической классовой борьбе вопрос о причинах, движущих силах и законах исторического развития занимает важное место. В этой связи приобретает все большее значение развитая Марксом и Энгельсом теория об объективных закономерностях общественного развития. Это станет ясным, когда мы представим себе, какое место занимает эта проблема в марксизме-ленинизме.

Открытие того, что в человеческом обществе, как и в природе, действуют объективные законы, явилось научным достижением огромной важности. Благодаря этому был разорван мистический покров, лежавший до тех пор на истории и политике, открыта возможность познать причины общественного развития и поступков людей и активно и сознательно изменять мир. Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»,— писал Ленин [1], оценивая эту революцию в общественной теории.

Это великое открытие стало возможным потому, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс последовательно встали на сторону рабочего класса, единственного класса, который наиболее глубоко заинтересован в том, чтобы ликвидировать любую эксплуатацию и угнетение и создать совершенно новый общественный строй. Для этого рабочий класс нуждается в научно обоснованной теории. Ее создание равнозначно открытию объективных закономерностей общественного движения и развития и основанному на этом доказательству неизбежности ликвидации капиталистического

общественного строя и революционного перехода к социалистическому и коммунистическому обществу.

Основывающееся на диалектическом и историческом материализме обоснование закономерности победы социализма пронизывает все произведения Маркса и Энгельса. Об этом красноречиво свидетельствуют все их оценки прошлых, современных и будущих событий и процессов. И ход истории убедительно подтвердил правильность их научной теории общества. Через каких-нибудь 70 лет после выхода в свет «Коммунистического манифеста» русские рабочие и крестьяне в октябре 1917 г. свергли капитализм и под руководством своей марксистско-ленинской партии создали первый в истории человечества социалистический государственный и общественный строй. С тех пор по этому пути пошли и многие другие народы. Социализм во все большей степени оказывает влияние на мировое развитие. Капитализм же, наоборот, находится в глубоком, всестороннем кризисе. Историческая практика нашего времени доказывает: наша эпоха есть эпоха закономерного перехода от капитализма к социализму.

Доказательство Марксом и Энгельсом объективной закономерности общественно-исторического процесса имеет неоценимое значение для рабочего класса и его марксистско-ленинской партии.

С одной стороны, революционное рабочее движение получило твердую мировоззренческую основу, из которой оно может черпать уверенность в своей окончательной победе над буржуазией. Разумеется, эта уверенность в победе основывается не на предположении, что социализм наступит неизбежно сам собой. Напротив, из обоснованного Марксом и Энгельсом учения о закономерности общественного развития вытекает необходимость активной деятельности человека. Победа социализма, хотя она закономерна и, следовательно, неизбежна, возможна, однако, только в результате революционной борьбы трудящихся под руководством рабочего класса и его партии. Субъективный фактор, сознательность рабочего класса и трудящихся играют решающую роль в победе над их классовым врагом. Но именно понимание неизбежности своей победы дает пролетарским революционерам силу и уверенность в этой борьбе.

С другой стороны, открытие Марксом и Энгельсом всеобщих законов общественного развития представляет собой научную базу для стратегии и тактики борьбы рабочего класса за завоевание политической власти и построение нового общества. Выводы Маркса и Энгельса о законах и движущих силах общественных процессов дают возможность предсказывать направление развития, важнейшие тенденции, роль и вероятное поведение различных классов и слоев на определенных этапах классовой борьбы. Исходя из этого, партия рабочего класса может разрабатывать научно обоснованную стратегию и тактику, определять главную политическую цель и возможных союзников, а также выбирать соответствующие тактические средства и методы. Именно в наше время возрастает мировоззренческое и практическо-политическое значение марксистско-ленинской теории о закономерностях общественного развития. Ибо она является твердой, непоколебимой основой для научного доказательства неизбежности крушения капитализма и победы социализма над империализмом в современной классовой борьбе и, таким образом, важнейшим условием для успешного осуществления политики Советского Союза, стран социалистического содружества и мирового коммунистического движения.

Вопрос о закономерности общественного развития отнюдь не сводится к теоретическому спору, а затрагивает коренные интересы всех классов и слоев. Это вопрос, который стоит в центре идеологической борьбы наших дней, и поэтому он занимает значительное место в концепциях фальсификаторов Маркса и Энгельса. Из всего многообразия представленных «марксологами» различных направлений «интерпретаций» взглядов Маркса и Энгельса о закономерности общественного развития можно выделить следующие характерные варианты.

Это попытки, прежде всего, идеологов империализма, включая и социал-реформистов, представить Маркса спекулятивным мыслителем и объявить марксистское понимание истории как естественноисторического процесса ошибочным и связанным с «верой в прогресс», распространенной в XIX столетии.

Это и неудивительно. Ведь буржуазия и ее идеологи особенно заинтересованы в отрицании законо-

мерности общественного развития, чтобы тем самым политически и идеологически укрепить капиталистическую систему. Именно поэтому предпринимаются большие усилия для того, чтобы оспорить закономерный характер перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе и именно в этом вопросе фальсифицировать Маркса.

Другой вариант извращения марксова учения об объективной закономерности общественного развития характерен прежде всего для современных ревизионистов. Он тесно связан с мелкобуржуазной субъективистской реакцией ревизионистов на политику ведущих коммунистических и рабочих партий, которые признают и сознательно используют существование объективных законов социализма в строительстве социалистического и коммунистического общества. Только на этом пути возможно создание нового общества как царства свободы.

На эти теоретические и политические позиции нападают ревизионисты, утверждая, что идея детерминизма в обществе и истории противоречит марксовой концепции человека как свободного существа и якобы является догматическим отступлением от «аутентичного» марксизма, который ревизионисты-де хотят воссоздать заново. С этим связано одновременно утверждение о том, будто бы, по мнению Маркса и Энгельса, с наступлением социализма исчезает естественноисторический характер развития истории. Поэтому положение марксизма-ленинизма о том, что и при социализме действуют объективные законы, ограничивает-де человеческую свободу. По своей политической сущности эти утверждения направлены против коммунистических партий и государственной власти в социалистических странах.

1. ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА — «ПРОРОЧЕСТВО» МАРКСА?

Ничто так не беспокоит буржуазных идеологов, как научно обоснованные прогнозы Маркса и Энгельса о закономерности победы социализма и коммунизма. Поэтому они судорожно пытаются «доказать», что выдвинутые Марксом и Энгельсом предсказания явля-

ются будто бы не научным прогнозом, а «пророчеством». И это тем более странно, что, как показывает действительность, мир изменился именно так, как это предсказывали Маркс и Энгельс.

Что может служить лучшим доказательством этого, чем постоянное изменение международного соотношения сил в пользу социализма? При чем же здесь «пророчество»? Наоборот, оказались неверными все предсказания апологетов капитализма, так как они противоречили объективной действительности.

И все-таки буржуазные идеологи вновь и вновь используют затасканный тезис о том, что не существует объективных законов общественного развития, и выводят из этого старую легенду о «пророке» Марксе. Сегодня это исходит прежде всего от представителей социал-реформизма. Наступление реально существующего социализма и растущая притягательная сила его идей вынуждают их снова вытаскивать преданный в прошлые десятилетия забвению термин «социализм». Это находит выражение в пропагандируемом во все возрастающей степени лозунге «демократического социализма», представляющего собой мнимую альтернативу общественным отношениям в социалистических странах. При этом защитники социал-демократизма лезут из кожи вон, чтобы доказать свою непричастность к научно обоснованному Марксом и Энгельсом социализму. Историческому материализму, который исходит из существования и действия объективных законов также и в обществе и обосновывает социализм как закономерный результат общественного развития, они противопоставляют «социализм» как абстрактный этический идеал человеческого сосуществования. Этот взгляд, ведущий свое происхождение от неокантианского ревизионизма, решительно отклоняет возможность и необходимость научного обоснования социализма. В противоположность этому отстаивается положение о том, что «демократический социализм» выражается в основных этических, общечеловеческих «ценностях», таких, как свобода, справедливость, солидарность. Однако-де возникновение и существование этих принципов не может быть научно объяснено.

Политическая цель, скрывающаяся за этими «ценностями», состоит в признании того, что свобода, равенство, равноправие, солидарность и т. д. при капи-

тализме еще не достигнуты. Эти пустые слова признают некоторые слишком уж явные пороки капитализма и должны удерживать прогрессивные силы от борьбы за ликвидацию всей системы. Сами же социал-реформистские идеологи явно не верят в то, что в современном империалистическом обществе когда-нибудь будет осуществлен этот абстрактный идеал, ибо они требуют постоянного стремления *всех* людей к этой цели, которая, по их словам, никогда не может быть полностью достигнута [2].

Обоснованное Марксом и Энгельсом научное мировоззрение пролетариата заменяется, таким образом, идеалистической, будто бы лишенной какого-либо классового содержания, буржуазной теорией. Для того чтобы подвести теоретический фундамент под эту буржуазную альтернативу научному обоснованию социализма, идеологи социал-реформизма возвращаются к уже пропагандировавшемуся в начале столетия неокантианством, а позднее также и неопозитивизмом схематическому разрыву науки и мировоззрения, науки и идеологии. Тем самым они надеются дискредитировать учение о существовании объективных общественных законов.

К таким мировоззренческим и идеологическим вопросам, по которым, по их мнению, не может и не должна высказываться политическая партия, представители социал-реформизма относят также проблему действия объективных законов общественного развития. Так, например, Вилли Эйхлер, в противоположность взглядам Маркса и Энгельса, полагает, что история развивается не по закономерностям, и уж «во всяком случае не по научно познаваемым» [3].

В другом месте он говорит о «якобы научно обоснованном убеждении в исторически «естественно необходимом» наступлении социализма» [4]. Из этого можно сделать вывод о том, что научно обоснованная политика и базирующаяся на науке ориентация на социализм отвергаются и переносятся в область мировоззрения, под которым понимаются философские спекуляции и вопросы веры. «Кто в состоянии определить и предсказать, что должно сделать человечество, чтобы достичь достойного его положения? Не переоцениваем ли мы принципиально своих возможностей в познании, желании, созидании и воспитании?» — вопро-

шает Эйхлер[5]. Наука, способность познания лишаются, таким образом, возможности познать и понять мир, выступать в качестве инструмента изменения общественной реальности.

На какое же бессилие обрекает этот взгляд, отрицающий существование объективных общественных законов и осуждающий их признание и вытекающие из них выводы как якобы вероучение и «исторический фатализм»! И с этой-то позиции ведутся нападки на научную теорию и методы, обоснованные Марксом и Энгельсом.

Но подобные рассуждения типичны не только для представителей социал-реформизма, они характерны и для других идеологов империализма. Для того чтобы разложить марксово учение на научно-эмпирическую и спекулятивно-утопическую части, они пытаются прежде всего симулировать «объективность». Так, они «соглашаются», что, применяя научные методы, Маркс и Энгельс сделали значительный вклад в социальную науку. Одновременно, однако, утверждается, что этих «научных методов», под которыми понимается эмпирическое наблюдение, описание и гипотетическое объяснение, они придерживались не всегда. Они-де оставили область «чистой науки», уверовав в исторический прогресс и провозгласив слепую веру в способность науки предсказывать ход истории, и нисколько не сомневались в правильности своих личных суждений[6]. Подобные «суждения» о научной теории и методе Маркса и Энгельса в наше время весьма распространены, причем уже здесь можно выявить тенденцию свести марксизм лишь к методу[7].

Но и мнимое признание «позитивных» достижений Маркса и Энгельса нельзя рассматривать как какую-то объективную оценку. Напротив, «марксологам» хотелось бы повысить «авторитетность» своих собственных эмпирико-позитивистских методов, используя для этого растущее влияние идей Маркса и Энгельса.

Здесь вырисовываются и основные направления нападок или фальсификаций взглядов Маркса и Энгельса по вопросу об общественном развитии как объективно закономерном процессе. Исходя из отрицания объективных общественных законов, выдвигаются прежде всего два тесно связанных друг с другом «аргумента».

С одной стороны, утверждается, что признание существования законов развития общества, поскольку оно установлено вне опыта, не является якобы критерием для научной теории и поэтому должно рассматриваться как мировоззренческая спекуляция. Понимание истории как поступательного процесса, научно обоснованное Марксом и Энгельсом, представляет собой поэтому нечто вроде «спасительного учения в платье науки».

С другой стороны, — и это является выводом из первого утверждения — понимание развития общества как закономерного процесса отрицается как якобы недопустимое перенесение законов природы на общество. В этом смысле искажается научно обоснованный Марксом и Энгельсом исторический детерминизм.

Обратимся к первому «аргументу». С его помощью открытые Марксом и Энгельсом законы развития общества и опирающиеся на эти законы прогнозы о неизбежности победы социализма и коммунизма должны быть дискредитированы как телеология или вероучение, т. е. как философская спекуляция, лишенная всякой научной основы. С этой целью Марксу и Энгельсу приписывают взгляд на коммунизм как на цель истории, к которой в известной степени автоматически стремится с железной необходимостью все развитие. Так, представители социал-реформизма утверждают, будто бы марксизм чтит «историческую телеологию», веру в предначертанный ход истории, осуществляющийся без участия человека. Вилли Эйхлер полагает, что материалистическое понимание истории приобрело влияние благодаря «обоснованному им суеверию о том, что бог истории с «безусловной необходимостью» ведет к коммунизму и, таким образом, только он является целью, достойной человека» [8]. В другом месте он употребляет понятие «исторический фатализм» [9]. В этом же духе высказывается Норберт Лезер о «телеологическом аспекте марксового понимания истории» и о «мессианских амбициях» [10].

Вытекающая из законов развития общества цель борьбы революционного рабочего класса — бесклассовое коммунистическое общество как ассоциация свободных, всесторонне развитых личностей — переносится в царство веры и утопии [11]. Подобную точку зрения обнаруживает утверждение Вилли Брандта: «Карл

Маркс начертал с почти ветхозаветной силой картину бесклассового общества на земле»[12]. В более позднем выступлении он подчеркивает эту точку зрения и, говоря об открытии Марксом и Энгельсом законов развития общества, все время связывает их только с «верой» и «догадкой»[13].

Подобные нападки на научность марксистской теории предпринимают и другие идеологи империализма. Эрнст Топич, например, клевещет на марксизм как на «революционный мессианизм» и «революционную эсхатологию»[14]. Он утверждает, что с возникновением пролетариата Маркс и Энгельс направили на него «евангелие диалектики классовой борьбы». Далее он заявляет: «Естественное право буржуазной и диалектика марксистской революции содержали существенные донаучные и ненаучные элементы. Так возникла тогда та своеобразная двойственность, которую в узком смысле можно назвать идеологией»[15]. Здесь вновь проявляется позитивистский метод искусственного раскола марксизма на идеологию и науку.

Таким образом, очевидно, что в аргументации фальсификаций научного характера теории Маркса и Энгельса, по существу, нет никакого различия между идеологами правой социал-демократии и другими идеологами империализма. Так, все они ссылаются на «мессианскую идею», в соответствии с которой Маркс будто бы конструировал историю как закономерный процесс. Эта идея будто бы взята от христианства или, как утверждает Топич, от мистическо-религиозных учений и пришла к Марксу через Гегеля[16]. В качестве основы для объяснения мобилизуется даже древнееврейский мессианизм.

Но наиболее бессмысленные построения характерны для психографического толкования Маркса Арнольдом Кюнцли, Эрнстом Куксом[17] и другими. Эрнст Топич, например, в своем объемистом сочинении в газете «Крист унд Вельт» утверждает, что «Маркс с самого начала развивал свое понимание истории и общества, пусть даже неосознанно, как идеологическое объяснение и оправдание своих собственных мессианских притязаний на власть и господство»[18]. Но приписывание буржуазными идеологами Марксу спекулятивных конструкций исторического процесса и их старания в поте лица найти составные элементы и кор-

ни этих конструкций являются бесперспективным занятием.

Утверждение, что на идеи Маркса повлияла через Гегеля система мистическо-религиозных учений первого и второго столетия, совершенно абсурдно. Здесь полностью исключается то, что любой мыслитель разрабатывает идеи своего времени в совершенно определенных аспектах, определяемых в конечном счете конкретными историческими условиями и общественными отношениями, при которых он живет и действует, формируется его политическая и мировоззренческая позиция. Так, мысли молодого Маркса определялись прежде всего идеями французской революции и гуманистическими идеалами буржуазии, которые он хотел осуществить. Очень скоро Маркс перешел на позиции революционно-демократического гуманизма, который, однако, вскоре благодаря его практическому опыту, а также его теоретическим занятиям перерос в социалистический гуманизм.

В 40-х годах XIX века созрели объективные условия для открытия общественных закономерностей, в частности закономерности исторической миссии пролетариата, класса, который отнюдь не был — как это полагали социалисты-утописты — только несчастной, страдающей массой, нуждавшейся в помощи, а, наоборот, представляет собой революционную силу общества. Этот объективный факт требовал теоретического обобщения. Для этого нужны были совсем не «мессианские» идеи, а глубокое исследование общественной действительности и обоснование ясной классовой позиции. К спекулятивным же концепциям вынуждены прибегать буржуазные идеологи, когда они выступают в поход против марксизма. Это касается в еще большей степени совершенно уж заумных психографических тезисов, которые даже не заслуживают детальной борьбы с ними.

Усердные старания буржуазных идеологов выдать Маркса за спекулятивного мыслителя очень тесно связаны с «аргументом» о том, что Маркс с помощью диалектики сконструировал социалистическую революцию и коммунизм как цель истории.

Так, Ральф Дарендорф приписывает Марксу, что история-де у него «ведется скрытой рукой диалектической необходимости к заранее определенной це-

ли»[19]. Хельмут Клагес тоже подсовывает Марксу и Энгельсу «диалектическую схему объяснения», согласно которой история в целом толкуется как движение прогресса[20]. А идеолог правой социал-демократии Вилли Эйхлер утверждает, что, как и Гегель, Маркс рассматривал историю как результат диалектической игры «мирового разума», или «мирового духа», и, следуя гегелевскому методу, лишь придал ему иные предзнаменования[21]. Такого же мнения придерживается Флехтгейм, который пишет, что Маркс своими прогнозами неизбежного краха капитализма «отважился дать всемирно-историческое предвосхищение и объяснение будущего... причем с помощью средств материалистической диалектики»[22]. С этим можно было бы согласиться, но сразу вслед за этим вылезает шило из мешка, когда Флехтгейм продолжает: вера Маркса и Энгельса «в неотвратимость дальнейшего развития истории и общества к социализму и коммунизму основывается не столько на холодном, эмпирико-научном — и поэтому поддающемся фальсификации — расчете, сколько на донаучном экзистенциальном решении и убеждении. Будучи подлинными учениками Гегеля, Маркс и Энгельс были уверены в абсолютной логичности и надежности диалектической схемы развития, заимствованной у него»[23]. В то время как у Гегеля, мол, диалектика служит тому, чтобы обосновывать вечность существующего порядка, Маркс применил эту же самую диалектику для того, чтобы обосновать преходящий характер всего существующего и необходимость более совершенного будущего. Так диалектика была якобы превращена им из критического инструмента в магическую волшебную палочку[24].

Кто знаком с историей марксизма-ленинизма, тот знает, что это весьма старый аргумент, выдвинутый в свое время против Маркса еще Евгением Дюрингом, который обвинял его в конструировании пролетарской революции и коммунистического будущего с помощью гегелевской триады (отрицание отрицания). Энгельсовское опровержение этого утверждения до сих пор остается актуальным. Это касается как Дюринга, так и его современных последователей. Энгельс указывает прежде всего на то, что Маркс в «Капитале» проанализировал закономерности и тенденции развития капи-

талистического способа производства и лишь затем на основе «настоящего Монблана» фактов сделал вывод о том, что неизбежны экспроприация экспроприаторов, социалистическая революция и тем самым установление общественной собственности на средства производства. Энгельс продолжает: «А теперь я спрашиваю читателя, где диалектически-витиеватые хитросплетения и арабески мысли, где путаное и превратное представление, в соответствии с которым все, в конце концов, сводится к одному, где диалектические чудеса для правоверных, где диалектический таинственный хлам и построенные по правилам гегелевского учения о логосе хитросплетения, без которых Маркс, по уверению г-на Дюринга, не может построить свое изложение? Маркс просто доказывает исторически и здесь вкратце резюмирует, что точно так же, как некогда мелкое производство своим собственным развитием с необходимостью породило условия своего уничтожения, т. е. условия экспроприации мелких собственников, так и теперь капиталистическое производство само породило те материальные условия, от которых оно должно погибнуть. Процесс этот есть исторический процесс, и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы это ни было неприятно г-ну Дюрингу» [25]. К этому можно добавить замечание Ленина, который цитирует это рассуждение Энгельса в полемике с Михайловским, причем имя последнего вполне можно заменить именами других марксологов: «Читатель видит, что вся эта прекрасная отповедь Энгельса Дюрингу целиком относится и к г. Михайловскому, утверждающему точно так же, что будущее у Маркса держится исключительно на конце гегелевской цепи и что убеждение в его неизбежности может основываться только на вере» [26].

Должно быть, туго приходится буржуазной идеологии, если ее представители вынуждены почти целое столетие повторять одни и те же «аргументы» и утверждения, лишь с небольшими вариациями.

Впрочем, в этой связи нужно еще отметить, что буржуазные идеологи, приписывая Марксу и Энгельсу конструирование истории с помощью диалектики, спекулируют также и на незнании своими читателями истории возникновения марксизма. При рассмотрении

процесса разработки материалистического понимания истории нетрудно понять, что Маркс и Энгельс никоим образом не встраивали категорий гегелевской диалектики в историю и не втискивали задним числом исторические общественные факты в диалектическую схему, а что, наоборот, они исходили из изучения реальной истории и реальных экономических отношений, а не из какой-либо умозрительной конструкции, как это делала спекулятивная философия до них. «Там, где прекращается спекулятивное мышление,— перед лицом действительной жизни,— пишут Маркс и Энгельс,— там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание» [27].

Именно потому, что Маркс и Энгельс исходили из изучения конкретных общественных отношений, они открыли реальную диалектику истории, установили, что общественное развитие происходит диалектически. Это открытие Маркс и Энгельс впервые изложили в систематизированном виде в своем совместном труде «Немецкая идеология». Но, конечно, только тот, кто беспристрастно и не через призму «марксологии» изучает «Немецкую идеологию», «Нищету философии» или «Капитал», способен понять, что связанный с этим открытием способ мышления, основанный на диалектическом методе, состоял в том, что Маркс и Энгельс открыли диалектический закон движения общества, тщательно анализируя и изучая факты.

Характерным показателем, насколько далеки были Маркс и Энгельс от того, чтобы встраивать гегелевскую диалектическую схему в действительность, является их разносторонняя борьба с младогегельянцами, которые пытались конструировать факты с помощью диалектики «учителя» и верили, что можно решить все проблемы путем сведения определенных общественных фактов к диалектическим абстракциям. В этой полемике, которую Маркс и Энгельс вели в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии», они показывают со всей очевидностью принципиальную противоположность между идеалистической диалектикой Гегеля — спекулятивной диалектической конструкцией, с одной стороны, и материалистической диалектикой как отражени-

ем реальной диалектики процессов истории и природы — с другой. Но «марксологи» скрывают это от своих читателей и изображают борьбу Маркса и Энгельса с младогегельянцами как простую «перебранку», полемику во имя полемики. Не надо далеко ходить за ответом, чтобы понять, что это делается с целью увести читателей от осознания того, что марксова материалистическая диалектика качественно отлична от гегелевской идеалистической диалектики.

Открытие реальной диалектики истории, законов развития общества было неразрывно связано с утверждением, что общественный процесс есть поступательный процесс. Отсюда различные буржуазные идеологи выводят свое утверждение о том, что, согласно Марксу и Энгельсу, история преследует определенную цель, а открытые Марксом законы движения общества являются-де телеологическим учением в платье науки. Общественное движение, как замечает Раймон Арон, конечно, происходит и, безусловно, оно противоречиво, но «это изменение не сводится к прогрессу, определенной цели или к регулярной эволюции с известной закономерностью и известной продолжительностью»[28]. Арон, как и другие буржуазные идеологи, приписывает Марксу и Энгельсу, что якобы их учение об исторической задаче пролетариата — свержение капитализма и строительство коммунистического общества как цель пролетарской классовой борьбы — предполагает конец общественного развития, да и вообще человеческой истории. Общественные изменения — да, но никакого развития! Раз этот тезис включает цель, принятие его было бы телеологией и, таким образом, разрывом с наукой.

Но Маркс и Энгельс нигде не говорили и даже не намекали на то, что существует конец, конечная цель истории и что коммунизм является этим роковым концом. Наоборот, они высмеивали все телеологические толкования развития истории. В «Нищете философии» Маркс, например, пишет: «Провидение, провиденциальная цель — вот то громкое слово, которым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего. Это в лучшем случае риторическая форма, один из многих способов многословного пересказывания фактов»[29]. Маркс и Энгельс не нуждались в такого рода телеологическом толкова-

нии истории, так как ход истории научно объясняется, исходя из материалистического анализа общественных процессов, как объективный поступательный процесс, и нет необходимости предполагать, что историческое развитие с самого начала стремится к определенной цели.

Материалистическое понимание истории делает возможным строго причинное, научное объяснение хода истории как поступательного процесса и тем самым отвергает любые предположения о «конечной цели» истории, которую «марксологи» приписывают общественной теории Маркса и Энгельса.

В противоположность всем телеологическим взглядам, которые исходят из «конечной цели истории», чтобы изобразить ее как поступательное развитие к этой цели, Маркс и Энгельс открыли, что основной объективный критерий исторического прогресса лежит в материальном производстве как основе всей общественной жизни [30]. Основной внутренний критерий общественного развития — производительные силы. Они переходят от поколения к поколению, причем каждое следующее поколение основывается на опыте предыдущего, и таким образом осуществляется все более полное овладение природой. Производство постоянно осуществляется в рамках определенных общественных отношений, которые складываются в зависимости от уровня развития производительных сил, т. е. существующие производственные отношения определяются уровнем развития производительных сил. Общество развивается в результате объективного диалектического взаимодействия между этими двумя основными элементами производства.

Развитие производительных сил выражает не только степень господства общества над природой, но и является основой прогресса во всех других областях общественной жизни: общественных отношений, культуры, морали и т. д. Из этого следует вывод о том, что поступательное развитие общества — объективная закономерность. Это строго причинное объяснение общественного развития как поступательного процесса — который в условиях расколотого на враждебные классы общества носит антагонистический характер — не оставляет места в науке об обществе для теологических толкований. Маркс и Энгельс последовательно

боролись против всяческих подобных способов толкования, решительно возражая, например в «Немецкой идеологии», против попыток спекулятивного извращения разработанного ими материалистического понимания истории. «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности. Но в искаженно-спекулятивном представлении делу придается такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей...» [31]

Спекулятивное провозглашение коммунизма целью истории в смысле ее конца полностью противоречит взглядам Маркса и Энгельса. Подобные мысли приписали им сами «маркcологи», с буржуазной классовой позиции которых сама мысль о закономерном поступательном прогрессивном развитии, ведущем к уничтожению капитализма, должна представляться метафизической спекуляцией.

Для Маркса и Энгельса коммунистическое общество не было ни телеологически фиксированной целью истории для того, чтобы прийти к состоянию покоя, ни утопическим идеалом, к которому нужно было бы стремиться. Для Маркса и Энгельса коммунизм представляет общественную формацию, которая, будучи обусловлена общественными законами развития, с необходимостью приходит на смену капитализму. Этим, согласно их взглядам, развитие общества ни в коем случае не заканчивается. Однако, по их мнению, с капитализмом заканчивается эра эксплуатации и угнетения, заканчивается, как писал Маркс «предыстория человеческого общества» [32]. Начинается собственная история человечества. «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента,—пишет Энгельс,— люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю...» [33] Следовало бы спросить у «марксологов»: где же здесь идет речь о состоянии покоя, о конце истории?

Телеологическую интерпретацию коммунизма как «конца истории», которая преподносится как взгляд Маркса, другие буржуазные идеологи подхватывают как уже доказанный тезис и с помощью этого конструктивного элемента строят новые фальсификации. Так, например, конструируется противоречие, которое якобы существует между этим роковым «концом истории» и марксовой диалектикой, которая-де сама по себе уже предполагает постоянное движение и изменение. Так, Матильда Ниль, которая находится прежде всего под влиянием идей Эриха Фромма, полагает: «Если коммунистическое общество должно принести с собой конец всех противоречий, а с другой стороны, противоречивая диалектика должна быть универсальным законом, то следует считать, что коммунистическое общество будущего представляет собой отрицание универсального закона» [34].

Этой же самой схемы придерживается и пастор Жан-Ив Кальвез, теряя в этом вопросе ту научную добросовестность, которая выгодно отличает его произведение о Карле Марксе от прочих клерикальных писаний. Он приписывает Марксу противоречия, которых у того вовсе нет в действительности. Так, он утверждает, что из предположения Маркса о том, что при коммунизме будет ликвидировано человеческое отчуждение, логически вытекает состояние покоя исторического развития, которое проистекает непосредственно из диалектики человеческого овеществления. Но овеществление, т. е. труд, включает, по его мнению, отчуждение, т. е. самоовеществление продукта по отношению к производителю. И если вместе с коммунизмом будет достигнуто окончательное и полное преодоление отчуждения, как это показано Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», то логически это будет-де означать также полное преодоление овеществления, а с ним и конец истории. «Объективизация, как потенциальное условие исторического отчуждения, *несовместима* с окончательным благополучным завершением истории, которое Маркс представляет как цель исторического отчуждения. Если объективизация является основным условием реальности и истории, то она должна существовать на протяжении всей истории вместе с возможностями отчуждения, которое она непрерывно разрешает, и, наоборот, если мы примем

всерьез преодоление исторического отчуждения, то мы должны будем отказаться от диалектики реальности, которая создает потенциальные условия для отчуждения»[35].

Кальвез «подтасовывает» здесь Маркса дважды: он приводит цитату из «Экономическо-философских рукописей 1844 года»: «Он (коммунизм.— *Авт.)* — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»[36]. Эту цитату он интерпретирует таким образом, как будто бы Маркс полагал тем самым, что с коммунизмом полностью разрешаются и ликвидируются все противоречия и, таким образом, приходит конец истории. На какой зыбкой основе строится аргументация Кальвеза, видно из того, что он вынужден возводить все здание своих доказательств всего лишь на одной, полностью вырванной из контекста и неправильно интерпретированной фразе Маркса. Совершенно очевидно, что Маркс — если рассматривать его высказывания в их взаимосвязи — и в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» говорит не о конце истории, а о том, что коммунизм как теоретически, так и практически разрешил бы все проблемы, с которыми до сих пор сталкивались люди, так как путем обобществления средств производства создается качественно новый социальный базис общества. В сущности,— в чем заключено рациональное зерно этого замечания Маркса — он выражает здесь мысль, к которой позднее вернется в работе «К критике политической экономии», в форме утверждения, что с капитализмом заканчивается предыстория человечества[37].

Другое «исправление», которое предпринимает Кальвез, заключается в утверждении, что у Маркса овеществление неразрывно связано с отчуждением, поэтому при предположении полной ликвидации отчуждения неизбежна ликвидация овеществления[38]. И это утверждение едва ли сделает честь знатоку марксовых произведений, за которого выдает себя Кальвез, так как он не может не знать, что Маркс в тех же «Экономическо-философских рукописях», полемизируя с Гегелем, проводит четкое различие между овеществлением и отчуждением, которые Гегель употреблял как синонимы. У Гегеля в абсолютном знании, с самопознанием идеи уничтожается отчуждение и тем самым одновременно опредмечивание или овеществле-

ние. Таким образом, у него весь процесс истории производства заканчивается абсолютным духом. Но именно против этого резко возражал Маркс [39]. Поэтому приписывание Марксу этого отождествления, имеющего место у Гегеля, является фальсификацией. Более того, Маркс разработал положение о том, что при определенных условиях, а именно при господстве частной собственности на средства производства, овеществление человека в труде порождает отчуждение, так что последнее не есть вечное, неразрывно связанное с овеществлением, а представляет собой историческое и, таким образом, преходящее явление.

Вследствие этого не может быть и речи о том, что для Маркса и Энгельса коммунизм представляется концом истории. Такого рода интерпретации оказываются чистой выдумкой, не заслуживающей внимания, функции которой, очевидно, заключаются в том, чтобы дискредитировать материалистическое понимание истории и вытекающие из него прогнозы о неизбежной победе коммунизма как якобы спекулятивное спасительное учение, эсхатологию или мессианизм.

Теперь мы можем констатировать, что «аргументы» «марксологов», направленные на то, чтобы применить принцип отрыва науки от мировоззрения к учению о закономерности общественного развития и в особенности закономерности победы коммунизма, обесценить его как спекулятивное, оказываются построениями, не выдерживающими критики.

Телеологическое искажение марксова учения об общественных законах развития связано со стремлениями приписать Марксу и Энгельсу механистический детерминизм, схематическое перенесение законов природы на человеческое общество, что представляет собой уже упомянутое ранее второе направление фальсификаций.

Так, указание Маркса на то, что развитие общества является «естественноисторическим» процессом [40], зачастую интерпретируется таким образом, будто бы Маркс рассматривал людей только как безвольные объекты, которые на веки вечные подчинены слепо действующим законам [41].

Хельмут Фляйшер, например, отождествляет марксов взгляд с «лапласовской идеей природного детерминизма» [42]. Это помогает ему интерпретировать закон единства производственных отношений с характером

и уровнем развития производительных сил как чисто природный процесс, который «отклоняет объективные законы логики общественных отношений, независимой от человеческих намерений» [43].

Из этого следует, что и Фляйшер отождествляет признание действия объективных общественных законов с телеологией.

С целью сделать фальсификацию более совершенной он противопоставляет затем эту телеологически интерпретированную закономерность субъективной, человеческой деятельности. Таким образом он намеревается «опровергнуть» марксистскую теорию закономерности общественного развития.

Этой же линии придерживаются и другие буржуазные идеологи, например, Дитер Оберндёрфер, который пишет: «По образцу естественнонаучного идеала *системы законов,* или всеобщего *главного* закона, из которого могут быть выведены все частные законы и природные явления, здесь (у Маркса и Энгельса — *Ред.*) эмпирическое наблюдение служит для формулирования системы взаимосвязанных законов социальной и политической жизни, которая дает возможность определить и оценить политико-социальные явления» [44].

Эту характеристику общественных законов Оберндёрфер использует одновременно и для того, чтобы фальсифицировать и подвергнуть нападкам философию истории Карла Маркса [45]. Он утверждает, что такая система законов привела бы к «ликвидации человеческой историчности», т. е. лишила человечество его истории и обусловила бы «точное знание миллионов причинных зависимостей всего исторического процесса» [46]. В качестве «основного аргумента» он приводит следующее высказывание: «Эта программа, для которой человек и общество необходимы как механизм, отдельные элементы которого могут быть в принципе рассчитаны, при этом не принимает во внимание бесконечное разнообразие и неисчислимое количество исторических факторов, таких, как могущество случайностей судьбы, выдающихся исторических личностей и сила идей, ни возникновение, ни воздействие которых не могут быть рассчитаны» [47]. Здесь проявляется его теоретическое и идеологическое единство с Поппером. Последний также сводит исторический процесс к описанию отдельных фактов и явлений и затем утвержда-

ет: «Итак, по нашему мнению, никаких исторических законов не существует» [48].

Таким образом, совершенно очевидно, что Марксу приписывают механистическо-детерминистические взгляды на общественные законы, чтобы затем утверждать, что прогноз о неизбежности социализма есть нечто вроде «пророчества» и поэтому он ненаучен. В обществе-де невозможно такое научное предвидение, которое существует в естественных науках. Подобные взгляды разделяет прежде всего позитивист Карл Р. Поппер. Он утверждает, что «историцизм» — к представителям которого он относит и Маркса — приписывает установленным им законам развития абсолютный характер и выводит из них пророчество будущего [49].

Буржуазные идеологи, такие, как Поппер, Обернддёрфер и другие, прибегают здесь к трюку, который существует уже столько же времени, как и само материалистическое понимание истории. Они утаивают, что Маркс и Энгельс совершенно определенно подчеркивали различие в действии законов общества и природы и последовательно отвергали любой механистический детерминизм.

Энгельс последовательно отклонял все попытки свести материалистическое понимание истории к механическому «экономическому» детерминизму [50]. Он многократно отмечал, что всеобщие законы развития материального мира действуют в общественной жизни людей в иных формах и проявляются иначе, чем в природе, так как они действуют в обществе в условиях и взаимосвязях, которых нет в природе. Для процесса развития общества характерно то, что он осуществляется людьми и представляет собой результат их деятельности. Именно это взаимоотношение объективных и субъективных факторов отрицают или фальсифицируют многие буржуазные идеологи, когда они противопоставляют объективным закономерностям деятельность людей, «переменную» человеческих действий [51].

Общественные законы как необходимые, повторяющиеся существенные связи общественной жизни, в особенности ее производственной сферы, являются как предпосылкой, так и продуктом человеческой деятельности. Энгельс пишет, характеризуя это обстоятельство: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках

и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими...

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных воль, причем каждая из этих воль становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие»[52]. Во второй части цитаты Энгельс, правда, имеет в виду досоциалистическое общество, однако совершенно очевидно, что о механистической детерминированности общественных явлений, об «ориентировании на естественнонаучный идеал системы законов» не может быть и речи.

Общественные законы, как, впрочем, и многие законы природы, нельзя приравнивать к динамическим законам. Но именно на них ориентировались естествознание и домарксов материализм: с их помощью можно, при условии, что известны исходные величины и сопутствующие условия, составить точные, детальные прогнозы для всего хода движения тел или процесса. Такие прогнозы считались для науки идеалом. Но при качественно отличных условиях, в первую очередь в условиях массовых явлений в немеханических отраслях, и прежде всего в обществе, они невозможны. Действующие в обществе законы определяют действия не каждого отдельного человека, а только больших групп людей, классов. Знание этих законов делает возможным получение почти точных выводов о предполагаемых действиях соответствующих классов и слоев при определенных условиях. Это не имеет абсолютно ничего общего с пророчеством. Достаточно указать на предсказание Энгельса, сделанное им в 1887 г., о будущей войне и ее предполагаемых последствиях, которое, как известно, оказалось правильным[53].

Исходя из открытия всеобщих законов общественного развития и анализа объективных законов капиталистического способа производства и его внутренних противоречий, Маркс и Энгельс пришли к выводу о неизбежной замене капиталистической общественной формации коммунистической. Но этот закономерный переход к коммунизму ни в коем случае не происходит

автоматически, ни Маркс, ни Энгельс ничего подобного не писали. Этот автоматизм изобрели буржуазные идеологи и приписали его Марксу и Энгельсу, которые, напротив, разъясняли, что общественные законы проявляются как тенденции и осуществляются через многочисленные случайности и противодействующие тенденции в действиях людей, что, таким образом, в реализации объективных потребностей общественных законов решающую роль играет субъективный фактор.

Поэтому Маркс и Энгельс решительно выступили за организацию пролетариата в политическую партию и ее вооружение научной теорией, так как они понимали, что не может быть и речи о механическом, автоматическом крахе капитализма. Как учит исторический опыт, успех социалистической революции действительно в решающей степени зависит от классовой сознательности пролетариата и от наличия марксистско-ленинской партии.

Определение истории как *естественноисторического* процесса является также исходным пунктом для механистического извращения материалистического понимания истории.

Как, в частности, видно из работы «К критике политической экономии. Предисловие», Маркс и Энгельс понимали историю человечества как единый, осуществляющийся в противоречиях закономерный процесс [54], который находит свой исходный пункт в материальном производстве и в своем движении «в последней инстанции» определен через диалектическое соотношение между производительными силами и производственными отношениями. Маркс указывал, что общественное развитие, так же как и развитие природы, строго детерминировано. Общественная жизнь протекает при объективных, не зависящих от воли человека взаимоотношениях и закономерностях. Люди не могут произвольно делать свою историю. В этом смысле Маркс говорил об истории общества как *естественноисторическом* процессе. Но это не имеет никакого отношения к схематическому перенесению хода процессов неживой природы на общество.

Маркс и Энгельс говорили, правда, также и о том, что общественные законы могут действовать в *форме естественных законов* [55]. При этом они ни в коем случае не имели в виду отождествление законов природы

и общества, а характеризовали тем самым способ действия последних в досоциалистических общественных формациях. Здесь объективные общественные законы вследствие существования частной собственности на средства производства действуют спонтанно и по отношению к непосредственным намерениям и представлениям о будущем действующих личностей проявляются аналогично законам природы. Так полагал и Маркс, замечая в «Капитале», что закон стоимости в этих условиях «прокладывает себе путь... в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом» [56]. В примечании Карл Маркс ссылается на работу Энгельса «Наброски к критике политической экономии», в которой Энгельс характеризует общественный закон, действующий в условиях анархии и конкуренции, как «естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно» [57]. В этом же смысле Энгельс говорил о том, что история протекает в виде природного процесса. Этот естественный характер хода общественных процессов ликвидируется лишь пролетарской революцией и осуществляемым в ходе ее обобществлением средств производства, так как в результате этого создаются материальные условия для того, чтобы люди могли осознанно творить свою историю — с единой волей по общему плану [58]. Только тогда люди, как подчеркивал Энгельс в другом месте, в преобладающей и все возрастающей мере будут иметь те следствия, которых они желают [59]. Этот новый общественный строй, в котором люди овладеют объективными законами своей собственной деятельности, Маркс и Энгельс называли собственной историей человечества.

Таким образом, приписывание Марксу и Энгельсу каких-либо механистических взглядов или даже схематического перенесения процессов природы на общество — чистая выдумка. Такие попытки позорны для тех, кто их предпринимает, так как они основываются на грубом извращении действительных высказываний Маркса и Энгельса. Изображение Маркса и Энгельса механистическими детерминистами, по мнению которых социалистическая революция произойдет сама собой, как процесс природы, имеет различные функции. *Во-первых,* это должно помочь дискредитировать ма-

териалистическое понимание истории как «спасительное учение в платье науки»; считается, что таким образом легче будет приписать Марксу и Энгельсу веру в законы и прогресс, ориентированную на классическое естествознание. *Во-вторых,* эта фальсификация связана с все отчетливее прослеживаемой ныне тенденцией к конструированию противоречий между Марксом и Энгельсом, с одной, и Лениным — с другой стороны. На фоне механистически искаженных взглядов Маркса и Энгельса особое значение субъективного фактора, подчеркнутое Лениным, выдается за волюнтаризм. Подобные действия направлены в первую очередь против дальнейшего развития Лениным марксова учения о партии и пролетарской революции, а тем самым против единства марксизма-ленинизма [60].

Следовало бы указать также и на то, что на основе механического искажения материалистического понимания истории предпринимаются попытки придать субъективному фактору определяющее значение среди движущих сил истории. Приписав Марксу и Энгельсу поклонение «историческому фатализму» и пренебрежение к «человеку», эти идеологи считают, что они уже подготовили почву для требования новой науки о человеке, «новой антропологии». В качестве обоснования приводится, что в человеке действуют иррациональные, не зависящие от сознания и не объясняемые им силы. Так, например, Вальдемар фон Кнорринген пишет: «Существуют мощные силы в самом человеке, которые не могут быть объяснены, исходя из его социального положения» [61]. В этой же связи он отмечает «власть иррациональных сил в человеке, которые не связаны ни с каким классом» [62]. Так как существование и действие социально-экономических и классовых отношений трудно отрицать, то они признаются, но лишь как «аспект», занимающий подчиненное положение среди многих других и имеющий по сравнению с «мощными иррациональными силами» только ограниченное значение. Подобные взгляды встречаются также у Вилли Эйхлера. Он утверждает: ««Столкновение человека с человеком», которое Маркс хотел преодолеть, заложено в природе человека» [63]. Более подробное разъяснение этих «сил в человеке» дают Кнорринген и ряд соавторов в другом месте. Со ссылкой на Зигмунда Фрейда, Конрада Лоренца и других буржуазных психоаналити-

ков и этологов [64] утверждается существование так называемых основных социальных потребностей. В качестве таковых называются: «1. Социальная потребность, направленная на достижения и успешную конкуренцию... 2. Социальная потребность, направленная на общественную власть... 3. Потребность в агрессии, направленная на наступление и разрушение препятствий, особенно на врагов и общественные препятствия» [65].

Эти «потребности» объявляются, по существу, неизменными составными частями «социальной природы человека». При этом предполагается, что, например, войны возникают непосредственно из самой структуры наклонностей, являются высвобождением потребности в агрессии, т. е. представляют собой общечеловеческое явление, а не обусловлены специфическими общественными отношениями [66].

То же самое относится к другим «основным потребностям». Такие явления государственно-монополистического капитализма, как конкуренция, угнетение, господство монополий в государстве и экономике, войны, классовая борьба и т. д., которые проистекают из сущности этого специфического общественного строя и относятся к условиям его существования, обобщаются и представляются как вечные человеческие качества.

Тем самым империалистические отношения, которые — следуя этой концепции — возникают из «природы человека», представляются как данные самой природой, неизменные в своей сути отношения, которые следует лишь получше приспособить к этим «основным потребностям» человека. Из этого тезиса выводится затем необходимость реформ, которые должны расширить «поле деятельности» людей, но исключают при этом любые революционные изменения в обществе [67].

Следует еще добавить, что подобные теоретики включают в «социальную природу человека» и второй компонент, происхождение которого остается также в тени, а именно существование данных человеку a priori основных этических ценностей (по большей части здесь называют свободу, справедливость и солидарность), которые действуют в качестве вечных норм и регуляторов индивидуальных и общественных действий и противодействуют игре инстинктов, бушующей в индивидууме и обществе, призваны ее в известной степени регулировать [68]. Однако не существует никаких

шансов устранить эти побуждения — основные «социальные потребности» — путем «изменения производственных отношений»[69].

Таким образом, из этого следует, что те идеологи, которые выступают за «дополнение» материалистического понимания истории «новой антропологией», скатываются на позиции концепции общества, рассматривающей человека и общество как арену действия иррациональных сил и тем самым оправдывающей и защищающей империалистические отношения.

2. ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ ИЛИ «СВОБОДНЫЕ» ДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ? ОБ ОДНОЙ ПОПЫТКЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗВРАЩЕНИЯ МАРКСОВА УЧЕНИЯ

В то время как идеологи империализма оспаривают существование объективных законов общественного развития и в особенности закономерность перехода к социализму, современные ревизионисты, а также идеологи левого радикализма и Франкфуртской школы приписывают Марксу и Энгельсу взгляды, согласно которым при социализме начинается новый период в истории, когда люди становятся наконец свободными, ибо они больше не подчиняются действию объективных законов. Царство свободы, как называли Маркс и Энгельс идущий на смену капитализму общественный строй, интерпретируется современными ревизионистами в духе их индивидуалистических и частично анархистских концепций свободы. Это неразрывно связано с их антикоммунистической целью оклеветать реально существующий социализм как «бюрократический» и «деформированный»[70]. Причиной этого, по их мнению, является лежащая в основе реального социализма марксистско-ленинская философия, которая исходит из того, что при социализме также существуют объективные общественные законы. Отсюда делается вывод, что в социалистических странах не может быть и речи о свободном развитии человека, о ликвидации отчуждения.

В этом же духе звучат следующие утверждения неоревизиониста Карела Козика: «Когда история рассматривается как протекающая в соответствии с есте-

ственнонаучной закономерностью необходимость, когда сам социализм исходит из того, что он неизбежен и необходим, когда человек понимается как homo economicus или как управляемая единица, когда диалектика сводится к нескольким элементарным положениям, а истина понимается как утилитарный вопрос, то сумма этих идеологических представлений дает нам исходный пункт, из которого выводится та известная историческая форма социализма» [71].

Под этим искаженным изображением, которое представил здесь Козик, он имеет в виду марксистско-ленинскую философию. Ей явно приписываются как механистический детерминизм, так и игнорирование человеческой активности. В противоположность этому современные ревизионисты претендуют на выдвижение единственно правильной интерпретации обоснованного Марксом и Энгельсом учения о закономерном ходе истории.

Наиболее четко нападки на исторический детерминизм и попытки обезличивания марксизма проявляются у философов группы «Праксис», а в определенных случаях — и у представителей Франкфуртской школы. Так как при этом они часто ссылаются на Маркса и выдают свои взгляды за подлинно марксовы, рассмотрим эти концепции более детально.

Исходным пунктом искажения ими исторического детерминизма является утверждение о том, что якобы марксова философия есть гуманизм, а не сциентизм. Это должно означать, что марксизм есть учение об освобождении человека, а не наука об объективных законах развития в природе и обществе. Уже это софистическое противопоставление объективных законов и человеческой свободы отчетливо показывает, что марксова концепция человека субъективистски искажается. И они действительно утверждают, что для Маркса человек был творческой сущностью практики, которая определяется не иначе, как через самое себя, т. е. ни в коей мере не детерминирована объективными законами. Не будем принимать во внимание, что тем самым марксизму приписывается механистическое понимание объективных законов [72]. Подобные утверждения буржуазных идеологов о мнимой несовместимости объективных законов с сознательными действиями человека мы уже рассматривали в предыдущем разделе.

Здесь же речь идет о том, что в изложении некоторых «марксологов» материалистическое понимание человека заменяется идеалистическим, причем по крайней мере Гайо Петрович и другие философы группы «Праксис» признают своим крестным отцом хайдеггеровский экзистенциализм. То же самое можно отметить и у Герберта Маркузе [73]. Сказывается здесь и теоретическое влияние «интерпретаций» Маркса в 20-х годах Карлом Коршем и Георгом Лукачем [74].

Главным образом представители группы «Праксис» считают существование закономерностей несовместимым с человеческой свободой, с творчеством человека. Милан Кангрга утверждает, например, что человеческая практика никогда и нигде заранее не устанавливалась и не определялась. Все категории, которыми оперируют марксисты-ленинцы, такие, как необходимость, свобода, закономерность и другие, не имеют якобы ничего общего с идеями Маркса. Диалектический детерминизм Кангрга оценивает как «деревянный чугун», т. е. как парадокс. Анализируя марксовы «Тезисы о Фейербахе», он задает поразительно «глубокомысленный» вопрос, позволяющий сделать вывод об уровне его диалектического мышления: как может Маркс требовать изменения мира, если принять во внимание, что мир развивается по объективным законам? «Если мир, или «так называемая объективная реальность», история, общество и т. д. развиваются по своим собственным необходимым и неизменным закономерностям; если все строго определено и заранее хорошо известно, то требование об изменении мира не только невозможно, но и вообще абсурдно: даже мысль об этом уже смешна» [75]. Подобные соображения мы находим и у других представителей группы «Праксис», например у Данко Грлича, который утверждает, что человеческая практика не детерминирована материально. Значение практики состоит в том, чтобы знать, что такое человек, который создает и изменяет условия. Лишь человек является субъектом всех реальных исторических изменений [76].

И это идеалистическое и субъективистское рассуждение выдается за «аутентичный марксизм»! Без сомнения, для Маркса человек — это творческая, самовоспроизводящаяся сущность, спрашивается только, в каком смысле. Безусловно не в субъективно-идеали-

стическом, а в диалектико-материалистическом смысле. Практика, которая определяется современными ревизионистами независимо от материалистического решения основного вопроса философии — так, у Гайо Петровича она охватывает все стороны человеческой жизни, даже такие эмоции, как смех и плач,— у Маркса понимается как человеческая производственная жизнедеятельность, которая по своему характеру материальна. Практика — это деятельность, которая может изменять реальные условия, на что не способна лишь одна духовная деятельность. Поэтому Маркс в первом тезисе о Фейербахе говорит о практике как о человеческой чувственной деятельности [77]. Ее материалистического характера не меняет и тот факт, что практические действия людей постоянно управляются сознанием и вследствие этого включают в себя и духовные моменты. Практическая деятельность, однако, прежде всего материальна. Но не только.

Она также определяется материальными факторами, она не является произвольным действием. Маркс не только доказал, что производственная практика (понимаемая здесь в широком смысле как борьба с природой и как совокупность производственных отношений) — это основа для возникновения общественного сознания, так что, следовательно, формы права и государства нужно объяснять не из них самих, а из материальных производственных отношений, но и показал, что идеи, управляющие практической деятельностью, определены факторами, не зависящими от воли человека и, следовательно, имеющими материальный характер [78].

Таким образом, сознательный человеческий труд, непосредственно реализующий свои цели, определяется объективными законами природы, успех его зависит от правильного познания и применения законов природы. На это Маркс указывает также и в «Капитале»: «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы веществ. Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы» [79]. Таким образом, творческое преобразование природы человеком не представляет для Маркса ничего самопроизвольного.

Однако и с производительными силами, которые

создаются человеком и которыми он располагает, нельзя обходиться произвольно, не вредя обществу. Конкретная историческая производственная практика людей определяется созданными предшествующим поколением средствами производства, технологией, опытом и т. д.

Эту мысль, исключающую любую субъективистскую интерпретацию человека как творца самого себя, с большой ясностью и определенностью Маркс высказал, в частности, в известном письме П. В. Анненкову: «Излишне добавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил,* которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства,— благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения... Их материальные отношения образуют основу всех их отношений» [80].

Так же как и материальная производственная практика, совокупность практических взаимоотношений, в которые люди вступают друг с другом в производственном процессе, т. е. производственные отношения, определяется не общественным сознанием людей, а характером и уровнем развития материальных производительных сил. Это означает, что производственные отношения для человека не являются произвольно избираемыми. Они связаны с материальными условиями, которые независимы от их воли и в свою очередь детерминируют ее. Об этом Маркс говорит вполне определенно. В уже упоминавшемся письме Анненкову

он замечает: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления» [81].

Мысли о том, что идеи, соображения, мотивы и т. д., которыми люди руководствуются в своей практической деятельности, определяются объективными факторами, Маркс излагает также в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [82]. Практическая человеческая деятельность для Маркса и Энгельса, таким образом,— это деятельность, которая имеет свои источники не в сознании действующего субъекта, а вне его, в материальной действительности природы и общественных отношений, созданных предшествующим поколением.

Таким образом, Маркс определяет практику безусловно материалистически. Поэтому бессмысленно утверждать, что материалистический ответ на основной вопрос философии излишен, поскольку-де человек является практической сущностью. И если в ранних произведениях Маркса об основном вопросе философии говорится недостаточно четко, то в своих исследованиях материалистического принципа, взятого у Фейербаха, Маркс руководствуется тем, что бытие по отношению к сознанию первично и определяюще.

Это видно, например, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», когда он утверждает, что все отчужденные формы сознания людей находят свои причины в отчужденном труде, т. е. в общественном бытии [83].

Это материалистическое решение основного вопроса философии образует также основу для научного исследования диалектического соотношения объективных условий и сознательных действий людей, для правильного понимания творческой человеческой деятельности.

Так, люди хотя и творцы своей собственной истории, но их сознание, которое управляет их собственными действиями, в конце концов, в свою очередь, определяется созданными ими ранее объективными, материальными общественными отношениями. Эту мысль Маркс подтверждает в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [84].

То, что в субъективистских концепциях современных ревизионистов выступает как антиномия, а именно: *либо* существование объективных законов, *либо* возможность изменения общественных отношений людьми, у Маркса понимается как диалектическая взаимосвязь. Согласно Марксу, в процессе преобразования природы и общественных отношений общественным субъектом (здесь мы абстрагируемся от его внутренней дифференциации на классы и т. д.) существуют определенные стабильные, повторяющиеся связи — закономерности. Эти связи по отношению к общественному сознанию первичны. Они существуют не независимо от действий субъекта, а связаны с его существованием. Так как объективные потребности общественных законов, выражаясь в потребностях и интересах людей, превращаются в субъективные, то они определяют идеи и представления, мотивы поведения человека. Вследствие этого законы являются условием, предпосылкой человеческих действий. Через практические, управляемые соответствующими мотивами действия людей субъективное вновь переходит в объективное, осуществляются, проводятся в жизнь общественные законы. Человеческие действия, таким образом, являются условием для действия общественных законов, но в конечном итоге сами они, в свою очередь, детерминированы материально через объективные требования закономерностей.

Таким образом, общественные законы по отношению к человеку не являются чем-то внешним, как это пытаются представить ревизионистские идеологи, они неразрывно связаны с общественной деятельностью человека. Они детерминируют ее и устанавливают рамки действий людей.

Это материалистическое положение неоднократно доказывается в работах Маркса и Энгельса. Его исключение из марксистской философии от имени Маркса равнозначно фальсификации марксовых взглядов. Лишь познание объективных общественных законов делает возможным действительно свободную творческую деятельность, а тем самым и строительство социалистического и коммунистического общества.

Субъективистская интерпретация марксова понимания сущности человека и его роли в историческом процессе образует для буржуазных идеологов теоретическую базу для извращения различных высказываний Маркса и Энгельса о закономерности общественного развития и использования этих высказываний в качестве доводов против реального социализма.

Известно, что Маркс и Энгельс неоднократно характеризовали законы общества как «законы природы», подобно тому как исторический процесс они называли «естественноисторическим» процессом. Как мы уже показали, буржуазные идеологи используют это как повод для приписывания Марксу и Энгельсу механистического материализма. Представители же современного ревизионизма и «критической теории», напротив, толкуют эти формулировки Маркса с позиций своих собственных субъективистских концепций, которые они тоже якобы обнаружили у Маркса. Согласно их толкованию, под общественным развитием как естественноисторическим процессом Маркс понимал спонтанное общественное развитие, т. е. развитие, которое протекает в целом бессознательно, по типу естественного процесса, хотя с точки зрения отдельных действий оно и является сознательным. Таким образом, понятием «естественноисторический процесс» Маркс хотел охарактеризовать не *объективный* характер общественных законов, а придерживался, как утверждают современные ревизионисты, того мнения, что со скачком из царства необходимости в царство свободы наступит конец стихийности и тем самым бессознательности всего общественного процесса в целом и это будет равнозначно исчезновению объективных законов. Отстаивая подобное мнение, Теодор В. Адорно пишет: «О том, что восприятие законов природы не может быть буквальным... свидетельствует са-

мое сильное положение марксовой теории вообще, положение о прекращении действия этих законов. Там, где начинается царство свободы, эти законы больше не действуют. ...Лишь искажение марксовых взглядов, получившее, например, свое отражение в диамате (имеется в виду диалектический и исторический материализм.— *Авт.)*, который продлевает до бесконечности существование царства необходимости, утверждая, что это-де и есть царство свободы, привело путем фальсификации полемического марксова понятия закономерности природы к превращению этого понятия из конструкции естественной истории в вечную научную доктрину. Однако благодаря этому марксово обоснование естественной истории ничего не теряет из своего истинного содержания, главным образом критического»[85]. Здесь наглядно видна субъективистская, идеалистическая интерпретация марксовых мыслей. Общественный субъект еще не господствует над произведенным им объектом, а, наоборот, этот объект выступает в форме товаров и денег, в форме «овеществления» как якобы данный природой и поэтому как закон природы. С царством свободы, однако, исчезает-де господство объекта над субъектом. Адорно понимает это, конечно, не в том смысле, в котором характеризовал господство свободы Фридрих Энгельс, т. е. не как господство людей над своими собственными условиями существования, основанное на знании объективных общественных законов. Марксу и Энгельсу приписывается взгляд, согласно которому в царстве свободы человек якобы сможет действовать сам по себе, независимо от внешних факторов, а сознание в полной мере станет первичным. Историческое развитие изображается как процесс, в котором создается этот свободный субъект, подчиняя себе прежде всего объект как чуждую силу, как данный природой (отсюда — предыстория) до тех пор, пока не создадутся все условия для того, чтобы субъект мог стать окончательно независимым от объекта и можно было бы говорить о полной свободе в смысле независимости от объективных общественных законов.

Подобная интерпретация встречается также у Гайо Петровича, который истолковывает Маркса так, как будто, по Марксу, человек есть сущность практики, свободная сущность, но это свое определение он должен еще реализовать в ходе истории. К тому же в

классовом обществе человек детерминирован еще и экономическими факторами. Петрович не может, таким образом, не принять во внимание соответствующие ясные высказывания Маркса, данные, например, в предисловии «К критике политической экономии», однако искажает их, как мы видели выше, в духе своей субъективистской концепции. По мнению Петровича, экономический фактор в бесклассовом обществе теряет «свое господство» и определяющим фактором становится сознание людей [86].

Так проясняется идеалистическая конструкция: царство свободы интерпретируется как состояние, в котором человек может реализовывать свои творческие возможности независимо от объективных законов. В этом смысле толкуется и понимание Марксом царства свободы, изложенное в третьем томе «Капитала» [87]. Широко распространено также положение о том, что с ликвидацией «естественных законов» человеческого общества теоретически ликвидируется и марксизм, так как его предпосылка — определение субъекта через объект — больше не существует [88].

Было бы явной ошибкой рассматривать эти идеалистические, превращающие марксизм в утопию рассуждения ревизионистских «марксологов» как чистую спекуляцию, которая к тому же затрагивает немногих. При этом мы упустили бы из виду, что такого рода переделка марксовой диалектико-материалистической теории в идеалистическую послужила в качестве одной из философско-теоретических основ действий леворадикальных групп, базировавшихся на волюнтаристской концепции о том, что можно свергнуть капитализм одной только «революционной волей»; независимо от объективных условий.

Псевдомарксизм, в частности в том виде, в каком он проповедуется Франкфуртской школой, оказал в конце 60-х годов заметное влияние на оппозиционных студентов. Из извращенной интерпретации Маркса «критической теорией», в соответствии с которой высказывания Маркса о естественной закономерности общественного процесса преподносились как верные только для капитализма, они делали вывод: переход к социализму — это в первую очередь вопрос усилий субъективного фактора, так как не существует никакой закономерности революционного процесса [89].

Подобное идеалистическое толкование марксизма, перенятое у «критической теории», стало наряду с маоистскими инспирациями существенным элементом волюнтаристских действий и объективно способствовало тому, что эти акции в значительной степени оказали прямо противоположное воздействие: они действовали не в направлении ликвидации капитализма, а оказались элементом сохранения системы.

Как уже отмечалось, теоретическая основа подобной фальсификации идей Маркса — это интерпретация марксизма в духе идеалистической диалектики объекта — субъекта, центральной категорией которой является практика. На этой неверной основе положение Маркса об общественно-историческом процессе как «естественноисторическом», стихийном идентифицируется с объективным характером общественных законов.

И если с обобществлением средств производства и установлением власти рабочих и крестьян при социализме в значительной степени ликвидируется стихийность и тем самым стихийное действие объективных законов, то это ни в коем случае не затрагивает объективный характер общественных законов. Складывающиеся между людьми в процессе материального производства и воспроизводства существенные и необходимые связи, которые определяют их действия, существуют теперь, как и прежде, независимо от сознания людей и определяют общее направление их деятельности. В этом ничего не меняется и при социализме.

Новое в коммунистической общественной формации состоит не в том, что изменяется соотношение объективного закона и сознательного действия, а в том, что коренным образом изменяется соотношение стихийности и сознательности. Эти два аспекта нельзя смешивать, как это имеет место у многих «марксологов» [90].

Нет ни одного случая — и буржуазные и ревизионистские идеологи не могут привести ни одного,— где бы основатели научного коммунизма говорили о том, будто бы при социализме перестают действовать объективные общественные законы. Более того, имеются их четкие противоположные высказывания. Вспомним хотя бы замечание Энгельса о том, что при социализме люди впервые творят свою историю сознательно,

но не в смысле отсутствия общественных законов, а непосредственно на основе познания и применения объективных законов, предполагающих обобществление средств производства [91]. Свободу Маркс и Энгельс всегда рассматривали как господство человека над природными и общественными условиями существования на основе познания и применения объективных закономерностей. И царство свободы, о котором Маркс говорит в третьем томе «Капитала», покоится на царстве необходимости, а именно на материальном производстве. Процветание его возможно только тогда, когда люди управляют обменом веществ с природой самым рациональным образом, т. е. при строгом соблюдении и использовании объективных законов. Если фальсификация взглядов Маркса и Энгельса на закономерность общественного развития необходима, с одной стороны, для отвлечения определенных сил, выступающих против империализма, от революционной рабочей партии, для подстрекательства их к необдуманным акциям, то, с другой стороны, она особо направлена против диалектического и исторического материализма как инструмента конкретного анализа конкретной ситуации марксистско-ленинской партией. Это проявляется в открытом противопоставлении «собственной» марксовой философии и «более позднего» диалектического и исторического материализма, которое проводят современные ревизионисты и представители «критической теории». Эти «марксологи» искажают марксову философию, превращая ее в идеалистическую «философию практики», в классово нейтральную «философию человека», которая свою задачу видит в том, чтобы с позиций «гуманизма» «радикально критиковать» существующую общественную действительность с целью изменить ее в «гуманистическом духе». Исходя из этой позиции, учение диалектического и исторического материализма о всеобщих и конкретных закономерностях общественного развития критикуется как «позитивизм». По их мнению, идея о закономерно движущемся и развивающемся материальном мире фиксирует сознание на «фактически данном», а не на его изменении.

В этой связи следует отметить, что многие «марксологи» под материальностью общества в «марксовом смысле» понимают овеществление общественных отно-

шений вследствие товарного производства, природности (стихийности) общественного движения. Поэтому не случайно Альфред Шмидт пишет: «Эта непосредственность теоретически (и особенно в обыденной жизни) трудно поддается рассмотрению: вещественно закостеневшие и прикованные к вещам отношения людей, которые, все более и более хирея, превращаются в обыкновенных носителей и безмолвных выразителей этих отношений, образуют отрицательную совокупность, специфический объект диалектического материализма» [92]. Так как диалектический и исторический материализм признает первичность общественного бытия по отношению к общественному сознанию, то ему приписывается, что он якобы тем самым фактически оправдывает существующее, «природность» общественных отношений.

В своей «позитивистской вульгаризации», как утверждает Миладин Животич, марксова диалектика «превращается во всеобщую теорию порядка и структурных отношений существующего. Это превращение гуманистической диалектики в позитивную науку о существующем происходит прежде всего из-за бюрократических интересов сохранения существующего» [93]. Результатом этого, утверждает далее Животич, является приспособление теории к существующему положению вещей. Таким образом, диалектическому и историческому материализму фальсификаторски приписывается, что он якобы есть «идеология оправдания». С этим бессмысленным тезисом прямо связаны нападки современных ревизионистов и выдающих себя за «марксистов» представителей мелкобуржуазных оппозиционных критиков общества на реально существующий социализм и марксистско-ленинские партии рабочего класса, которые дискредитируются как «бюрократические». Эта клевета на диалектический и исторический материализм имеет также целью выбить из рук революционной партии рабочего класса научный инструмент для действительно революционного, критического анализа общественных отношений и их изменения. Тогда возникает вопрос: на чем же должна основываться научно обоснованная политика? Несомненно, в первую очередь на знании и использовании объективных законов общественного развития, потребности которого нужно анализировать для того,

чтобы можно было разрабатывать правильную и эффективную политическую тактику. Тезисы «критической теории» и ревизионизм группы «Праксис», которые строят свои спекуляции вокруг вопроса об отсутствии объективных законов при социализме, только вводят рабочий класс в заблуждение и толкают его в трясину субъективизма.

Говоря об опыте рабочего класса в ходе социалистического строительства в ГДР, Первый секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер отметил: «Глубокое понимание объективных экономических законов социализма и условий их действия на современном этапе строительства нового общества в нашей республике является ключевой проблемой. ...Без этих закономерностей не могут быть достигнуты растущий уровень жизни народа и более высокая эффективность народного хозяйства. ...Здесь проходит разграничительная линия между научной политикой и субъективизмом в экономике. ...Субъективизм в экономических вопросах всегда дорого обходится» [94].

Трудно представить себе, в какой мере подобная диалектико-материалистическая позиция носит характер идеологии оправдания и в какой мере она может быть не революционно критической?! Настоящие революционные изменения вообще возможны лишь при точном знании требований объективных общественных законов. Это относится к деятельности рабочего класса и его партии при социализме в еще большей степени, чем при капитализме, так как в социалистическом обществе субъективный фактор приобретает по уже упомянутым причинам новое качество. И наконец, марксистско-ленинские партии социалистических стран, в особенности КПСС, на практике продемонстрировали, каким образом общественные отношения изменяются в действительно революционном, в марксовом смысле. Современные ревизионисты, напротив, до сих пор смогли продемонстрировать, что их «гуманистическая философия практики» на руку только контрреволюции.

3. РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА. ФАЛЬСИФИКАЦИИ МАРКСОВА УЧЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ПРОЛЕТАРИАТА

Трудно переоценить влияние, которое оказывает рабочий класс на все происходящее в современном мире. Он подтверждает повседневно роль основной революционной силы нашей эпохи — эпохи перехода от капитализма к коммунизму. Поэтому совершенно естественно, что учение об исторической миссии пролетариата, которое научно обосновывает его место в обществе и исторические задачи,— это центральный вопрос классовой борьбы в области идеологии. Обоснование этого учения — великая заслуга Маркса и Энгельса, которые всю свою жизнь боролись за претворение этого учения в жизнь, за то, чтобы рабочие всех стран осознали свою историческую миссию. С полным правом поэтому Ленин констатировал: «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества» [1].

Историческая миссия рабочего класса состоит в том, чтобы свергнуть капиталистическое общество, завоевать политическую власть и использовать ее для создания свободного от эксплуатации и угнетения бесклассового коммунистического общества, причем в результате этого пролетариат перестает существовать как класс.

Уже с 1844 г. Маркс и Энгельс в своих произведениях «К критике гегелевской философии права. Введение», «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Нищета философии» и в «Манифесте Коммунистической партии» развивали мысль о том, что только пролетариат воплощает в себе общественную силу, способную революционным путем ликвидировать капиталистическое общество и освободить себя самого и все

человечество от эксплуатации и угнетения. Маркс и Энгельс поняли, что рабочий класс — последний в истории эксплуатируемый класс, который отличается от других эксплуатируемых классов тем, что он является носителем нового, более высокого способа производства. Маркс и Энгельс в своих работах доказали, что рабочий класс как носитель современных производительных сил своим трудом, преобразующим материальный мир, создающим стоимость и потребительную стоимость, производит большую часть общественного богатства, получая при этом в условиях господства капиталистической частной собственности лишь только часть, соответствующую стоимости товара «рабочая сила». Рассматривая рабочую силу как товар, Маркс и Энгельс доказали, что историческая миссия рабочего класса объективно обусловлена и не зависит от субъективных представлений того или иного рабочего. «Если социалистические писатели признают за пролетариатом эту всемирно-историческую роль,— поясняют они,— то это никоим образом не происходит от того, что они, как уверяет нас критическая критика, считают пролетариев *богами*. ...Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что́ такое пролетариат на самом деле* и что́ он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» [2].

Ликвидация капитализма посредством пролетарской революции представляет собой объективную закономерность. Основа ее — постоянно обостряющееся основное антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения.

Пролетариат как носитель обобществленного производства, неизбежно растущий с развитием капитализма, приходит в глубокое противоречие с капиталистическими производственными отношениями и с буржуазией как классом, противоречие, которое в рамках капитализма принципиально неразрешимо. Эта объективно обусловленная внутренней диалектикой

капитализма роль рабочего класса как могильщика буржуазного общества особенно четко изложена Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»: «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны» [3].

Но Маркс и Энгельс поняли также, что рабочий класс, чтобы осознать и выполнить свою историческую роль, нуждается в научной теории о законах развития общества. На эту идею о единстве научной теории и рабочего класса указывается уже в работе Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение», где говорится: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...» [4]

Исходя из этого научного вывода, Маркс и Энгельс всю свою жизнь боролись за то, чтобы связать теорию научного коммунизма с рабочим движением и превратить отдельные национальные пролетарские партии в революционные классовые организации пролетариата. Без уверенной в себе, вооруженной теорией научного коммунизма партии — и это было их твердое убеждение — рабочий класс не смог бы выполнить свою историческую миссию.

Исходя из трех составных частей научного мировоззрения, Маркс и Энгельс обосновали учение о всемирно-исторической роли рабочего класса.

Они экономически обосновали философский вывод о том, что пролетариат — это последний эксплуатируемый и единственный последовательно революционный класс капиталистического общества. В первую очередь в «Капитале» доказывается, что в результате действия объективных законов капиталистического способа производства созревают все условия для окончательной ликвидации эксплуатации, что историческая тенденция капиталистического накопления приводит к

пролетарской революции. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[5]. Маркс и Энгельс, однако, были уверены в том, что хотя этот процесс и закономерен, т. е. объективен и неизбежен, но он отнюдь не осуществляется автоматически. Без целеустремленной, сознательной и организованной борьбы рабочего класса невозможно свергнуть капитализм. Для этого необходимы революционная партия, научная стратегия и тактика, а также ясное представление о цели борьбы.

Обоснованная Марксом и Энгельсом и развитая Лениным теория всемирно-исторической миссии рабочего класса была за истекшее время тысячи раз подтверждена исторической практикой.

Самое яркое доказательство этого — успешное построение народами Советского Союза первого в истории социалистического общества. Под руководством рабочего класса, во главе которого стоит Коммунистическая партия Советского Союза, они успешно идут вперед по пути к коммунизму. Переход ряда стран после второй мировой войны на позиции социализма также подтверждает это учение.

Совершив социалистические революции, рабочий класс доказал не только то, что он в состоянии свергнуть капитализм, но и то, что он способен построить новое, социалистическое общество.

В ходе этого грандиозного исторического процесса преобразования существенно изменился и сам рабочий класс; из прежде угнетенного и эксплуатируемого класса он превратился в класс господствующий, стоящий у власти. Из его рядов выросли тысячи сознательных и способных кадров, которые успешно проявили себя в качестве руководителей государства и экономики, образования и культуры, обороны страны и защиты социалистических завоеваний. Изменился не только сам рабочий класс; под политическим и идеологическим руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии изменились в целом условия существования других классов и слоев, которые при-

обрели новые, социалистические черты. Рабочий класс стран социалистического содружества в союзе с другими трудящимися посредством всестороннего усиления и укрепления мирового социализма оказывает все более сильное влияние на развитие в мире, он изменил международное соотношение сил в свою пользу и вынудил империализм приспосабливаться к новым условиям. Таким образом, стоящий у власти рабочий класс социалистических стран вносит решающий вклад в дело окончательной победы над империализмом в мире, в выполнение своей исторической миссии в мировом масштабе.

Поэтому идеологи империализма предпринимают все усилия для того, чтобы преуменьшить достижения рабочего класса в социалистических странах и оспорить его революционную роль. Это делается путем распространения тезиса о том, что якобы рабочий класс в социалистических странах более не революционен. Идеологи империализма прилагают все усилия, чтобы «доказать», что рабочий класс не в состоянии управлять обществом. При этом применяется следующая тактика. Тот факт, что рабочий класс не может осуществлять свою руководящую роль без марксистско-ленинской партии, представляется так, как будто бы господствует партия, а не рабочий класс, который-де на это вовсе и не способен. Руководящая роль партии часто рассматривается как проявление руководящей роли интеллигенции в современном «индустриальном обществе», что якобы свойственно также и социализму.

Таким образом, отрицается единство партии и класса. Извращается положение о том, что партия — это часть класса, причем самая революционная и сознательная часть, задача которой — довести до класса осознание его исторической миссии и сделать его способным к выполнению его революционной роли. Без такого авангарда класс не может осуществить свою руководящую роль, вытекающую из его объективного положения в системе общественного производства. И наоборот, партия сможет осуществить свою руководящую роль только тогда, когда она действует как часть рабочего класса. Именно эту взаимосвязь между партией и классом, на которую указывали еще Маркс и Энгельс и которую всесторонне теоретически обосно-

вал Ленин, пытаются скрыть буржуазные идеологи, начиная с самых правых и кончая ультралевыми.

Империалисты испытывают страх перед борющимся пролетариатом своих собственных стран, так же как и перед стоящим у власти рабочим классом социалистических государств. Поэтому они распространяют тезис о том, что якобы рабочий класс капиталистических стран утратил свой революционный потенциал и марксова теория стала неверной или нуждается в ревизии. Для «обоснования» этого тезиса буржуазные идеологи интерпретируют различные явления в развитых капиталистических странах в духе своих концепций.

Как известно, империалистическая буржуазия оказывается вынужденной под влиянием живого примера, который демонстрирует социализм, идти на уступки рабочему классу, пытается подкупить его материально в гораздо большем масштабе, чем это было на рубеже XIX—XX столетий. Монополии прилагают большие усилия к тому, чтобы путем утаивания части стоимости товара «рабочая сила» и частичной выплаты этой стоимости в виде «участия в прибылях» посеять среди рабочих иллюзию, что они-де участвуют в распределении прибыли и могут накопить «состояние».

С другой стороны, готовность монополий к уступкам рабочим потому столь велика, что забастовки на капиталистических предприятиях могут приводить к значительным потерям прибыли, так как современное крупное производство с высокоразвитыми средствами производства требует от рабочих готовности к ответственности, инициативы, экономического мышления и т. д., что может быть достигнуто только с помощью широкой манипуляции в интересах эффективного использования капитала. Поэтому буржуазия стремится исключить по возможности все те факторы, которые ведут к накоплению революционного взрыва[6].

С помощью материальных, а также идеологических средств, в частности массированного антикоммунизма, империалистической буржуазии удалось в 50-х и начале 60-х годов в некоторых развитых капиталистических странах, как, например, ФРГ и США, поставить классовую борьбу между капиталом и трудом в определенные рамки. Но под покровом относительного спокойствия в некоторых капиталистических странах

на основе обострения объективных противоречий, вытекающих из основного противоречия капитализма, зрели новые, более глубокие классовые конфликты, которые проявились особенно в 60-е годы. Буржуазные идеологи между тем принимали относительно небольшой масштаб классовой борьбы за успех государственно-монополистического регулирования. Эта иллюзия выразилась в псевдотеориях о мнимом исчезновении классовых противоречий и «интеграции» рабочего класса в капиталистическую систему. Рабочий класс потерял, как они утверждали, благодаря материальному благосостоянию свои революционные способности.

Однако имеются некоторые явления в классовой структуре капиталистического общества [7], определенные изменения структуры внутри самого рабочего класса [8], которые используются буржуазными идеологами как повод для отрицания марксова учения об исторической миссии пролетариата. Так, вследствие научно-технической революции возрастает роль части интеллигенции в управлении производством и обществом [9]. В голове некоторых буржуазных идеологов этот факт отражается так, как будто бы интеллигенция превращается в главного производителя прибавочной стоимости, а роль рабочего класса уменьшается. В качестве доказательства приводится прежде всего тот факт, что вследствие научно-технической революции можно отметить тенденцию к количественному сокращению занятых в непосредственном процессе производства рабочих и росту числа служащих. То обстоятельство, что происходящая в капиталистических условиях научно-техническая революция ведет к пролетаризации части интеллигенции, которая до сих пор занимала привилегированное положение, а теперь приближается к рабочему классу, также используется для подтверждения аргументов о руководящей роли интеллигенции. Различные буржуазные идеологи между тем боятся открыто говорить об интеллигенции как руководящей силе. Поэтому они просто причисляют всю научно-техническую интеллигенцию к рабочему классу и называют ее «новым классом» в противоположность якобы консервативному «традиционному» пролетариату. Изменения, происшедшие в связи с научно-технической революцией, например сокращение тяжелого ручного труда и другие изменения усло-

вий труда, возрастающий уровень квалификации и заработной платы и другие явления преподносятся многими буржуазными идеологами как «исчезновение» рабочего класса в марксовом понимании.

Все эти утверждения, направленные против марксистско-ленинского учения об исторической миссии рабочего класса, тесно взаимосвязаны и служат извращению марксовой концепции. Они могут быть сведены, по сути, в две группы:

рабочий класс, как его понимал Маркс, находится якобы в процессе исчезновения, и решающую роль в общественной жизни начинает играть интеллигенция;

рабочий класс в настоящее время больше не революционен, он потерял свой революционный потенциал.

Однако обеим этим точкам зрения одинаково свойственно то, что различные новые явления в классовой структуре капиталистического общества и в борьбе рабочего класса выдергиваются из их взаимосвязи, рассматриваются и абсолютизируются только отдельные стороны этих явлений. Этим фальсификациям в современной классовой борьбе отводится важная роль: с одной стороны, поколебать осознание рабочими капиталистических стран того, что они представляют собой важнейшую социальную силу в борьбе против монополистической буржуазии; с другой стороны, путем распространения в разных вариантах тезиса о том, что марксово учение о рабочем классе как основной революционной силе эпохи больше уже не соответствует действительности, что нужно искать новый революционный субъект, препятствовать присоединению выступающих против государственно-монополистической системы господства молодых интеллигентов к революционной части рабочего класса, находящейся под руководством коммунистических и рабочих партий.

Буржуазные нападки на историческую миссию рабочего класса в социалистических странах связаны в значительной мере с клеветой на марксистско-ленинскую партию и с фальсификацией взглядов Маркса и Энгельса на партию. Борьбе с этими фальсификациями будет посвящена следующая глава. В этой же главе ведется полемика с теми фальсификациями Маркса, которые используются для отрицания революционной роли рабочего класса в капиталистических странах.

1. БУРЖУАЗНАЯ ЛЕГЕНДА ОБ «ИСЧЕЗНОВЕНИИ» РАБОЧЕГО КЛАССА

Извращения и фальсификации основных черт, характеризующих рабочий класс, его место в обществе и его историческую роль, используются в «марксологическом» арсенале для того, чтобы поставить под вопрос историческую миссию пролетариата.

Особенно распространены два варианта искажения основных критериев, которыми Маркс и Энгельс определяли понятие «рабочий класс».

Ряд «марксологов» игнорирует то, что Маркс и Энгельс подчеркивали роль отношений собственности на средства производства как первой и решающей черты в определении класса. Вместо этого буржуазные идеологи превращают определенную, конкретно-историческую форму труда, а именно тяжелую физическую работу, и физическую нищету в основной признак пролетариата. Такая картина, которая была особенно типична для передовых капиталистических стран в прошлом столетии, объявляется основной чертой пролетариата, и эти взгляды приписываются Марксу и Энгельсу. Так как в наше время в целом ряде капиталистических стран такого рода черты носят ограниченный характер, то «марксологи» выводят отсюда утверждения о том, что пролетариата в марксовом понимании сегодня больше не существует.

Второй вариант рассматривает сущность пролетариата как класса лишь в зависимости от уровня развития производительных сил, абстрагируясь от всех социально-экономических условий, оставляя в качестве единственного критерия связь с самой передовой техникой и организацией производства. Этот способ рассмотрения характерен для определенной концепции, представляемой Сержем Малле и распространенной среди леворадикальных идеологов. Она исходит из того, что в настоящее время образовался «новый рабочий класс». «Обоснование» этого нередко сопровождается ссылками на Маркса; при этом, однако, фальсифицируется его понятие класса. Подобным же образом искажается марксово понимание совокупного рабочего. Этот метод использовали прежде всего некоторые ревизионисты, которые тем самым хотели «доказать» руководящую роль интеллигенции.

В обоих вариантах, таким образом, отрицается значение марксова понятия класса для современности. Это вовсе не чисто теоретическая постановка вопроса, не академический спор, а попытки теоретически обосновать политику, которая объективно наносит ущерб рабочему классу. Это становится ясным, если более детально рассмотреть «аргументы» буржуазных идеологов.

Вначале о первом утверждении, приписываемом Марксу, у которого якобы для пролетария характерны только тяжелый физический труд и физическое обнищание. Это утверждение в той или иной форме встречается у большинства «марксологов», в особенности у идеологов левого радикализма. Не всегда этому даются подробные теоретические обоснования, однако тезис о том, что Маркс определял пролетариат, лишь исходя из его конкретного положения в XIX веке, и на этом основании сделал свои революционные выводы, включая учение об исторической миссии рабочего класса, перекочевывает очень часто как штамп, так сказать, как «гарантированный вывод» во многие другие концепции.

В качестве одного из буржуазных идеологов, которые пытаются обрядить эту фальсификацию в «платье науки» и обосновать ее теоретически, можно назвать Герберта Маркузе. В своей книге «Одномерный человек» он по этому поводу пишет: «Для Маркса пролетарий в первую очередь является работником ручного труда, который расходует и исчерпывает свою физическую энергию в процессе труда, если даже он работает на машине. Покупка и использование этой физической энергии для частного присвоения прибавочной стоимости в условиях нечеловеческих отношений вызвали возмутительные, нечеловеческие стороны эксплуатации; марксово понятие вскрывает физические страдания и бедственное положение труда. Это — материальный, ощутимый элемент наемного рабства и отчуждения, психологический и биологический эталон классического капитализма» [10]. В результате все более широко распространяющейся в наше время механизации и автоматизации производственных процессов, утверждает далее Маркузе, «рабочий теряет свое особое профессиональное положение, так как его труд едва ли теперь отличается от других про-

фессиональных групп. Изменения в характере деятельности, таким образом, интегрировали рабочего в капиталистическую систему»[11]. С этим связано исчезновение физического обнищания, поскольку, поясняет Маркузе, «непосредственное физическое, материальное обнищание нельзя отрывать от понятия пролетариата». Рабочий, который сегодня владеет автомобилем, холодильником и т. д., не является-де больше пролетарием в марксовом понимании[12]. Эта «аргументация» — не единичный случай. В том же направлении действуют и другие буржуазные идеологи, например фрейбургский политолог Оберндёрфер. «Пролетариат у Маркса,— возвещает Оберндёрфер,— состоит главным образом из необученных работников ручного труда, физико-психическая однородность которых определяется трудом у машины, а общность интересов — общим для всех обнищанием»[13]. Оберндёрфер также проводит эту связь между рабочим классом и физическим обнищанием с целью внушить с ее помощью, что якобы у Маркса революционная роль пролетариата вытекает лишь из его материального и физического бедственного положения. В следующем разделе мы остановимся на этом вопросе более подробно.

Здесь же мы хотим прежде всего обратиться к искажениям марксова понимания пролетариата как класса. При этом речь идет о произвольной интерпретации, которая искажает действительные высказывания Маркса и Энгельса. Нигде основатели научного коммунизма — и следует лишь удивляться бесцеремонности буржуазных авторов, которые к тому же претендуют на роль «знатоков Маркса» или, как Маркузе, «марксистов»,— не характеризуют пролетариат как класс, необходимой чертой существования которого является тяжелый физический труд и материальное физическое обнищание. Маркс и Энгельс определяли пролетариат в его сути как такой класс общества, который получает средства к существованию исключительно путем продажи своей рабочей силы[14], так как он не имеет средств производства. Социально-экономическое положение в обществе — решающая черта пролетариата как класса. Из того, что пролетариат лишен средств производства, вытекает экономическая необходимость под угрозой голодной смерти продавать свою рабочую силу как товар классу капиталистов,

владельцу средств производства. Из того, что пролетариат лишен средств производства, вытекает, что пролетарий в капиталистическом процессе производства подчинен команде капиталистов и его офицеров, как пишет Маркс [15].

Пролетариат, таким образом,— это класс, который постоянно производит и расширенно воспроизводит капиталистические отношения. «Под «пролетариатом» в экономическом смысле следует понимать исключительно наемного рабочего, который производит и увеличивает «капитал» и выбрасывается на улицу, как только он становится излишним для потребностей возрастания стоимости «господина капитала»...» — замечает Маркс [16]. Рабочий класс — исторически конкретное явление, а это означает, что названные здесь общие черты класса наемных рабочих выступают в конкретных исторических условиях в различных формах проявления. Конечно, Маркс и Энгельс рассматривали рабочий класс в тех формах, в которых он выступал в XIX столетии, и при этом подчеркивали тяжелый физический труд и материальную нищету, указывая на то, что пролетарий был парией капиталистического общества. Буржуазные идеологи, как правило, не в состоянии овладеть диалектикой общего и особенного. Это видно также и в приведенных примерах. Они отделяют особенное (рассматриваемые Марксом и Энгельсом явления) от общего (сущности пролетариата как класса) и превращают его в самостоятельную сущность.

Это видно из утверждения Oберндёрфера, который пишет: «В связи с дифференциацией и ростом числа профессий в современном обществе и существенным уменьшением роли простого и неквалифицированного ручного труда у различных групп людей наемного труда, отличающихся неодинаковыми знаниями и способностями, а также разными сферами интересов и доходами, отсутствуют важнейшие признаки, которые Маркс приписывает понятию единого класса, и в частности классу пролетариата» [17]. А этими «важнейшими признаками», по его мнению, должны быть неквалифицированный ручной труд и обнищание. Только в том случае, если насильственно отождествлять, как это делают Oберндёрфер и Маркузе, исторически конкретную форму пролетариата в XIX веке с сущностью

пролетарского класса, можно сделать вывод, что в настоящее время в капиталистических странах пролетариата в марксовом понимании больше не существует. Только в том случае, если отождествлять капиталистическую эксплуатацию с тяжелым физическим трудом, с непосредственными, явными физическими мучениями и оставить без внимания небольшое число неразвитых капиталистических стран, можно прийти к выводу, что в настоящее время чуть ли никакой эксплуатации нет. Однако реальная социальная действительность, которая скрывается за фразами об «обществе потребления» и «государстве благосостояния» и т. п., подтверждает высказывания Маркса и Энгельса о рабочем классе как об основном эксплуатируемом классе капиталистического общества и противоречит концепциям Маркузе и других буржуазных идеологов.

Изменения в формах труда, которые связаны с механизацией и начальным этапом автоматизации, никоим образом не меняют его характера как наемного труда на службе капитала и принципиально ничего не меняют в классовой структуре в том смысле, что пролетариат якобы «исчезает». Над конструированием подобных теорий бились уже целые полчища буржуазных идеологов. Их «теории трансформации» и подобного рода изобретения разбивались о суровую действительность.

Рассмотрим высказывания Маркса и Энгельса применительно к сегодняшней капиталистической действительности.

Всего лишь 1,7 процента населения ФРГ располагают 70 процентами производительного капитала. При этом подлинная экономическая и политическая власть концентрируется в руках финансовой олигархии, которая составляет вместе с прочей монополистической буржуазией только немногим больше 0,02 процента всего населения. Все состояние этой группы только за период с 1950 по 1969 г. выросло в результате усиленной эксплуатации в 7—10 раз [18].

Таким образом, как раньше, так и теперь существует капиталистическая частная собственность на средства производства, и она достигла доселе невиданной степени концентрации в руках немногих. Как прежде, так и теперь существование рабочих зависит от того, смогут ли они продать свою рабочую силу капи-

талистам. И до тех пор, пока существует частнокапиталистическая собственность на средства производства, будут существовать отношения эксплуатации, будет эксплуатироваться рабочий, независимо от того, приезжает ли он на работу на автомашине или на трамвае.

Конечно, рабочий класс также развивается. Как известно, Маркс и Энгельс утверждали, что с концентрацией и централизацией производства и капитала изменяются как количественные силы пролетариата, так и его доля в совокупном населении. Вопреки всем утверждениям буржуазных идеологов о том, что рабочий класс становится все более малочисленным и находится в процессе исчезновения, также и в этом вопросе подтверждается прогноз Маркса и Энгельса. Армия наемных рабочих в развитых капиталистических странах насчитывала в начале 1972 г. 230 млн. человек. С 1950 по 1969 г. доля рабочего класса в общем числе наемных работников во всех промышленно развитых капиталистических странах повысилась с 83 до 90 процентов. За это же время доля рабочего класса в занятом населении промышленно развитых капиталистических стран выросла с 54 до 67 процентов[19].

Рабочий в этих странах в настоящее время, как и во времена Маркса, лишен собственности на средства производства и права участия в управлении производством и распределением. Эксплуатация обострилась безмерно. В «Капитале» Маркс производил расчеты, как правило, при норме прибавочной стоимости 100 процентов, что соответствовало тогдашней норме эксплуатации. А сегодня норма прибавочной стоимости составляет в среднем от 300 до 400 процентов.

Определенные изменения в сфере потребления как раз ничего не меняют в классовых отношениях. Маркс отнюдь не отрицал существования при капитализме возможности того, «что они (рабочие) могут расширять круг своих потребностей, лучше обеспечивать свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и создавать даже небольшие денежные запасные фонды». Но решающим, однако, является то, что, «как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более крупная личная собственность не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и экс-

плуатации и для наемного рабочего. Повышение цены вследствие накопления капитала в действительности означает только, что размеры и тяжесть золотой цепи, которую сам наемный рабочий уже сковал для себя, позволяют сделать ее напряжение менее сильным» [20].

То, что *форма* эксплуатации рабочих стала «более гуманной», т. е. кнут надсмотрщика заменился телевизионным глазом электронных следящих устройств, ничего не меняет в *содержании* эксплуатации. Присвоение неоплаченного прибавочного труда происходит с еще большей интенсивностью, чем когда бы то ни было прежде.

Буржуазная статистика маскирует существенную взаимосвязь между присвоением прибавочной стоимости и эксплуатацией. Она объясняет «доходы» на базе «теории факторов производства» и уравнивает качественно заработную плату и прибыли. Однако, несмотря ни на что, можно констатировать усиление эксплуатации на основе значительных расхождений в динамике заработной платы и прибыли, а также отставания роста заработной платы от роста прибыли. Заработная плата рабочих и служащих возросла с 1950 по 1968 г. только на 242,3 процента, а прибыли выросли на 578,3 процента. Повышение цен и другие последствия инфляции еще более резко изменили это соотношение не в пользу рабочего класса. Особенно отчетливо выступает это несоответствие, если сравнить рост суммы чистой заработной платы и чистых прибылей в 100 крупнейших акционерных обществах ФРГ за период с 1966 по 1968 г. Полученный при этом результат вновь демонстрирует и в этой сфере классовый антагонизм: соотношение 0,2 к 43,8 процента! [21] Во взрыве прибылей и несравнимо более медленном развитии уровня заработной платы в настоящее время особенно ясно проявляется эксплуатация. Эксплуатация, таким образом, не является характерной чертой XIX столетия, а соответствует сущности капиталистического способа производства, который существует и поныне в ФРГ.

Следовательно, не может быть и речи о том, что в развитых капиталистических странах в настоящее время нет больше рабочего класса или пролетариата в марксовом понимании. Эти утверждения, если их сопоставить с оценками, данными Марксом и Энгельсом, и социальной действительностью, оказываются иска-

жениями или легендами, используемыми для обмана рабочего класса и других антиимпериалистических сил.

Первый вариант фальсификаций очень тесно связан со вторым, который представлен в основном ревизионистами и левыми радикалами. Для них характерно утверждение о том, что-де «традиционный» рабочий класс в развитых капиталистических странах разложился на базе роста производительности труда, интегрировал в капиталистическую систему и поэтому больше не представляет собой революционной силы. Отсюда они делают вывод, что рабочий класс не способен к осуществлению коренных социальных изменений и не заинтересован в них. И поэтому они отправляются на поиски «новых» революционных сил. При этом ревизионистские и леворадикальные идеологи делают ставку на научно-техническую интеллигенцию. Как уже было отмечено выше, роль научно-технической интеллигенции в современном процессе производства растет, часть ее сближается с рабочим классом [22]. Она привлекла к себе внимание своими антиимпериалистическими выступлениями — прежде всего студентов и определенных слоев техников.

Эти явления интерпретируются ревизионистскими и леворадикальными идеологами в духе их собственных концепций и превращаются в теорию о «новом рабочем классе» или об «историческом блоке рабочих и интеллигенции». При этом они ссылаются на Маркса, чтобы придать этой теории, по сути являющейся не чем иным, как попыткой обоснования руководящей роли интеллигенции, внешне марксистский вид. С этой целью взгляды Маркса извращаются прежде всего по двум вопросам. *Во-первых,* высказывания Маркса о *совокупном рабочем,* который включает в себя также инженерно-технический персонал и в известном смысле ученых, отождествляются с понятием «рабочий класс». *Во-вторых,* утверждается, что в понятие «рабочий класс» Маркс включал прежде всего такие отряды и слои рабочего класса, которые связаны всегда с наиболее высоким уровнем развития производительных сил, следовательно, у него имелись различные понятия рабочего класса.

Обратимся к первому извращению марксова понимания. Попытка схематически отождествить понятие

совокупного рабочего у Маркса с понятием «рабочий класс» предпринимается в последние годы прежде всего некоторыми ревизионистскими и леворадикальными идеологами, такими, как Эрнст Фишер, Евгений Лёбль, Андрэ Горц, Юрген Краль, Михаэль Мауке, Михаэль Шнайдер и другие [23]. Гароди старается подвести таким образом фундамент под свою теорию о «новом историческом блоке» [24].

Очень часто в качестве «доказательства» этого приводится место из четырнадцатой главы первого тома «Капитала». Маркс там пишет: «Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт совокупного рабочего, т. е. комбинированного рабочего персонала, члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом совокупного рабочего, выполнять одну из его подфункций» [25].

Маркс говорит здесь лишь о том, что в результате общественного разделения труда созданный продукт является результатом не индивидуального, а общественного труда, который включает «умственный и физический труд». Он вводит понятие совокупного рабочего для того, чтобы охватить им всех участвующих в производстве материальных благ — весь комбинированный производственный персонал предприятия в условиях разделения труда. Марксово понятие совокупного рабочего относится, таким образом, к материально-технической, а не к социально-экономической стороне общественного производства. Поэтому оно совершенно не идентично понятию «рабочий класс». Ведь одновременно — и это утаивается Гароди и другими — Маркс указывал на внутреннюю социальную неоднородность и на изменение пропорций внутри совокупно-

го рабочего[26]. Это ясно видно уже даже из замечания о том, что физический и умственный труд находятся в противоречии друг с другом.

Представители преимущественно умственного труда, которых, без сомнения, здесь имеет в виду Маркс, выполняющие по поручению капиталистов управленческие функции в процессе производства,— это инженеры, техники и частично ученые. Они хотя и являются частью производительного совокупного рабочего, но не принадлежат к рабочему классу. От класса капиталистов представители этой части интеллигенции отличаются тем, что они не владеют средствами производства, не живут за счет чужого труда, а, напротив, сами продают свою рабочую силу капиталистам и эксплуатируются ими. Хотя к ним применимы основные признаки рабочего класса, однако имеется и целый ряд важных отличий, связанных, например, с родом их деятельности, их местом в системе общественного производства и их ролью в общественной организации труда. Из этого вытекают также иные по сравнению с рабочим классом условия продажи рабочей силы.

Эта группа интеллигенции выполняет высококвалифицированную умственно-практическую работу, которая, как правило, связана с получением диплома об окончании специального или высшего учебного заведения. Исходя из этого, как раньше, так и теперь существенная часть этой группы выполняет в процессе производства преимущественно функции надзора, если не руководящие, и имеет задачу эффективно осуществлять процесс использования капитала и тем самым эксплуатацию наемных рабочих. За свою высококвалифицированную работу эти представители интеллигенции, как правило, получают более высокую заработную плату, им предоставляются определенные привилегии для того, чтобы сделать их верными союзниками буржуазии. Из этого вытекает противоречие между умственным и физическим трудом, о котором Маркс говорит в связи с совокупным рабочим. Поэтому ясно, что нельзя ставить знака равенства между рабочим классом и представителями научно-технической интеллигенции, не искажая насильственно Маркса.

В настоящее время многие представители научной и технической интеллигенции также подвергаются обо-

стренной эксплуатации монополиями. Их привилегии урезываются, они сближаются с рабочим классом, противоположность между ними уменьшается. Однако существенные социальные различия между рабочим классом и интеллигенцией сохранятся и в обозримом будущем [27].

Ложная интерпретация марксова понимания совокупного рабочего и переоценка роли технической интеллигенции в настоящем и будущем связана у Юргена Хабермаса, Михаэля Мауке, Юргена Краля и других с утверждением о том, что рабочий класс сегодня уже не основная производительная сила, не главный производитель общественного богатства. Наука и техника, утверждают они, превращаются все больше в независимый от труда источник стоимости и прибавочной стоимости.

Михаэль Мауке предпринимает массированное наступление на учение о прибавочной стоимости, с которым у Маркса неразрывно связано обоснование исторической миссии рабочего класса. По мнению Мауке, все большее внедрение науки в производство полностью стирает различия между пролетариатом и интеллигенцией. «Растущий органический состав капитала полностью заменил производительных рабочих машинами»,— провозглашает он и затем делает вывод о том, что «связанное с производством прибавочной стоимости понятие «производительный труд» потеряло свою силу» [28].

Хабермас утверждает, что учение Маркса о трудовой стоимости оказывается неверным, ибо с его помощью якобы невозможно объяснить значительный прирост стоимости за последние 80 лет [29].

Когда Хабермас говорит о значительном приросте стоимости за последние 80 лет, он недопустимо отождествляет рост потребительных стоимостей с увеличением стоимости. Конечно, особенно в последнее время, осуществляется все больший переход к массовому производству, которое основывается на научно разработанных процессах и методах и т. д. Благодаря этому значительно растет масса произведенной продукции, но не в одинаковой степени растет величина ее стоимости. Наука и техника постоянно снижают общественно необходимые затраты труда на единицу продукции и, следовательно, ее стоимость. Поэтому не может

быть и речи об отрицании марксова учения о трудовой стоимости.

С другой стороны, неправомерен и тезис о том, что наука и техника — это самостоятельные, не зависящие от живой рабочей силы источники стоимости и прибавочной стоимости. С такой аргументацией его защитники скатываются на домарксовый уровень буржуазной политэкономии. Маркс, однако, открыл, что живой труд — единственный источник новой стоимости, а стоимость машин, аппаратов, новой технологии и т. д., в которых овеществляются научные достижения, лишь переносится в процессе образования стоимости.

Если все более широкое применение науки обусловливает большой прирост стоимости, то только благодаря тому, что наука расширяет способности, возможности рабочего и создает условия для производства им все больших масс стоимостей. Указание Маркса в «Экономических рукописях 1857—1858 годов» на то, что благодаря все большему внедрению науки в производство в конечном итоге разрушается способ производства, покоящийся на меновой стоимости[30], во-первых, нельзя понимать в смысле теории спонтанного его разрушения, и, во-вторых, из него вовсе не следует, что Маркс считал это возможным уже при капитализме. Напротив, он имел в виду развитое коммунистическое общество и в качестве условия этого разрушения предвидел гораздо более высокий уровень развития производительных сил по сравнению с тем, который достигнут ныне при капитализме.

Если это высказывание Маркса применить к современному капитализму, то становится очевидным, что достижения научно-технической революции явно переоцениваются, или же будущие результаты научно-технической революции переносятся в настоящее, что представляет собой лишь другую сторону того же ошибочного подхода. В этом можно обнаружить также основную причину преувеличения роли научной и технической интеллигенции при одновременном обесценивании действительной роли рабочего класса. Эта субъективистская интерпретация научно-технической революции образует важную основу для извращения взглядов Маркса.

Неправомочно ссылаются на Маркса и Энгельса также и те кто, как Серж Малле, отстаивает концеп-

цию о том, что якобы с автоматизацией процесса производства создается «новый рабочий класс». «Новым рабочим классом» Малле считает так называемых работников автоматизированного труда, под которыми он понимает высококвалифицированных рабочих, инженеров и техников, связанных с самой современной ступенью производства и способных ее осмыслить [31]. Малле ложно утверждает, что это различие между «новым» и «традиционным» рабочим классом соответствует взглядам Маркса и Энгельса. Оба они постоянно-де отмечали, что изменение организации труда и техники «оказало свое влияние на характер и черты рабочего класса» [32]. Таким образом, они якобы все время избегали схематического сведения капиталистического общества к двум большим классам [33]. Тем самым Марксу пытаются приписать определение рабочего класса в первую очередь по конкретному уровню развития технологии и организации производства. Отсюда, мол, различать разные рабочие классы — это полностью в духе Маркса. Малле упрекает Ленина и марксистов-ленинцев в том, что они не считаются с этим указанием Маркса и рассматривают рабочий класс как один, единый класс [34]. Тем самым Малле отрицает, что для основателей научного коммунизма рабочий класс в первую очередь представляет социально-экономическое явление, определяемое его местом в обществе, в общественном развитии, но прежде всего отношением к средствам производства. И именно эти основные черты содержит ленинское определение классов, полностью соответствующее взглядам Маркса и Энгельса. Это вовсе не исключает того, что марксисты-ленинцы уделяют большое внимание внутренней структуре рабочего класса и обязательно учитывают ее в своей идеологической и политической работе [35]. Но проблемы, которые вытекают из изменений внутренней структуры,— при всей их значимости — вторичны по отношению к общим классовым признакам всех рабочих. Рабочий класс — носитель производительных сил и развивается вместе с ними, изменяет свою внутреннюю структуру по мере развития производительных сил. Конечно, рабочий класс охватывает различные слои, отряды, группы, отличающиеся друг от друга по роду своей деятельности и уровню квалификации. Но все они занимают одинаковое место по отношению к средствам

производства, проявляющееся в равном социально-экономическом положении. Поэтому никакую часть рабочего класса нельзя вырывать из целого, объявляя «новым классом» и даже противопоставляя другим частям рабочего класса, как это делает Малле[36]. Тем самым он способствует расколу рабочего движения.

2. ПОЧЕМУ РАБОЧИЙ КЛАСС РЕВОЛЮЦИОНЕН? МАРКС — «ТЕОРЕТИК ОБНИЩАНИЯ»?

Утверждение многих «марксологов» о том, что-де в наше время уже больше не существует пролетариата в марксовом понимании, неразрывно связано, как уже говорилось, с их тезисом о материальном физическом обнищании рабочего класса. По их мнению, Маркс вывел революционную роль рабочего класса из понимаемого именно в этом смысле обнищания, т. е., другими словами, по Марксу, классовое сознание пролетариата и соответствующая ему революционность зависят якобы от степени материального физического обнищания. Здесь можно выделить две плоскости фальсификаций или «критики» взглядов Маркса по вопросу о революционной роли рабочего класса.

Во-первых, Маркса упрекают в том, что он якобы ошибочно связывал обнищание рабочего класса с частной собственностью на средства производства и придерживался взгляда о том, что пролетариат не может коренным образом изменить свое положение в рамках капиталистической системы, для этого необходимо обобществление средств производства в результате пролетарской революции. Таким образом, пролетариат-де подталкивается к революции закономерно вытекающим из капиталистической собственности обнищанием. Однако развитие, мол, пошло иным путем, чем это предвидел Маркс: рабочие смогли коренным образом улучшить свое положение при капитализме. Это доказывается, как утверждают «марксологи», реальной действительностью в развитых капиталистических странах.

Во-вторых, утверждается, что Маркс считал определяющей движущей силой революционного классового сознания и революции закономерное обнищание пролетариата, причем «обнищание» отождествляется

с непосредственной физической нищетой. Поскольку, как рассуждают далее эти идеологи, такого положения в развитых капиталистических странах больше не существует и у рабочих очень высокий уровень жизни, они уже больше не революционны. Наоборот, они интегрировали на базе высокой производительности труда в капиталистическую систему, и тем самым исчезли как объективные, так и субъективные условия обоснованной Марксом революционной роли рабочего класса. Защитники обоих тезисов, таким образом, пытаются отрицать всякие революционные возможности рабочего класса в империалистических странах в настоящем и будущем.

Первому тезису отдают преимущественно предпочтение правые социал-демократические лидеры и прочие идеологи империализма, которые по понятным причинам активно выступают за сохранение частной собственности на средства производства. Такого рода высказываний более чем достаточно. Так, например, Вилли Брандт считает, что Маркс и Энгельс «полагали, что они открыли законы, которые постоянно господствовали на капиталистическом товарном рынке, и тем самым закон обнищания пролетариата, который должен был с естественной необходимостью привести к революции» [37]. Но в противоположность этому борьба рабочего класса-де показала, что его положение может быть существенно улучшено и в условиях частной собственности. Вследствие этого ликвидация частной собственности на средства производства не так уж важна. В этом же смысле и Вилли Эйхлер объявляет догматическим высказывание Маркса о том, что уничтожение капиталистической частной собственности — важнейшее средство устранения явлений классового общества [38]. Опираясь на различные теории идеологов империализма, согласно которым в результате разрыва между частной собственностью и распоряжением ею собственность в XX веке больше не играет решающей роли, вожди правой социал-демократии, такие, как Хельмут Шмидт, считают основной проблемой контроль над менеджерами, которые распоряжаются собственностью [39]. И такие «марксологи», как Дитер Оберндёрфер и Мартин Николаус, отбрасывают марксово доказательство закономерной взаимосвязи между частнокапиталистической собственностью на средства

производства и ухудшением положения рабочего класса как якобы догматическую конструкцию. «Сконструированный и названный Марксом капитализмом экономический строй является исключительно системой обнищания, которая не знает никакого социального прогресса. ...В отличие от мрачных прогнозов Маркса не массовая нищета, а невиданное никогда прежде в истории человечества благосостояние широких слоев населения определяет облик современных промышленных рыночных хозяйств»[40]. Пролетариат, как утверждают эти идеологи, может, следовательно, *коренным образом* улучшить свое положение *в рамках* существующего общества, и поэтому социальная революция рабочего класса не нужна. Рабочие-де отнюдь не находятся, как это утверждал Маркс, в объективно обусловленном частнокапиталистической собственностью антагонизме с буржуазией и буржуазным обществом.

Рассмотрим, во-первых, что же на самом деле говорил Маркс об ухудшении положения рабочего класса.

Важное высказывание по этому вопросу имеется в двадцать третьей главе первого тома «Капитала», где Маркс рассматривает всеобщий закон капиталистического накопления. Он пишет: «Но все методы производства прибавочной стоимости являются в то же время методами накопления, и всякое расширение накопления, наоборот, становится средством развития этих методов. Из этого следует, что по мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. ...Он обусловливает накопление нищеты, соответственное накоплению капитала. Следовательно, накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»[41]. В то время как Маркс имеет в виду ухудшение социального положения эксплуатируемого и угнетенного рабочего класса по сравнению с возможностями, которые предоставляет развитие производительных сил для удовлетворения потребностей, буржуазные идеологи вырывают высказывания Маркса об этой объективной закономерности из контекста и искажают их в смысле

роста физической нищеты, падения реальной заработной платы.

Маркс и Энгельс, без сомнения, предвидели возможность возрастания реальной заработной платы при капитализме. Однако размеры или изменения заработной платы не были для них первостепенными при анализе положения рабочего класса, они даже сознательно абстрагировались от этого[42]. Решающим они считали то, что отрыв производителей от средств производства в ходе капиталистического накопления становится участью все большего числа людей, что в противоположность этому накапливаются громадные богатства в руках немногих капиталистических магнатов и постоянно возрастает их экономическая и политическая власть.

Эта поляризация богатства выражается в разрыве между изменениями заработной платы и прибылей. По этому поводу Маркс замечает: «Даже *самая благоприятная* для рабочего класса *ситуация, возможно более быстрый рост капитала,* как бы ни улучшала она материальное существование рабочего, не уничтожает противоположности между его интересами и интересами буржуа, интересами капиталиста. *Прибыль и заработная плата* по-прежнему находятся в *обратном отношении друг к другу»* [43].

Этот вывод, который сделал Маркс уже в «Наемном труде и капитале», верен и для нашего времени. Так, в ФРГ, несмотря на повышение материального жизненного уровня и объема потребления, заработная плата и прибыли развивались неодинаково, как мы уже доказали это в предыдущем параграфе. Улучшение условий жизни — считая по уровню индивидуального потребления — ничего не меняет в социально-экономическом положении рабочего класса в условиях капиталистических производственных отношений.

Напротив, эксплуатация обострилась. Сущность отношений эксплуатации нельзя осмыслить путем описания бедственного положения представителей «низших слоев» общества в трущобах крупных капиталистических городов или путем изображения работника физического труда с согнутой спиной и изможденным лицом, как это пытаются сделать Герберт Маркузе и другие, чтобы затем приписать эти взгляды Марксу[44].

По мнению Маркса и Энгельса, общественные, а

следовательно, также и экономические законы действуют как тенденция, т. е. они осуществляются в результате взаимодействия тенденций и контртенденций. Так, в отношении абсолютного всеобщего закона капиталистического накопления Маркс констатировал, что, «подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многочисленными обстоятельствами...» [45].

На это диалектическое понимание способа действия экономических законов указывал также и Ленин. В противовес упрощенному толкованию Эдуардом Бернштейном марксовой теории о положении рабочего класса как «теории нищеты» или «теории обнищания» Ленин поддержал формулировку Карла Каутского, который констатирует, «что это опять извращенная утрировка противников Маркса, который подобной теории не выставлял». Одновременно Ленин подчеркнул: «Маркс говорил о росте нищеты, унижения и проч., указывая наряду с этим и противодействующую тенденцию и те реальные общественные силы, которые одни только и могут порождать эту тенденцию» [46].

Открытый Марксом абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления охватывает большое число сложных факторов, которые оказывают влияние на положение рабочего класса. При этом решающим являются не признаки, относящиеся к сфере потребления, а расширенное воспроизводство капиталистических производственных отношений, происходящее в процессе капиталистического накопления, увековечивание статуса наемного рабочего посредством механизма воспроизводства, накопление богатства в руках немногочисленной буржуазии и возрастающая пролетаризация средних слоев и других групп населения, растущая неуверенность существования и эксплуатация. В связи с прогрессом производительных сил последняя находит свое выражение в том, что при растущей эксплуатации для воспроизводства стоимости товара «рабочая сила» требуется все меньшая часть рабочего дня, следовательно, эта стоимость имеет тенденцию к уменьшению, и тем самым на долю рабочих приходится все более уменьшающаяся часть общественного богатства.

Когда Маркс говорит о росте нищеты, то в этом выражается, с одной стороны, тенденция капитализма

порождать нищету в буквальном смысле слова. С другой стороны,— и на это указывает Ленин — имеется в виду, что нищета растет «не в физическом, а в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс» [47].

Таким образом, «нищета» в социальном смысле есть такой уровень жизни, который соотнесен с возможностями удовлетворения потребностей, отвечающих определенному уровню развития производительных сил. Здесь наряду с уровнем развития производительных сил известную роль играют исторический и моральный аспекты. У различных наций, различных народов жизненный уровень определяется и традициями и, таким образом, тоже различен. Условия жизни рабочего класса различных наций нельзя поэтому мерить на один аршин. Маркс указал на эту проблему в двадцатой главе первого тома «Капитала» «Национальные различия в заработной плате» [48].

Капиталу закономерно присуща тенденция снижать уже завоеванный уровень жизни рабочего класса. Ленин характеризует эту тенденцию следующим образом: «Слова Маркса о росте нищеты вполне оправдываются действительностью: во-первых, мы действительно видим, что капитализм имеет тенденцию порождать и усиливать нищету, которая достигает громадных размеров при отсутствии вышеуказанной противодействующей тенденции» [49].

В наше время проявляется стремление вновь отобрать завоеванные рабочим классом за долгие годы борьбы материальные уступки, особенно в условиях инфляционного роста цен и растущей тяжести налогов. Повышение заработной платы, таким образом, сводится на нет, а империалистическое государство посредством налогов изымает значительную часть повышения заработной платы. В этих условиях, следовательно, и в высокоразвитых капиталистических странах может иметь место снижение реальной заработной платы, т. е. абсолютное ухудшение уровня жизни пролетариата [50].

Если повнимательней заглянуть за фасад позднекапиталистического общества, то очень скоро утверждение о том, что капитализм принес благосостояние

массам трудящихся в невиданном до сих пор масштабе, окажется легендой. Даже в «богатейшей» капиталистической стране, США, существует миллионная армия безработных, а правительственные органы вынуждены ставить на повестку дня борьбу против нищеты. «Доклад о положении нации» при различных президентах США вынужден был называть нищету национальной проблемой.

Марксисты-ленинцы, реально мыслящие социологи, а также и буржуазные идеологи, испытывающие страх за существование капиталистической системы, достаточно часто разоблачают социальные пороки, скрывающиеся за кулисами «общества всеобщего благоденствия»[51].

Тенденция к ухудшению положения рабочего класса, таким образом, отнюдь не исчезла, как это хотят объявить апологеты капитализма. Она действует постоянно, иначе капитализм не был бы капитализмом. И то, что эта тенденция в наше время действует иначе, чем во времена Маркса и Энгельса, ничего не меняет в ее объективном существовании. В настоящее время она выражается прежде всего в социальной неуверенности, в том, что многие рабочие не обеспечены рабочими местами и, таким образом, на них не распространяется достигнутый уровень жизни. Потеря рабочего места, долговременная или кратковременная безработица или уменьшение заработной платы на новом рабочем месте, требующем более низкой квалификации, абсолютно ухудшают — по отношению к коллективно завоеванному классом уровню жизни — положение рабочего. Это касается прежде всего рабочих более старшего возраста, которые больше уже не могут делать для капитала столько, сколько молодые[52]. Важной формой, в которой проявляется ухудшение положения рабочего класса, является рост моральной деградации, преступности и т. д.[53]

Таким образом, тенденция к ухудшению уровня жизни рабочего класса продолжает действовать. Когда «марксологи» утверждают, что Маркс якобы устарел и опровергнут, так как сегодня рабочим живется намного лучше, чем во времена Маркса, то они игнорируют тот факт, что Маркс и Энгельс недвусмысленно оценивали нищету как социально детерминированную, а не как физическую величину. Этот «аргумент»

замалчивает также, что, по мнению Маркса, эта закономерность носит характер тенденции, и приписывает Марксу взгляд, согласно которому ее действие якобы не может быть ничем ограничено или модифицировано.

Имеется в виду, что на фоне такого искажения легче будет затем протащить утверждение, будто бы марксова теория о положении рабочего класса есть догматическая конструкция и опровергается современными условиями.

Между тем закономерной тенденции к ухудшению положения рабочего класса противостоит целый ряд важных факторов. Здесь следует прежде всего указать на борьбу рабочего класса, его классовых организаций и в особенности его революционной партии, которые уже в прошлом отвоевали у капитала важные социальные уступки. В наше время никак нельзя абстрагироваться от существования реального социализма, который вынуждает империалистическую буржуазию идти на уступки рабочему классу своих стран, с тем чтобы уменьшить влияние социализма.

По этой проблеме противодействующих факторов высказался Энгельс в своей работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года». В отношении утверждения, что «численность и нищета пролетариев все больше возрастают», он замечает следующее: «В такой абсолютной форме, как сказано здесь, это неверно. Организация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для *роста нищеты*. Но что *определенно* возрастает, это *необеспеченность существования»* [54]. Действительность в империалистических странах полностью подтверждает оценку Энгельса. И сегодня ухудшение положения рабочего класса является результатом накопления капитала и тем самым в конечном итоге результатом существования капиталистической частной собственности на средства производства.

Следовательно, Маркс был полностью прав, подчеркивая вновь и вновь, что в условиях капитализма пролетариат своей постоянной борьбой хотя и может улучшить свое положение, но не может изменить его коренным образом, а для ликвидации закономерной тенденции к ухудшению положения рабочего класса

нужно ликвидировать ее коренную причину — частную собственность на средства производства. Подлинную социальную уверенность и возможности для всестороннего развития рабочих и всех трудящихся приносит лишь социализм. И это не просто теоретическое рассуждение, реальность этого практически доказана действительностью социалистических стран и может быть в любое время подтверждена фактами.

Доказательство того, что и в наши дни действует тенденция к ухудшению положения рабочего класса, выбивает почву из-под ног также и у такого «аргумента» «марксологов», как утверждение о том, что якобы частная собственность на средства производства больше не играет определяющей роли, а основной вопрос заключается скорее в том, каким образом можно контролировать менеджеров, которые распоряжаются собственностью акционеров. Подобный тезис выдвигался, например, уже в Годесбергской программе СДПГ. В ней говорится:

«На крупных предприятиях распорядительная власть находится преимущественно в руках менеджеров, которые в свою очередь служат анонимным властям. Таким образом, частная собственность на средства производства здесь существенно потеряла свою распорядительную власть» [55]. Этим тезисом о «демократическом контроле менеджеров» пытаются пустить рабочим пыль в глаза. Ведь это же азбучная истина, что крупные капиталистические объединения, которые нанимают менеджеров для управления производством, были и есть капиталистические предприятия. Отделение частной собственности на средства производства от непосредственного распоряжения ими ни на йоту не изменило капиталистический характер производственных отношений и тем самым действие экономических законов капитализма. И менеджеры также подчиняются объективным требованиям основного экономического закона капитализма. И на них также распространяются открытые Марксом объективные экономические законы капитализма, и для них получение прибыли является основной задачей под страхом материальных убытков и тем самым потери своего места. Таким образом, требования демократического контроля за менеджерами равнозначно требованию определить квадратуру круга, так как деятельность менедже-

ров определяется интересами, вытекающими из капиталистической собственности на средства производства. Любое требование о «социальном долге собственности» — это демагогия, имеющая целью сохранить и поддерживать среди рабочих реформистские иллюзии о возможности коренного изменения их положения при существующем строе, иллюзии о невозможной в действительности «трансформации» капитализма без обобществления средств производства посредством социалистической революции. Это равносильно попытке вымыть медведя, не замочив его шкуры.

Мы уже констатировали, что ухудшение положения пролетариата интерпретируется «марксологами» как якобы непрерывное, абсолютное обнищание в физическом смысле и тем самым искажаются взгляды Маркса. И здесь мы подходим ко второй плоскости фальсификаций Маркса, согласно которой из понимаемого таким образом «обнищания» Маркс якобы выводил революционное сознание пролетариата.

«Механизмы обнищания при капитализме», пишет Оберндёрфер, «усиленно навязывают рабочему понимание его особого положения и делают его «классово сознательным»» [56]. Из этого, конечно, следует, что революционное классовое сознание исчезает, когда ликвидируется «обнищание» или когда с ним успешно борются. И именно эти выводы делают буржуазные идеологи, заявляя, что пролетариата в марксовом понимании, т. е. обнищавшего и поэтому революционно настроенного рабочего класса, сегодня больше не существует. Напротив, сегодня рабочие-де имеют очень высокий уровень жизни и поэтому материально и идеологически интегрировали в капиталистическую систему. Так, Герберт Маркузе, например, настаивает на том, что якобы Маркс полагал, что революция разразится тогда, когда вследствие кризиса рабочие окажутся в состоянии наибольшего обнищания. «Когда эта система вступит в период своего окончательного кризиса, когда воцарятся разрушение и обнищание, тогда, согласно марксову ожиданию, пролетариат оформится как революционный класс, выполнит свою объективную историческую миссию и будет действовать внутри капиталистической системы только как ее «могильщик»». Тут же он пишет: улучшившиеся условия жизни рабочих в основных капиталистических

странах на рубеже нового столетия стали фактом, «который, как нам кажется, убедительно противоречит марксовым взглядам об угрожающем окончательном кризисе капитализма и обнищании пролетариата»[57]. Подобные мысли выразил в беседе с Вернером Рефельдом и Альфред Шмидт: «Маркс полагал, что революция происходит только тогда, когда непосредственно господствует физическая нужда, которая становится невыносимой. В дополнение к марксовой концепции революции следует заметить: революция, как показывает наш опыт, происходит не при максимальной зрелости производительных сил, а до достижения этой степени зрелости... так как более высокая степень зрелости производительных сил предполагает скорее технологическую и политическую возможность интеграции, чем возможность насильственного свержения существующих отношений»[58]. Этот взгляд разделяет и Юрген Хабермас, который пишет: отчуждение «утратило свой экономически очевидный облик нищеты»[59]. Уровень жизни масс повысился, так что «интерес к эмансипации общества не может более выражаться непосредственно в экономических категориях»[60].

В этих условиях пролетариат как носитель будущей социалистической революции якобы растворяется. Хотя объективно, заявляет Хабермас, пролетариат еще существует, но отсутствие у него средств производства более не связано с таким лишением социальных благ, которое он субъективно воспринимал бы как «пролетарское». Хабермас приходит к выводу: «Классовое сознание, в особенности революционное, сегодня нельзя обнаружить даже в главных слоях рабочих. Всякая революционная теория лишается при этих обстоятельствах своего адресата; аргументы поэтому не могут более заменяться призывами. Голове критики, если она еще существует, не хватает сердца, и сегодня Маркс вынужден был бы отказаться от надежды, что и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[61]. Не говоря уже о том, что «голова критики» в лице марксистско-ленинских партий прекрасно существует и действует, даже если это и не по вкусу мелкобуржуазным интеллектуальным идеологам, здесь можно обнаружить еще одну фальсификацию Маркса: ему приписывается по-

ложение об *автоматическом* развитии классового сознания, вытекающего из материального обнищания.

Утверждение о том, что Маркс якобы ожидал от «обнищавшего», пауперизованного рабочего осуществления пролетарской революции, не имеет никакой основы. Маркс и Энгельс сами категорически отмежевывались от такого рода взглядов, заявляя: «Люмпенпролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней» [62].

«Марксологи» искажают взгляды Маркса и Энгельса, приписывая им взгляды, что классовое сознание возникает автоматически вследствие материального, физического обнищания пролетариата. Одновременно они, таким образом, уходят от революционного ответа на вопрос о современных условиях возникновения классового сознания у рабочих.

Зародыши пролетарского классового сознания возникают из социально-экономического положения рабочего класса как отражение различных явлений и проявлений капиталистических отношений, которые рабочий познает на собственном опыте. Этот опыт классового положения, т. е. положения наемного рабочего, вынужденного защищаться от постоянных попыток предпринимателя снизить заработную плату и т. д., приобретается постоянно, даже в развитых капиталистических странах. Об этом факте свидетельствуют хотя бы многочисленные забастовочные бои рабочих за последнее десятилетие, которые никто не может отрицать и которые беспощадно разрушают все иллюзии буржуазных идеологов об исчезновении классовых противоречий и классовой борьбы, которые они, как известно, сбрасывали со счета как явления прошлого [63].

Конечно, благодаря практическому опыту борьбы рабочих возникают стихийно зародыши, зачатки пролетарского классового сознания. Стихийное развитие рабочего движения не может, однако, автоматически породить революционное осознание исторической миссии рабочего класса. Для этого необходимо научное мировоззрение. Без внесения сознательного элемента, научного сознания в рабочее движение стихийное

развитие рабочего движения приводит лишь к подчинению его буржуазной идеологии.

Маркс и Энгельс своей теоретической и практической деятельностью передали международному пролетариату этот сознательный элемент — научное мировоззрение; с тех пор марксистские партии связывают теорию научного коммунизма с возникающими в практической жизни рабочих зародышами пролетарского сознания и развивают их в революционное классовое сознание.

Вся деятельность Маркса и Энгельса — живое опровержение тезиса буржуазных идеологов о том, что якобы основоположники научного коммунизма считали, будто пролетарское классовое сознание возникает стихийно. Когда Ленин в своей работе «Что делать?» ведет решительную борьбу против теории стихийности, его идеи полностью соответствуют точке зрения Маркса и Энгельса о возникновении пролетарского классового сознания.

Действительно, в периоды, когда ухудшается социально-экономическое положение рабочего класса, для классово сознательной, организованной в партию части класса имеются более благоприятные условия для *более быстрого* развития классового сознания, чем в периоды хорошей конъюнктуры. Это объясняется прежде всего тем, что рабочие вследствие усилившихся практических действий и борьбы более непосредственно сталкиваются с классовыми врагами и могут быстрее накопить богатый опыт классового противоборства между трудом и капиталом, чем в периоды относительного спокойствия. Однако это не означает, что в эти последние периоды классовое сознание не развивается, а означает лишь, что условия для этого сложнее, чем в периоды кризиса и депрессии. Но именно это обстоятельство абсолютизируется целым рядом «марксологов» в тезисе о том, что классовое сознание неизбежно связано с кризисами и ухудшением материального положения рабочих.

Однако существуют различные обстоятельства, которые оказывают на развитие пролетарского классового сознания стимулирующее или же тормозящее, сдерживающее влияние. К ним относятся конкретные исторические условия развития капитализма и классовой борьбы между трудом и капиталом. Так, недо-

пустимо схематически переносить конкретные условия времен Маркса и Энгельса на современные условия, как это любят делать буржуазные идеологи. Недопустимо также возводить в абсолют революционный пролетариат 20-х годов и с этой меркой подходить к рабочим развитых капиталистических стран, для того чтобы затем утверждать: сегодня рабочие не революционны и классово не сознательны. Ведь условия для развития пролетарского классового сознания после второй мировой войны вследствие образования мировой социалистической системы стали, с одной стороны, более благоприятными, а с другой стороны, намного сложнее, чем в предыдущий период. Но и сегодня существует революционное классовое сознание даже в слоях рабочих, имеющих высокую квалификацию и относительно высокий уровень жизни. Уже одно это опровергает тезис о механической связи между экономическим положением и уровнем сознания рабочих, который ложно приписывают Марксу и коммунистам буржуазные идеологи.

Подобные механистические взгляды в концентрированном выражении проявляются в утверждении Маркузе о том, что рабочие, имеющие холодильник, собственный домик, автомобиль, не могут иметь революционного сознания, жизненной потребности в социализме[64]. Здесь отчетливо видно, что Маркузе становится жертвой своей собственной фальсификации Маркса: поскольку он утверждает, что возникновение классового сознания Маркс якобы выводил из физического обнищания, и приписывает Марксу мнение о том, что-де революционная роль пролетариата вытекает из абсолютного непрерывного обнищания, то он неизбежно абстрагируется от главного — классовых отношений между наемными рабочими и капиталистами, из которых в конечном итоге проистекает классовая заинтересованность рабочего класса в замене капитализма социализмом. Маркузе и «марксологи», использующие подобную аргументацию, совершают серьезную ошибку: они абстрактно противопоставляют уровень потребления одной исторической эпохи этому уровню в другие эпохи и затушевывают тот факт, что различный уровень развития производительных сил порождает также различные потребности и предметы удовлетворения этих потребностей. Маркс постоянно боролся с

таким способом рассмотрения и всегда принимал во внимание в своих исследованиях социальный аспект.

Разве не соответствует современному положению следующее высказывание Маркса: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съеживается до размеров жалкой хижины. Теперь малые размеры домика свидетельствуют о том, что его обладатель совершенно нетребователен или весьма скромен в своих требованиях; и как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более приниженно. ...Таким образом, хотя доступные рабочему наслаждения возросли, однако то общественное удовлетворение, которое они доставляют, уменьшилось по сравнению с увеличившимися наслаждениями капиталиста, которые рабочему недоступны, и вообще по сравнению с уровнем развития общества. Наши потребности и наслаждения порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения. Так как наши потребности и наслаждения носят общественный характер, они относительны» [65].

И хотя у определенных слоев рабочего класса развитых капиталистических стран, говоря языком Маркса, доступные наслаждения возросли, но по сравнению с возросшими наслаждениями капиталистов и общественными возможностями удовлетворения потребностей общественное удовлетворение, которое они дают, уменьшилось. Капиталистическая эксплуатация достигла невиданных масштабов. Крупные монополии за один час загребают такую сумму прибыли, для получения которой рабочему при его заработной плате потребовались бы годы [66].

Противоречие между трудом и капиталом не может быть разрешено и в условиях государственно-монополистического капитализма. Оно ежедневно ощущается

рабочими на практике и образует важную материальную основу, на которой возникают зародыши пролетарского сознания. Это могут отрицать лишь те, кто, подобно Маркузе и другим буржуазным идеологам, ухудшение положения рабочего класса понимает лишь в физическом смысле. Однако принципиальная ошибка всех тех, кто утверждает, что в настоящее время рабочий класс якобы не является революционным, а интегрировал на основе растущей производительности труда в капиталистическую систему, состоит в убеждении, что государственно-монополистическая система может стабилизироваться в течение длительного времени, что можно регулировать классовые антагонизмы и препятствовать развитию революционного классового сознания.

Как показывает усиление классовых боев в последние годы в ряде развитых капиталистических стран, в том числе и в ФРГ, это — коренная ошибка. Государственно-монополистическое регулирование оказалось неспособным обуздать стихийные силы капиталистического рынка[67]. Это проявляется, в частности, в том, что никогда ни в одной стране не удалось осуществить провозглашенные четыре «магические цели» государственно-монополистической экономической политики: экономический рост, полная занятость, стабилизация цен и уравновешенный платежный баланс. Капиталистическая система в течение нескольких лет содрогается от хронического валютно-финансового кризиса, цены постоянно растут, оставив далеко позади заработную плату, в то время как монополии получают рекордные прибыли и выплачивают высокие дивиденды. Очевидно, что положение рабочего класса ухудшается и на повестке дня стоит сокращение реальной заработной платы.

Это все более и более становится характерным и для ФРГ. Эту капиталистическую страну тоже не пощадили глубокие внутренние противоречия и конфликты, поразившие другие развитые капиталистические страны. Как отмечал Герберт Мис на Гамбургском съезде ГКП, с 1971 по 1973 г. в ФРГ бастовало свыше 900 тыс. рабочих и служащих, требовавших повышения заработной платы, инфляционных надбавок, защиты от рационализации и улучшения условий труда. Весной 1973 г. впервые были охвачены забастовками

такие предприятия, «на которых с 1945 г. не было никакой забастовочной борьбы» [68].

Причина этого заключается в обострении основного противоречия капитализма, которое существует объективно и закономерно. Оно является материальной основой роста классовой борьбы между трудом и капиталом, охватывающей и другие слои трудящихся. Жизнь подтверждает правильность выводов международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г., которое на основе всестороннего анализа констатировало: «Возросла неустойчивость системы капитализма. Во многих странах вспыхивают социально-политические кризисы, в ходе которых широкие трудящиеся массы осознают необходимость глубоких, решающих изменений» [69].

На базе этого опыта рабочих и сегодня возникает элементарное, эмпирическое пролетарское сознание, на которое могут опираться коммунистические партии и которое они могут довести до уровня сознательности. Чем убежденнее смогут коммунисты дать принципиальный коммунистический ответ на вопросы рабочих и трудящихся, чем лучше разъяснят они людям «их собственные основные политические вопросы, тем больше будет развиваться из недовольства классовое сознание» и тем успешнее будет борьба с антикоммунизмом [70].

3. ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Открыто провозглашенной целью империалистической стратегии является подрыв международного единства и сплоченности борьбы рабочего класса. «Марксологи» различных направлений своими нападками на обоснованный Марксом и Энгельсом принцип пролетарского интернационализма стремятся внести свой вклад в эти нападки, чтобы тем самым нанести вред рабочему классу.

С тех пор как Маркс и Энгельс сформулировали в «Коммунистическом манифесте» призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», идеи и принципы пролетарского интернационализма неоднократно доказали свою жизненную силу в революционной практике рабочего движения. Осознание общих классовых интересов и

необходимость совместной борьбы рабочих всех стран для осуществления их исторической миссии в международном рабочем движении прочно утвердились уже в Союзе коммунистов, но особенно в 1864 г., когда впервые произошло объединение различных национальных организаций пролетариата в Международное Товарищество Рабочих.

Маркс и Энгельс доказали, что историческая задача рабочего класса — свержение капитализма и создание бесклассового коммунистического общества — носит интернациональный характер. Это — не только национальная задача, она стоит перед пролетариатом всех стран. Несмотря на все национальные особенности и различные уровни развития отдельных стран, у рабочих всего мира объективно одинаковые классовые интересы. Из этого вытекает необходимость и возможность совместных действий и международной солидарности, организованной борьбы в международном масштабе против эксплуататоров всех стран. Ленин развил дальше эту мысль применительно к условиям империализма.

Для классиков марксизма-ленинизма пролетарский интернационализм был неотъемлемой составной частью теории и практики борьбы рабочего класса за ликвидацию капитализма и построение коммунистического общества.

С образованием социалистического содружества принципы пролетарского интернационализма стали определяющими и для формирования отношений между социалистическими государствами, противостоящими мировому империализму и использующими все возможности для совместной борьбы. Тем самым, и в особенности благодаря постоянному упрочению взаимоотношений в процессе созидания нового общественного строя, благодаря социалистической интеграции, пролетарский интернационализм приобретает новое качество, становясь социалистическим интернационализмом. Он становится мощной движущей силой укрепления социализма и изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. продемонстрировало, что главная тенденция современного мирового коммунистического движения, основанная на идее пролетарского

интернационализма,— это тенденция к сплоченности, к единству коммунистических и рабочих партий на благо общих интересов движения.

Политическое и идеологическое единство коммунистического движения на основе марксизма-ленинизма — одновременно важнейшая предпосылка для сплочения всех антиимпериалистических сил. Сформулированный в Документе международного Совещания призыв ко всем антиимпериалистическим силам отражает широту требований, выдвигаемых рабочим классом в антиимпериалистической борьбе, и выражает сущность пролетарского интернационализма в современных условиях: **«Народы социалистических стран, пролетарии, все демократические силы в странах капитала, освободившиеся и угнетенные народы,— объединяйтесь в общей борьбе против империализма, за мир, национальную независимость, социальный прогресс, демократию и социализм!»** [71]

Единство международного антиимпериалистического и коммунистического движения — залог его силы и его победы в этой борьбе. Поэтому неудивительно, что империалисты предпринимают все усилия для того, чтобы расколоть и разрушить это единство революционного движения. Важнейшим идеологическим и политическим средством, которое они при этом используют, является буржуазный национализм. В этой связи Леонид Ильич Брежнев заявил: «Империалисты хорошо понимают всю силу международной пролетарской солидарности. Именно поэтому в своей борьбе против сил социализма, против революционного движения они делают ставку на национализм. Они рассчитывают таким путем разобщить, раздробить коммунистическое движение, противопоставить революционные отряды друг другу.

Буржуазная пропаганда всячески пытается оклеветать принцип пролетарского интернационализма, искусственно противопоставить его принципам независимости, суверенитета и равноправия национальных отрядов рабочего и коммунистического движения. Для этой цели империалистическими пропагандистами была сфабрикована и пущена в оборот пресловутая теория «ограниченного суверенитета»» [72].

Среди многочисленных попыток противодействовать пролетарскому интернационализму с помощью

буржуазного национализма и расколоть революционное движение усиливаются также стремления извратить и фальсифицировать взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на пролетарский интернационализм. Многочисленные правые и мелкобуржуазные «марксологи» пытаются дискредитировать пролетарский интернационализм как всего лишь модное слово или рекламный лозунг, как миф или марксову «утопию».

Национализм, утверждается при этом, сегодня превратился в самостоятельное общественное явление, «преобладающее в мире» и господствующее в «основных идеологиях» современности. Это мы можем прочесть в «творениях» Норберта Лезера, Бертрама Д. Вольфа и Раймона Арона [73]. Лезер даже договорился до того, что «национализм, определяющий нацию как автаркическую величину, имеет свои психологические корни, которые невозможно игнорировать, и закреплен в человеческих инстинктах и потребностях» [74]. Таким образом, для того чтобы бороться с пролетарским интернационализмом, Лезер прибегает даже к психоанализу. Он старается приписать Марксу, что, разрабатывая тезис об интернациональном характере рабочего класса, тот якобы полностью игнорировал национальную тенденцию. В истории рабочего движения будто бы одержали верх не взгляды Маркса, а идеи Мадзини и других противников Маркса. Намекая на существующее в наше время противоречие между маоизмом и мировым коммунистическим движением, Лезер пишет, что в «танце национализма и коммунизма на сцене мировой истории национализм является ведущей, а коммунизм — ведомой частью» [75].

Подобные утверждения, выдвинутые буржуазными идеологами, лишены всякого основания. Не может быть и речи о том, что Маркс, Энгельс и Ленин в своей всеохватывающей теории о всемирно-исторической миссии рабочего класса игнорировали национальный аспект пролетарской классовой борьбы. Достаточно вспомнить те многочисленные произведения, которые Маркс и Энгельс посвятили, например, ирландскому и польскому вопросам. Национальным условиям классовой борьбы они вообще уделяли большое внимание. Национальный и интернациональный аспекты классовой борьбы представляли для них не взаимоисключающие явления, а диалектическое единство.

Однако у Маркса и Энгельса национальные интересы вытекают не из «человеческих инстинктов и потребностей», а зависят от конкретно-исторического социально-экономического положения рабочего класса и являются вторичными по сравнению с антагонистическими классовыми противоречиями. В этом отношении интересы рабочих — классовые интересы, которые диаметрально противоположны интересам буржуазии данной нации. Поэтому рабочий класс, как отмечали Маркс и Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии», должен прежде всего бороться против своей собственной буржуазии и тем самым вносить свой вклад в процесс создания бесклассового общества в мировом масштабе. Дословно в нем говорится: «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией» [76].

Однако, в отличие от Мадзини, который, как пишет Лезер, рассчитывал только на национальную победу пролетариата и называл пролетарский интернационализм утопией, Маркс и Энгельс включали национальные классовые интересы пролетариата в интернациональный классовый интерес. Свержение буржуазии в одной стране, в одной нации классики марксизма-ленинизма рассматривали как интернационалистическое «по сути». Ибо захват политической власти рабочим классом и введение социалистической собственности на средства производства представляют собой необходимые предпосылки для мирного сотрудничества всех наций и ведут к постепенному отмиранию в процессе общественного развития исторической миссии рабочего класса в мировом масштабе через ее осуществление. Интернационализм рабочего класса включает, таким образом, заинтересованность в расцвете собственной нации, и между ними нет никакого противоречия.

Разработанные Марксом и Энгельсом основные идеи о единстве между национальными и интернациональными интересами рабочего класса подчеркиваются в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г.: «Каждая коммунистическая партия ответственна за свою деятельность перед своим рабочим классом и народом и

в то же время — перед международным рабочим классом. Национальная и интернациональная ответственность каждой коммунистической и рабочей партии нераздельны» [77].

Когда буржуазные идеологи утверждают, будто бы Маркс и Энгельс упускали из виду, что национальные интересы рабочего класса сильнее, чем интернациональные, то этот тезис содержит и приписывание марксистам взглядов, согласно которым рабочему классу безразлична судьба собственной нации, а пролетарский интернационализм-де исключает любой национальный интерес рабочего класса. Об этом, как было показано выше, не может быть и речи.

С указанным ложным приписыванием тесно связано и еще одно: все национальные интересы, включая и интересы рабочих, попросту отождествляются с интересами буржуазии. Тем самым истинное национальное чувство, истинный патриотизм, который является элементом пролетарского интернационализма, подменяется *буржуазным* национализмом. Поэтому буржуазные идеологи, такие, как Лезер, вновь обращаются к личностям из истории рабочего движения и национально-освободительной борьбы, которые уже во времена Маркса и Энгельса — подобно Мадзини — интерпретировали национальные интересы в духе буржуазного национализма и противопоставляли их пролетарскому интернационализму. Это обращение к истории должно послужить обоснованием тезиса о мнимом превосходстве национализма над интернационализмом.

Из факта временного проникновения национализма в рабочее движение отнюдь не следует делать вывода, что национализм сильнее пролетарского интернационализма; ибо необходимо учитывать, что такие волны национализма, как, например, в начале войны в 1914 г., были возможны только вследствие затуманивания классового сознания рабочих масс оппортунизмом. Как известно, в немецкой социал-демократии оппортунизм уже задолго до начала первой мировой войны систематически подрывал пролетарское классовое сознание и тем самым открыл дорогу буржуазному национализму и шовинизму в решающие часы августа 1914 г.

Империалистические стратеги напрасно возлагают

надежды на внутреннее разложение социалистического содружества, которое должно быть вызвано мнимыми противоречиями между национальными интересами социалистических стран и социалистическим интернационализмом. Между буржуазным национализмом и пролетарским интернационализмом существует непреодолимое противоречие. Ленин писал по этому поводу: «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» [78].

Когда Арон, Вольф, Лезер и другие вновь и вновь пытаются внушить рабочему классу и всем другим антиимпериалистическим силам, что национальные интересы объективно идут вразрез с пролетарским интернационализмом, то они преследуют цель опутать рабочий класс цепями буржуазного национализма. При этом они спекулируют на сложности диалектики национального и интернационального, как в мировой социалистической системе, так и в национально-освободительном движении угнетенных народов. В буржуазной прессе со злорадством отмечается и ловко используется мелкобуржуазный национализм маоистов в Китае. В национально-освободительном движении всячески поддерживаются националистические элементы с целью изоляции этого движения от общего потока антиимпериалистической борьбы. Буржуазные идеологи надеются, что с помощью пропаганды национализма они смогут легче, чем прежде, проникнуть в различные отряды рабочего класса, в основные потоки антиимпериалистической борьбы, чтобы добиться раскола революционных сил.

Нигде это не проявляется так четко, как в идеологии и практике маоизма, которые нацелены на раскол основных революционных потоков нашей эпохи, на изоляцию Советского Союза и представляют собой существенный возмущающий фактор в международном коммунистическом движении. Тем не менее очевидно — и московское Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. ясное тому доказательство,— что пролетарский интернационализм в конечном итоге сильнее, чем буржуазный национализм, и постепенно

добивается все больших успехов в непрерывной борьбе с националистическими тенденциями. Это превосходство пролетарского интернационализма вытекает прежде всего из того, что он соответствует объективным законам развития нашей эпохи.

Пролетарский интернационализм вырастает из объективно общей заинтересованности рабочего класса всех стран в свержении капитала. Как буржуазии в некоторых развитых капиталистических странах не удастся на долгий срок затуманить сознание большинства рабочих, так и буржуазный национализм не в силах вытеснить интернационалистское сознание рабочего класса. Социалистический интернационализм вырастает из общих интересов рабочего класса, находящегося у власти, и всех трудящихся социалистических стран. Эти общие интересы коренятся в социалистических производственных отношениях и власти, которые существуют во всех странах социалистического содружества, и оказываются в действительности сильнее, чем националистические тенденции, националистические предрассудки и националистическая замкнутость. Практика международного сотрудничества, международной социалистической экономической интеграции наглядно показывает каждой стране, что она может процветать только в социалистическом содружестве. Этот практический опыт является объективным стимулом усиления социалистического интернационализма.

Усиливающаяся интернационализация монополий, возрастающее международное переплетение капиталов тоже объективно укрепляют единство интересов рабочих большинства капиталистических стран и тем самым международный характер классовой борьбы. В начале 70-х годов это проявляется, в частности, как указывал Б. Н. Пономарев на международной конференции ЦК СЕПГ, посвященной 125-й годовщине со дня выхода «Манифеста Коммунистической партии», в росте международных стачек, возрастании роли Всемирной федерации профсоюзов, усилении международного сотрудничества коммунистических партий [79].

Наконец, в среде рабочего класса и других трудящихся в цитаделях капитала растет осознание основного тезиса марксистско-ленинской концепции интернационализма, заключающегося в том, что противоре-

чие между пролетарским интернационализмом и великодержавным шовинизмом антагонистично по своей природе, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. «Сила, нужная ему для подавления другого народа, в конце концов всегда обращается против него самого» [80]. О распространении этого положения говорят резкие выступления протеста против агрессии США во Вьетнаме в самих Соединенных Штатах и в других капиталистических государствах, симпатизирующих США, а также растущая солидарность с народами так называемого третьего мира.

Коренная причина сплоченности, единства действий трех основных революционных потоков нашей эпохи состоит в том, что, как указывается в Документе московского Совещания, при всей дифференцированности задач в отдельных отрядах и потоках общим, непреходящим для них является борьба против мирового империализма. Борьба против империализма каждодневно вновь и вновь объединяет основные революционные потоки в практическо-политической деятельности, непрерывно подкрепляя тем самым тенденцию к обеспечению суверенитета и равноправия наций в империалистической сфере влияния, и противостоит одновременно националистическим тенденциям. Все эти факторы свидетельствуют о преимуществе пролетарского интернационализма перед буржуазным национализмом.

Однако пролетарский интернационализм не распространяется сам по себе, а требует от коммунистических и рабочих партий единого, организованного и сознательного действия всех антиимпериалистических сил под руководством социалистического содружества, коммунистических и рабочих партий. Практическая интернациональная солидарность и развивающаяся экономическая интеграция социалистических стран — решающие факторы для вытеснения национализма.

Пролетарский интернационализм, таким образом, не лозунг и не марксова «утопия». Он живой принцип мирового коммунистического движения. Этого положения не в силах изменить и троцкистская «аргументация», которая, в отличие от других вариантов буржуазной идеологии, скорее фальсифицирует интернационализм, чем пропагандирует национализм, пытаясь приписать национализм Советскому Союзу и КПСС.

Троцкизм как мелкобуржуазное ультралевое течение интерпретирует мировую социалистическую революцию, формально ссылаясь на Маркса, не как процесс, который охватывает целую эпоху, а как единовременный акт, как одновременно совершающуюся «мировую революцию». Поэтому троцкисты рассматривают поддержку такой псевдореволюции как единственный критерий «пролетарского интернационализма» троцкистского толка и обвиняют КПСС и другие марксистско-ленинские партии в национализме, предательстве марксизма и интернационализма. Но историческая практика уже давно подтвердила правильность ленинского тезиса о том, что в результате неравномерного развития капиталистических стран невозможна «мировая революция» как *одновременное* установление власти рабочего класса во всех странах и что возможно построение социализма сначала в одной стране. Поэтому марксисты-ленинцы с полным правом отвергают троцкистское понимание «мировой революции» как ультралевый авантюризм, который наносит большой ущерб делу социализма и в силу своего антисоветизма действует на руку империализму. В троцкистских журналах «МАШ, марксистише арбайтершуле», «Роте прессе-корреспонденц» и других трудно найти публикации, в которых бы под псевдосоциалистическим лозунгом «Да здравствует мировая социалистическая революция!» не поносились бы КПСС и внешняя политика Советского Союза как якобы «ревизионистские», «реакционные» или «контрреволюционные» [81].

Неудивительно поэтому, что троцкистские идеи усиленно распространяются в Западной Европе, США и Латинской Америке; ибо они помогают пополнять арсенал антикоммунизма и особенно антисоветизма и пригодны для идеологического подрыва рабочего и особенно молодежного движения. Коммунистические и рабочие партии разоблачают и разбивают этот специфический вариант антикоммунизма и антисоветизма. Так, Германская коммунистическая партия в своих тезисах на Дюссельдорфском съезде партии также объявила борьбу против антикоммунизма и антисоветизма важнейшей задачей в борьбе против монополистического капитала, за мир, демократический прогресс и социализм. Одновременно она подчеркивает

тельмановский тезис о том, что каждый настоящий коммунист узнается по своему братскому отношению к Советскому Союзу [82]. Ведь КПСС — это марксистско-ленинская партия, располагающая наибольшим революционным опытом, а Советский Союз — главная сила социалистического содружества, борьбы против империализма. Кроме того, он наглядно продемонстрировал свой интернационализм своей бескорыстной солидарной помощью вьетнамскому народу, Кубе, Чили, арабским странам и другим народам, борющимся против империализма.

В своих нападках на интернациональный характер революционного рабочего движения «марксологи» направляют основной удар против марксистско-ленинского учения о боевой революционной пролетарской партии.

4. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЕДИНСТВА НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. ОБ ИСКАЖЕНИИ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ПАРТИЮ И О МНИМОМ ПЛЮРАЛИЗМЕ МАРКСИЗМА

Для выполнения своей исторической задачи — свержения капиталистического эксплуататорского строя и построения подлинно гуманного коммунистического общества — рабочий класс нуждается в сознательном, организованном политическом авангарде — революционной партии.

Это многократно подтверждено историей международного рабочего движения. Лишь там мог быть свергнут капитализм и построен социализм, где рабочим классом руководила марксистско-ленинская партия. Социал-демократическим партиям, правые вожди которых в различных странах уже осуществляли правительственные функции, напротив, нигде и никогда не удавалось коренным образом изменить капиталистические отношения.

Однако марксистско-ленинская партия необходима рабочему классу не только для завоевания власти. В условиях социализма с ростом потребности в научном руководстве развитием общества в целом возрастает и роль партии. Это одна из общих закономерностей социалистического общества, подтвержденная опытом всех социалистических государств. «Чем шире размах нашей созидательной деятельности,— говорил Леонид Ильич Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза,— чем сложнее проблемы, которые приходится решать, тем выше роль и ответственность Коммунистической партии, идущей во главе масс» [1].

Однако объективные предпосылки для осуществления исторической миссии рабочего класса не означают

еще ее осуществления на практике. Поскольку рабочий класс не только эксплуатируется физически и подавляется в политическом и социальном отношении, но и угнетается духовно, сковывается и нередко дезинформируется, он может успешно вести свою борьбу за свержение капитализма лишь в том случае, если во главе его стоит революционная партия, владеющая научной теорией о закономерностях общественного развития вообще, капитализма и пролетарской классовой борьбы в особенности. Марксистско-ленинское учение о партии является поэтому неотделимой составной частью учения об исторической миссии рабочего класса и одним из важнейших элементов революционного мировоззрения пролетариата.

Маркс и Энгельс доказали, что вначале лишь небольшая часть рабочего класса может подняться до уровня научного социализма, но что затем эта часть, благодаря своей теоретической подготовленности и организованности в партию, должна и имеет право осуществлять руководство всем классом, воспитывать в нем пролетарское классовое сознание и вести к классовым битвам. Из этих основных предпосылок исходил Ленин, создавая стройное учение о партии нового типа.

В социалистическом обществе качественно новую роль приобретает субъективный фактор, поскольку здесь впервые в истории становится возможным и необходимым сознательное и планомерное использование объективных общественных законов. Отсюда следует, что революционная партия рабочего класса — это решающий элемент при формировании развитого социалистического общества и строительстве коммунизма. Ибо она представляет собой ту общественную силу, которая олицетворяет теорию марксизма-ленинизма и ее связь с рабочим классом, знает объективные закономерности общественного развития и на основе этого может разрабатывать научные перспективы для практики и вести массы к их осуществлению.

Ввиду центрального значения революционной партии для осуществления исторической миссии пролетариата враги социализма еще с момента создания Союза коммунистов направляли свой главный удар против революционной рабочей партии, клевеща на нее и пытаясь ее уничтожить. При этом с самого начала, наряду с полицейскими преследованиями и запре-

тительными процессами — достаточно вспомнить о Кёльнском процессе над Союзом коммунистов в 1852 г. и бисмарковском законе против социалистов,— большую роль играли идеологические диверсии. Сюда можно отнести попытки отрицать классовый характер партии, представить партию излишней или же прямо вредной для социалистического движения. Здесь можно напомнить об отбитой еще Марксом и Энгельсом в их знаменитом циркулярном письме 1879 г. [2] попытке оппортунистических сил ликвидировать пролетарскую классовую партию в Германии путем ее преобразования в мелкобуржуазную реформистскую партию или о выдвинутом контрреволюцией в начале 20-х годов нашего столетия и использованном для нападок на молодую Советскую власть демагогическом лозунге «Советы без коммунистов», о лицемерных призывах современных ревизионистов и их буржуазных покровителей к «свободе партий», к социализму «с человеческим лицом» и т. п. После замены стратегии отбрасывания коммунизма более гибкой политикой расшатывания и подрыва устоев социалистических стран нападки на марксистско-ленинскую партию усилились и обнаружили некоторые новые акценты. Буржуазные идеологи по-своему учитывают тот факт, что партия рабочего класса — это ведущая сила в строительстве социализма и коммунизма и что ее роль в этом процессе закономерно возрастает.

Один из антикоммунистических политологов ФРГ, Петер Христиан Лудц, в своей книге «Партийная элита в процессе перемен» высказывает мнение, что изменение общественных отношений в Германской Демократической Республике достижимо только путем изменения СЕПГ [3]. Лудц тем самым не рекомендует открыто выступать против социализма и против марксистско-ленинской партии. Он надеется на изменения в самой СЕПГ. Контрреволюционная цель ликвидации социализма, по его представлению, должна быть достигнута обходным путем, с помощью социал-демократизации марксистско-ленинской партии. Тот факт, что эта концепция уже использовалась на практике в ЧССР в известный период до 21 августа 1968 г. и потерпела крах, не мешает идеологам империализма защищать ее снова в слегка модифицированной форме. Не следует только выступать опрометчиво, считают они теперь,

а нужно настроиться на длительный процесс преобразования в социалистических странах [4].

После того как выявилась ненадежность наивных спекуляций на якобы автоматически совершающейся с развитием техники конвергенции общественных систем в «единое индустриальное общество», на передний план выступила эволюционная концепция долговременного преобразования социалистической надстройки [5]. Она исходит из надуманного конфликта в социалистическом обществе между так называемыми стихийными общественными процессами, которые вели бы к «нормальному» (читай: капиталистическому) «индустриальному обществу», и стремлением партии и социалистической государственной власти сознательно направить это развитие в «неестественное» русло. Империалистическая эволюционная концепция нацелена, таким образом, на ослабление, постепенное разложение и окончательную ликвидацию марксистско-ленинской партии. Гельмут Дам недвусмысленно суммировал: определяющей всегда является замена марксистско-ленинской партии как «единственного составителя программы» «множественным руководством»... [6]

Пророчества империалистических стратегов эволюции о «новой конкурирующей элите» в ГДР, о различиях и противоречиях между старыми политиками и молодыми «технократами» в СЕПГ, их иллюзорные надежды на изменение общественных отношений в ГДР путем изменений в СЕПГ — все это косвенное признание того, что марксистско-ленинская партия, как ведущая сила в социалистическом обществе, прочно связана с трудящимися массами и является залогом всех их успехов.

Несмотря на то что по-прежнему имеют место неуклюжие антикоммунистические нападки на марксистско-ленинские партии, все же в последние годы на передний план все больше выступает тактика их идеологического подрыва. С помощью мнимо марксистских доводов надеются скорее произвести впечатление на коммунистов и трудящиеся массы вообще, чем с помощью открыто антимарксистских выпадов. И такие «марксистские аргументы» поставляются главным образом теми, кто профессионально занимается искажением учения Маркса, Энгельса и Ленина. Прилагаются

также усилия к тому, чтобы сфабриковать «марксистские аргументы» в области партийной проблематики — против ленинской партии нового типа, против теории и практики коммунистических партий современности.

При этом можно выделить две основные линии нападок. *Во-первых,* отрицается преемственность учения о партии от Маркса и Энгельса до Ленина и конструируется противоречие между классиками марксизма-ленинизма. *Во-вторых,* предпринимаются попытки идеологически разоружить революционную партию рабочего класса, оспаривая единство и цельность пролетарского мировоззрения и приписывая марксизму плюрализм.

В первом случае буржуазные идеологи выступают против ленинского учения о партии нового типа как последовательного дальнейшего развития в условиях империализма и пролетарской революции взглядов Маркса и Энгельса на партию. Искажение взглядов Маркса — Энгельса представляет собой при этом как бы плацдарм для фальсификации Ленина. Чтобы поразить ленинизм, искажают взгляды Маркса и Энгельса, выдают их затем за «первоначальный марксизм», лицемерно притворяясь его защитниками, и таким образом конструируют противоречия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой. Все это в конечном счете направляется против революционной политики марксистско-ленинских партий, руководящих массами в антиимпериалистической борьбе и строительстве социализма.

Поскольку буржуазные и ревизионистские идеологи искажают учение о партии путем конструирования противоречий между взглядами Маркса и Энгельса, с одной стороны, Ленина и существующих сегодня коммунистических партий — с другой, в этой связи следует указать на преемственность, принципиальное соответствие и вместе с тем на новый качественный уровень ленинского учения о партии нового типа по отношению к взглядам Маркса и Энгельса на партию рабочего класса [7].

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что Ленин при дальнейшем развитии как марксизма вообще, так и учения о партии в частности во всех решающих вопросах опирался на Маркса и Энгельса, защищал их взгляды на пролетарскую партию в борьбе с буржуаз-

ными и мелкобуржуазными теориями. Поэтому не может быть и речи о том, что корни ленинского учения о партии нового типа якобы лежат в каком-либо немарксистском течении в России XIX века. Напротив, исходным пунктом для Ленина был марксизм. Во всех принципиальных вопросах, касающихся сущности, функций и исторических задач пролетарской партии, здесь имеется полное соответствие.

Это означает, что взгляды на партию, выработанные Марксом и Энгельсом в конце 40-х годов XIX века, в последующие десятилетия постоянно развивались и обогащались новыми элементами. Маркс и Энгельс всегда понимали свою научную теорию как руководство к действию. Их тесные личные контакты с вождями немецкого и международного рабочего класса, их участие в революции 1848—1849 гг., их страстное сочувствие всем революционным битвам, особенно Парижской коммуне, хорошо известны. Они постоянно проверяли свои воззрения опытом классовой борьбы; обобщая как успехи, так и поражения рабочего движения, они соответственно развивали, конкретизировали, а в случае необходимости даже исправляли свою теорию. Возникновение и развитие взглядов Маркса и Энгельса на партию должно поэтому рассматриваться в тесной связи с возникновением и развитием рабочего движения и самой пролетарской партии [8]. Нового качественного уровня марксистская теория пролетарской партии достигла в эпоху империализма, а именно с созданием цельного учения Ленина о партии нового типа.

Необходимость качественного преобразования авангарда пролетариата вытекала из новых, усложнившихся условий революционной борьбы в период смены капитализма свободной конкуренции империализмом. Политическая система господства буржуазии, опираясь на монополии, консолидировалась и усовершенствовалась. Рабочему движению противостоял теперь усилившийся, лучше организованный и сконцентрировавший средства своего господства противник. Это предъявило качественно более высокие требования к партийному руководству классовой борьбой пролетариата. В то же время в эпоху империализма усилилось воздействие буржуазной идеологии на рабочий класс, нашедшее особенно благоприятную питатель-

ную среду в коррумпированных слоях рабочего класса и проявившееся в оппортунистической политике. Оппортунизм стал важным средством поддержания империалистического господства. С его помощью буржуазии удалось расколоть рабочее движение и ослабить его настолько, что в конечном счете партии II Интернационала сошли с революционного пути.

Дальнейшее развитие взглядов Маркса и Энгельса на партию и вытекавшее отсюда создание качественно новой партии было в этих условиях объективным требованием. В противовес механистической теории автоматического краха капитализма Ленин показал важное значение субъективного фактора для осуществления общественного прогресса. Он указал, что без революционной теории не может быть революционного движения и что роль организатора и вождя в классовой борьбе пролетариата может взять на себя только такая партия, которая руководствуется революционной теорией; последовательно борется с теорией и политикой оппортунизма; система организации которой направлена на непосредственную подготовку и проведение революции; которая вследствие этого требует от своих членов строгого соблюдения партийной дисциплины и активной работы в ее первичных организациях. Осуществив эти принципы в партии большевиков, Ленин одновременно создал основной тип пролетарской партии, которая в ее общих чертах стала прообразом для всех других коммунистических и рабочих партий в эпоху империализма и пролетарской революции.

Для успешной борьбы с противопоставлением марксизма и ленинизма по вопросу о партии, направленным на раскол коммунистических партий, необходимо особо отметить как их принципиальную общность, так и новый качественный уровень ленинского учения о партии по сравнению со взглядами Маркса и Энгельса. Это касается прежде всего следующих основополагающих вопросов, или аспектов, марксистско-ленинского учения о партии.

Первое. Важнейшим общим пунктом во взглядах Маркса, Энгельса и Ленина по вопросу о партии было то, что они рассматривали революционную пролетарскую партию как решающий инструмент осуществления пролетариатом его всемирно-исторической мис-

сии, как необходимое условие успешной борьбы рабочего класса за политическую власть и построение социализма. Однако если во времена Маркса и Энгельса историческая задача прежде всего состояла в том, чтобы пролетариат вначале конституировался как самостоятельная общественная сила, как «класс для себя» и подготовился к борьбе за политическую власть, то с началом эпохи империализма борьба за завоевание рабочим классом политической власти прямо встала в порядок дня. Для партии Ленина непосредственная подготовка и руководство революцией выдвинулись в центр внимания. В этих новых исторических условиях стало необходимым дальнейшее развитие взглядов Маркса и Энгельса на партию, и разработка Лениным учения о партии нового типа отвечала этой необходимости.

Второе. Полное соответствие учений Маркса, Энгельса и Ленина заключается в постоянном подчеркивании и последовательной защите ими пролетарского характера коммунистической партии. Беспощадно критиковали они как проникновение в партию мелкобуржуазных элементов, так и попытки передать руководящую роль в руки интеллигенции. Одновременно они боролись против сектантства, леворадикальных и анархистских тенденций, которые вели к отрыву партии от масс. Пролетарский характер коммунистической партии должен также выражаться в том, что она всегда руководствуется общими интересами и потребностями рабочего класса, что коммунисты, как писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», «на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией... всегда являются представителями интересов движения в целом» [9].

Третье. Маркс и Энгельс рассматривали партию как соединение научного коммунизма и рабочего движения. В течение всей жизни борьба за такое соединение находилась в центре их политической деятельности. И этот аспект учения о партии Маркса и Энгельса был последовательно развит Лениным. Он указал на ограниченность стихийной борьбы рабочих и на возникновение на этой основе тред-юнионистского сознания и подробно обосновал вывод, почему научно обоснованное классовое сознание пролетариата не может выработаться стихийно и почему, следовательно, партия

должна привнести социалистическую идеологию в рабочий класс в процессе практической организации пролетарской классовой борьбы во всех ее формах, последовательно представляя интересы рабочего класса. Всеобъемлющей теоретической разработкой проблемы соотношения стихийности и сознательности в революционном рабочем движении Ленин поднял этот аспект учения о партии на новую ступень.

Четвертое. В силу того что партия олицетворяет сознательность внутри рабочего движения, способствуя с помощью научного мировоззрения пониманию им закономерностей общественного развития вообще и пролетарской классовой борьбы в особенности, в силу того что коммунистическая партия имеет «в теоретическом отношении... перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения» [10], одна она только может и даже обязана как часть рабочего класса возглавить его и вести вперед. Этот основополагающий вывод Маркса и Энгельса Ленин детально разработал и развил дальше применительно к новым условиям. Он обосновал роль партии как высшей формы классовой организации пролетариата. Выступив против затушевывания различия между партией как сознательным авангардом и всем классом, Ленин прояснил отношение между партией, рабочим классом и остальными трудящимися, глубоко обосновал характер коммунистической партии как передового отряда, который не только вооружает класс теорией научного коммунизма, но и возглавляет его на всех этапах революционной борьбы.

Пятое. Еще один важнейший элемент марксистского учения о партии — это пролетарский интернационализм. И в этом вопросе существует полное соответствие взглядов Маркса, Энгельса и Ленина. Уже в «Коммунистическом манифесте» говорится, что коммунисты «в борьбе пролетариев различных наций... выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата...» [11]. Ленин также опирался в этом вопросе на Маркса и Энгельса, считал национализм характерной чертой оппортунизма и резко осуждал предательство партиями II Интернационала принципов пролетарского интернационализма. Он требовал «подчинения интересов пролетарской борьбы в

одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе...»[12]. Этот принцип особенно использовался им после Октябрьской революции в отношении победоносного рабочего класса России к пролетариату других стран.

Шестое. Нужно, наконец, указать на диалектику преемственности и нового качества в понимании организационных принципов коммунистической партии от Маркса и Энгельса до Ленина. С начала своей деятельности в Союзе коммунистов Маркс и Энгельс в течение всей жизни работали над созданием и укреплением пролетарских партийных организаций. Маркс и Энгельс приняли решающее участие в составлении «Устава Союза коммунистов»[13], устава первой революционной рабочей партии, и уже здесь нашли свое отражение основные принципы демократического централизма. Исходя из этого, Ленин в соответствии с новыми условиями классовой борьбы и повысившимися требованиями к партии как авангарду пролетариата развил дальше организационные моменты марксистского учения о партии. Он настаивал на демократическом централизме с усиленным акцентом на централизм, строгой партийной дисциплине и высокой требовательности к работе и активности каждого члена партии на практике. Тем самым он не только создал соответствовавшую особым условиям России партию большевиков, которая в итоге привела русский рабочий класс к победе, но и развил одновременно общеупотребительные принципы организации, партийного строительства и внутрипартийной жизни для партии нового типа, необходимой в эпоху империализма и перехода к социализму.

И поэтому, чтобы использовать Маркса и Энгельса в борьбе с ленинизмом и современными коммунистическими партиями, «марксологи» конструируют противоречия между основоположниками научного коммунизма и их последовательными преемниками, противоречия, основанные как на искажении учения Маркса — Энгельса, так и на клевете на марксистско-ленинские партии. Взгляды Маркса и Энгельса препарируются таким образом, что, с одной стороны, прямо искажается их учение о партии путем фальсификации их понимания ее революционного и пролетарского характера, ставится под сомнение роль партии как сознательного

передового отряда рабочего класса и игнорируются обоснованные Марксом и Энгельсом организационные принципы демократического централизма, а с другой стороны, искажается деятельность Маркса и Энгельса по созданию и укреплению пролетарских партий в немецком и международном рабочем движении.

Вторая основная форма нападок на партию — выступления против ее идеологических основ, против единства, цельности и международного характера марксизма-ленинизма и трех его составных частей, равно как и против закономерности соединения научного коммунизма с рабочим движением.

Маркс, Энгельс и Ленин постоянно боролись за идеологическое единство рабочего движения и его партии на основе научного коммунизма; разработка и развитие марксизма проходили в постоянной борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией.

Единое мировоззрение, верность идеям марксизма-ленинизма представляет собой и сегодня основу для совместных и сплоченных выступлений коммунистических и рабочих партий и для возрастания их авторитета у трудящихся масс. Но единство мысли и действия не означает однообразия и догматизма, как это постоянно пытаются представить буржуазные идеологи. Единство в главном, основном, существенном не исключает разнообразия в частностях, в национальных и местных особенностях, в методах решения проблем, а, напротив, предоставляет гораздо более широкие возможности для развертывания инициативы и творческого подхода ко всем политическим вопросам, предполагает собственную ответственность каждой коммунистической партии. Как раз поэтому столь важна согласованность во всех основных вопросах, покоящаяся на единстве всеобщей цели коммунистического движения; как раз поэтому ошибочно и вредно для общего дела, когда специфическое, национальные особенности противопоставляются всеобщему, основному, интернациональному.

Поскольку единство и цельность мировоззрения коммунистических партий — это решающее условие их растущего влияния и их силы, нападки буржуазных идеологов направляются против них в особой степени. Различные ревизионисты проповедуют «необходимость многих марксизмов» и «моделей социализма», и каж-

дый по мере возможности изобретает свой собственный отдельный марксизм, который якобы только и соответствует истинным намерениям Маркса. А представители прочих вариантов буржуазной идеологии, в особенности профессиональные «марксологи», толкуют затем различные ревизии и отклонения как многозначность марксизма и превозносят его якобы плюралистическое существование.

Оба основных варианта нападок на марксистско-ленинские партии — как прямая фальсификация концепции партии Маркса и Энгельса и конструирование противоречий между ней и ленинской концепцией, так и атаки на единство и цельность идеологических основ партии — имеют целью дискредитировать с помощью мнимо «марксистских» аргументов ленинскую партию нового типа и расколоть современное мировое коммунистическое движение.

1. О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА ПАРТИЮ КАК МЕТОДЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ПАРТИЙ

Составная часть и средство постоянных нападок империалистических правосоциал-демократических и ревизионистских идеологов на руководящую роль марксистско-ленинской партии и ее пролетарский революционный характер — искажение взглядов Маркса и Энгельса на партию. Оно осуществляется в основном в двух вариантах: с одной стороны, путем простого игнорирования концепции партии как неотъемлемой составной части учения об исторической миссии рабочего класса в трудах Маркса и Энгельса либо утверждений, будто бы Маркс и Энгельс говорили о партии исключительно в общеисторическом смысле, представляли ее себе не как прочно организованное и дисциплинированное пролетарское боевое содружество, а всего лишь как стихийно образующуюся народную партию; а с другой стороны, путем утверждений, будто бы Маркс и Энгельс были противниками всякой партийной дисциплины и были бы наверняка не согласны с последовательным демократическим централизмом ленин-

ской партии нового типа. Оба эти варианта в конкретных случаях тесно переплетаются между собой.

Невежество в отношении концепции партии Маркса и Энгельса обусловливается у мелкобуржуазных идеологов чаще всего интерпретацией марксизма как абстрактно-гуманистического, классово индифферентного учения, отрицанием пролетарской классовой точки зрения. Если из марксизма исключить историческую миссию рабочего класса, не признавать никакой классовой борьбы, а выделять лишь такие общечеловеческие проблемы, как отчуждение, или если марксизм изображать — а вернее, фальсифицировать — как «критическую теорию» [14] либо как классово нейтральную «методологию общественной инициативы» [15], тогда, разумеется, в таком лишенном своей сущности, т. е. революционной теории рабочего класса, «марксизме» нет места для партии. Тогда уже совсем просто умолчать о том, что с середины 40-х годов прошлого столетия и до конца своей жизни Маркс и Энгельс боролись за соединение марксизма с рабочим движением, за создание и укрепление партий пролетариата во всех странах.

Так поступает, например, Эрнст Фишер, который уже в названии своей книги о Марксе выступил с претензией обнародовать наконец «Что действительно говорил Маркс» [16]. О самом существенном, т. е. о том, что марксизм впервые в цельном виде предстал перед общественностью в форме «Манифеста Коммунистической партии» как программы первой революционной рабочей партии, что только благодаря развитому в «Манифесте» учению о партии логическая последовательность и революционный характер марксистской теории получили свое наивысшее выражение, что только с учением о партии научный вывод о всемирно-исторической миссии рабочего класса получил свое полное теоретическое обоснование и что марксово учение стало преобразующей мир духовной силой, только будучи теоретической основой коммунистической партии и в постоянном взаимодействии с классовой борьбой пролетариата [17],— обо всем этом в книге ревизиониста Фишера не найти ни слова. Абсолютно в духе буржуазных «марксологов» марксизм трактуется чисто в идейно-историческом плане, его связь с рабочим движением и коммунистической партией игнорируется, а марк-

сова концепция партии просто утаивается. «Обработав» подобным образом Маркса, Фишер и Марек в своей книге «Что *действительно* говорил Ленин» квалифицируют учение о партии нового типа как специфически русское явление [18].

Один из наиболее распространенных методов всякого рода фальсификаций теории Маркса и Энгельса состоит в том, что отдельные высказывания выдергиваются из контекста, вырываются из цельной системы их учения, с тем чтобы далее рассматривать их вне связи с конкретными историческими условиями, к которым они относятся, и абсолютизировать с целью использования для борьбы с ленинизмом и коммунистическими партиями современности.

Подобным образом поступают те фальсификаторы Маркса и Энгельса, которые утверждают, будто бы Маркс имел в виду «под понятием «партия» всегда «партию в общеисторическом смысле»» и тем самым вовсе не рассматривал партию однозначно как элитарную организацию, которая должна «руководить» рабочим классом [19]. Когда такое выдают за *взгляды* Маркса и Энгельса на партию, это означает фальсификацию, основанную на абсолютизации одной стороны их диалектического учения о партии — той стороны, которая выдвигалась на передний план в определенное время, а именно в период борьбы с сектантскими и анархистскими тенденциями, и подчеркивала, что коммунисты — часть класса. В то же время утаиваются все те высказывания Маркса и Энгельса, которые свидетельствуют об их понимании необходимости партийного руководства классом.

Куда целят такие манипуляции, отчетливо демонстрирует американский «марксолог» и профессиональный антикоммунист Бертрам Д. Вольф. Он приписывает Марксу теорию «идентичности класса и партии» [20] и при этом особенно ссылается на письмо Фридриху Больте от 23 ноября 1871 г., в котором Маркс указывает на борьбу Международного Товарищества Рабочих против «социалистических или полусоциалистических сект», против бакунизма, прудонизма и лассальянства [21].

Эта борьба против оппортунистических или анархистских сектантских организаций «интерпретируется» Вольфом как борьба Маркса и Энгельса против «пар-

тий революционной элиты», против партии как сознательного и организованного авангарда класса в целом[22]. Чтобы поддержать тезис о мнимой идентичности партии и класса в понимании Маркса, Вольф цитирует также в качестве «доказательства» одно место из «Коммунистического манифеста», где говорится, что «коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям», и у них «нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом»[23]. Но идущее непосредственно затем положение «Манифеста», в котором партия коммунистов характеризуется как партия, имеющая «перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения», т. е. положение, где недвусмысленно подчеркнут характер коммунистической партии как сознательного авангарда, Вольф замалчивает, как замалчивает он и тот факт, что в эпоху I Интернационала главной целью Маркса и Энгельса было создание национальных рабочих партий.

Приводимые и ложно интерпретируемые Вольфом цитаты доказывают только то, что Маркс и Энгельс всегда выступали также против сектантских тенденций и связанной с этим опасности отрыва партии от класса, а отнюдь не то, что они считали излишней особую партию как организацию наиболее сознательной и политически активной части рабочего класса. Это было ясно подтверждено, кроме всего прочего, изменениями, произведенными Энгельсом в английском издании «Манифеста» 1888 г., где он заменил слово «особые» словом «сектантские» и тем самым устранил последние сомнения в интерпретации этого места.

После того как Вольф фальсифицировал таким образом взгляды Маркса и Энгельса, для него не представило слишком большого труда сконструировать их противоречие с Лениным, чья «точка зрения в этом вопросе полностью противостоит точке зрения Маркса и Энгельса»[24]. Правда, чтобы придать этому утверждению достоверность, нужно было затем исказить и Ленина. Его диалектическое, принципиально совпадающее со взглядами Маркса и Энгельса учение о партии было так обработано, что Ленин предстал в качестве поборника оторванной от масс элитарной партии, своего рода секты. Фальсификация теории Маркса и Эн-

гельса вновь оказывается здесь средством борьбы против ленинизма и коммунистических партий современности.

Таким же образом были недавно ложно интерпретированы взгляды Маркса и Энгельса на партию священником-иезуитом Густавом А. Веттером, печальной известности которого способствовала в 50-е годы уничтожающая критика марксистско-ленинскими философами его книги «Опровержение диамата». Он также утверждает, что когда Маркс и Энгельс «говорили о политической партии рабочего класса, то их взору представлялась организация, которая охватывала всех рабочих. Искаженные подобным образом взгляды Маркса и Энгельса на партию противопоставляются в качестве демократических и приемлемых Ленину, который «строил партию не как массовую организацию, но как строго дисциплинированный и почти военно-централистский боевой отряд», задумывал ее как «немногочисленную организацию профессиональных революционеров» [25].

Если Веттер и ему подобные пытаются оклеветать коммунистическую партию ленинского типа как диктаторскую, как стоящую над массами и господствующую над ними немногочисленную элитарную группу и противопоставить ей «демократическое» понимание партии Марксом и Энгельсом, то конструирование такого противоречия необходимо им не только для искажения взглядов Маркса и Энгельса на партию, но прежде всего для грубой фальсификации характера современных марксистско-ленинских партий. Коммунистические партии в Советском Союзе и других социалистических странах, во Франции и Италии ни в коей мере не малочисленные элитарные партии; напротив, это массовые партии, насчитывающие миллионы действующих членов. В ГДР, например, к Социалистической единой партии Германии принадлежит каждый шестой гражданин старше 18 лет. И даже марксистско-ленинские партии в капиталистических странах, которые подвергаются грубым гонениям или вынуждены находиться на нелегальном положении, тоже борются за укрепление своих связей с массами.

Для того чтобы составить правильное представление о партийной концепции Маркса и Энгельса, необходимо рассматривать их взгляды на пролетарскую

партию в развитии, т. е. в постоянной связи с конкретно-историческими формами существования партии, какими они были фактически в отдельные периоды развития рабочего движения. Маркс и Энгельс не предлагали раз и навсегда изготовленного рецепта создания пролетарских партий, а формулировали свои представления о классовой организации пролетариата, исходя из достигнутого рабочим движением и его классовой организацией уровня развития. Хотя их учение о партии сложилось в основных чертах с основанием Союза коммунистов и разработкой «Коммунистического манифеста», в последующие десятилетия все же постоянно продолжалось его дальнейшее развитие и испытание практикой [26].

Те, кто подобным способом искажает учение Маркса и Энгельса о партии, пользуются тем обстоятельством, что основатели научного коммунизма иногда употребляли понятие «партия» в двояком значении: в узком смысле слова, когда говорили о «коммунистической партии», и в широком его смысле, когда под «пролетарской партией» подразумевали совокупность классовых организаций пролетариата, включая политически активные профсоюзы [27]. Понятие «пролетарская партия», следовательно, шире для Маркса и Энгельса, чем «коммунистическая партия», и не идентично ему. В период революции 1848—1849 гг., в 50-е годы и в эпоху I Интернационала понятием «пролетарская партия» они охватывали все организованное рабочее движение, которое ставило перед собой политические цели. Это время от времени встречавшееся у Маркса и Энгельса употребление понятия «партия» абсолютизируется буржуазными интерпретаторами Маркса; второе же, узкое применение понятия «партия», напротив, умышленно замалчивается.

Однако в действительности Маркс и Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии» изложили, чем отличаются коммунисты «от остальных пролетарских партий», а именно тем, что они «на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед... частью рабочих партий всех стран...» [28]. Тем самым впервые в истории марксизма был определен характер коммунистической партии как революционного авангарда рабочего класса, который способен руководить классом, потому что имеет «в тео-

ретическом отношении... перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»[29]. Именно такую партию основали Маркс и Энгельс в 1847 г. и написали для нее программу, которую, видимо, не без оснований назвали «Манифестом *Коммунистической партии* (курсив наш.— *Авт.*)».

С другой стороны, особая организация Союза коммунистов была для Маркса и Энгельса «лишь эпизодом в истории партии»[30], которую они уже в 1852 г. больше не считали своевременной. Историческую задачу этого периода рабочего движения — политическое, организационное и идеологическое отделение прогрессивных рабочих от буржуазии — они решали затем с помощью Международного Товарищества Рабочих, деятельность которого была направлена на создание национальных рабочих партий и их международное сплочение. Повсюду очень важно, писал Энгельс, «бороться с влиянием и деятельностью старых политических партий... Опыт показал повсюду, что лучшим средством освободить рабочих от этого господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий, так как должна выражать условия освобождения рабочего класса»[31].

Под влиянием практически-политической и теоретической деятельности Маркса и Энгельса и руководимого ими I Интернационала во всех важнейших капиталистических странах возникли пролетарские партии. В 1869 г. в Германии была основана Социал-демократическая рабочая партия, опиравшаяся непосредственно на опыт Союза коммунистов[32] и заложившая фундамент такой национальной массовой пролетарской партии, которая была типичной для периода до конца столетия и стала образцом для международного рабочего движения. Это означало громадный успех марксизма, победу взглядов Маркса и Энгельса на партию.

Парижская Коммуна, открывшая новый период рабочего движения, дала Марксу и Энгельсу непосредственный повод для дальнейшего развития их концепции партии. Больше чем когда-либо, в центре их размышлений оказались теперь вопросы завоевания политической власти и диктатуры пролетариата, равно как

и встающие при этом перед партией задачи. Это получило отчетливое выражение в документах Интернационала и в высказываниях Маркса и Энгельса непосредственно после поражения Коммуны, а также в «Критике Готской программы» и «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»[33].

В своей речи на Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих 21 сентября 1871 г. Энгельс убедительно подчеркнул необходимость политической борьбы. «Воздержание от политики совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата.

Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата... Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это — рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика»[34]. Тем самым были четко обрисованы задачи партии: вовлечь рабочий класс в политические действия, сделать его способным к завоеванию политической власти и вслед за этим к ее использованию, чтобы он мог защитить завоевания революции и построить в конечном итоге бесклассовое общество.

В свете таких исторических факторов выявляется принципиальное совпадение взглядов Маркса, Энгельса и Ленина в этом вопросе, а утверждение, будто бы концепция Маркса и Энгельса о партии состояла в «идентичности класса и партии», оказывается неуклюжей ложью, авторы которой спекулируют на неосведомленности читателей.

В направлении такого же конструирования противоречия между «подлинным марксизмом» и ленинизмом ориентируются и утверждения различных фальсификаторов теории Маркса и Энгельса, вроде Ульриха Хауфшильда, Бертрама Д. Вольфа, Герберта Маркузе

и других, о том, что якобы, по Марксу, рабочий класс под давлением капиталистических отношений стихийно приходит к революционному классовому сознанию [35]; Маркс-де стремился к созданию партии *пролетариата,* в то время как Ленин создал партию *для* пролетариата, «элитарную партию деклассированных революционных интеллектуалов» [36], которая манипулирует классом, находясь вне его. Эти обвинения против Ленина сочетаются с лицемерной симпатией к обработанному таким способом Марксу. Таким путем «марксологи» стремятся разрушить единство марксистско-ленинского мировоззрения как теоретической основы коммунистических партий. Одновременно тем самым Марксу и Энгельсу приписывают механистичный исторический детерминизм, согласно которому партия как сознательный и активный элемент осуществления исторической миссии пролетариата оказывается излишней.

В компании аргументирующих подобным образом профессиональных антикоммунистов, буржуазных «исследователей» Маркса и правых ревизионистов, выступающих «с Марксом» против ленинской теории партии, не обошлось и без «левых» ревизионистов. Одной из главных целей исключенной в 1969 г. из Итальянской коммунистической партии раскольнической группы, концентрировавшейся вокруг журнала «Il Manifesto», является «критика ленинской кадровой партии» [37]. Росана Росанда обвиняет Ленина в «радикальной ревизии соотношения класса и партии» у Маркса [38], «идеалистический характер» которой не вызывает сомнений [39]. Чтобы поддержать анархистские позиции поклонников стихийности, она утверждает, что «у Маркса нет никакой теории партии» [40]. Маркс, дескать, был «убежден в том, что пролетариат не нуждается ни в какой специфической и автономной форме организации и выражения» [41].

Едва ли все же Маркс и Энгельс выступали бы за создание и укрепление политических партий рабочего класса и со всей последовательностью боролись со всякого рода разновидностями мелкобуржуазной идеологии в рабочем движении, если бы они верили в такое стихийное сплочение рабочего класса.

В отдельных конкретных случаях часто с трудом удается определить, идет ли речь в этих «интерпретациях» Маркса о сознательных искажениях, или они

свидетельствуют лишь о неспособности постичь диалектику, с одной стороны, закономерности победы социализма, а с другой — неизбежной сознательной классовой борьбы пролетариата под руководством своей партии за осуществление этой закономерности.

Буржуазные идеологи вообще разрывают это диалектическое взаимоотношение и противопоставляют обе его стороны как несовместимые. Искажая учение Маркса и Энгельса, они, с одной стороны, приписывают им ложно понимаемый как автоматизм исторический детерминизм, который ведет-де к слепой и пассивной вере в прогресс, к упованию на неизбежность краха капитализма и, следовательно, делает излишней партию как сознательный передовой отряд, а с другой стороны, они клеймят Ленина как волюнтариста, который якобы вопреки марксову историческому детерминизму сознательно вызвал революцию в отсталой стране и для этого создал партию как инструмент такого произвольного сознательного переворота.

Однако имеются также попытки домыслить это «противоречие» уже во взглядах Маркса. Так поступает австрийский идеолог социал-реформизма Норберт Лезер, когда говорит о «внутреннем противоречии» между революционаризмом и историческим детерминизмом в работах Маркса [42]. В дальнейшем развитии марксизма «усиленное подчеркивание развития по естественным законам» привело якобы «к отказу от революционного устремления, сосредоточение же на субъективном факторе — к забвению марксовых законов». «Распад еще примиренных у Маркса элементов в самой марксовой системе предстал, однако, уже как возможность и непреодолимая мыслительная трудность» [43],— утверждает Лезер, демонстрируя тем самым лишь то, какие громадные трудности доставляет ему диалектическое мышление.

Вот такого рода конструированием противоречий у Маркса, а также между ним, Энгельсом и Лениным подготовляется почва для утверждения о многозначности марксизма, для отстаивания тезиса о различных марксизмах, для требования мировоззренческого плюрализма, о чем пойдет речь в следующем разделе.

Диалектику стихийности и сознательности, стихийного возникновения простейшего пролетарского классового сознания и необходимости сознательного прив-

несения партией научного пролетарского мировоззрения в рабочий класс Маркс и Энгельс разрабатывали в различных произведениях и оставили основополагающие мысли по этой проблематике. Они указывали, что пролетариат не может стихийно и автоматически, под давлением капиталистических отношений подойти к научному познанию общественных закономерностей, особенно закономерностей перехода от капитализма к коммунизму, но что сознательный передовой отряд класса должен привить массам это понимание, чтобы они оказались способны к сознательным революционным действиям. Соответствующие высказывания в различные периоды и в самых разных произведениях не оставляют никакого сомнения в том, что Маркс и Энгельс не верили в стихийное возникновение научного пролетарского классового сознания.

Уже в 1843 г. Маркс говорил о необходимости соединения научного мировоззрения с рабочим классом как предпосылке освобождения от всякого рода угнетения: «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие... *Голова* этой эмансипации — *философия,* ее *сердце — пролетариат»* [44].

В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс затем недвусмысленно пояснили, кто должен осуществить это соединение научного коммунизма и рабочего класса, кто как бы олицетворяет такое соединение,— это коммунистическая партия.

Большую часть своей жизни и энергии Маркс отдал созданию своего главного труда — «Капитала», в котором он раскрыл тайну капиталистической эксплуатации, вскрыл сущность и закономерности капиталистического способа производства. Ибо он знал, что простой рабочий не в силах стихийно разглядеть за часто обманчивой внешностью сущность сложных общественных явлений. Типичным примером того, как внешняя видимость может стать на пути осознания сущности, является исследованная в третьем томе «Капитала» «триединая формула», по которой кажется неизбежным, что капитал порождает процент, земля — земельную ренту, а труд — заработную плату [45].

Наконец, тем, кто приписывает Марксу и Энгельсу взгляд о стихийном возникновении пролетарского

классового сознания, противостоит требование Фридриха Энгельса к вождям революционного рабочего движения, выдвинутое еще в 1874 г., «все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов»[46].

Таким образом, мы не находим у Маркса и Энгельса никаких следов «слепой веры в прогресс» и упования на автоматизм общественного развития, который без содействия человека привел бы к краху капитализма и, вследствие этого, сделал бы излишней партию. Напротив, всегда и постоянно призывали они работать над тем, чтобы внести в рабочий класс научное классовое сознание и путем организации революционной борьбы под руководством партии сделать его способным к осуществлению своей исторической миссии.

Заслуга Ленина состояла в том, что он обстоятельно и глубоко разработал проблему соотношения сознательности и стихийности, особенно в книге «Что делать?»[47], выделив роль партии в эпоху империализма и пролетарской революции, причем именно в борьбе с оппортунистами, которые уже в то время пытались доводами, сходными с аргументацией нынешних «маркскологов», доказать ненужность партии.

Обратимся теперь к идеологам социал-демократизма. Несмотря на то что после принятия Годесбергской программы*, а то и раньше, они отреклись от революционных идей Маркса и Энгельса и объявили себя, как писал Эйхлер, «идеологически независимыми»[48], время от времени они еще ссылаются на Маркса и Энгельса.

Так, к примеру, Вальдемар фон Кнорринген пытается, ссылаясь на Маркса, оправдать отказ социал-де-

* Речь идет о чрезвычайном съезде СДПГ в Бад-Годесберге в ноябре 1959 г., принявшем новую партийную программу, в которой не упоминаются имена Маркса и Энгельса и достижение социализма не ставится целью рабочего движения.— *Прим. перев.*

мократического руководства от пролетарской классовой точки зрения и заявляет, что партия «в общеисторическом смысле» остается якобы партией «социализма от Маркса и Энгельса через Бебеля, Фольмара, Адлера, Маттеотти до представителей подпольного движения при фашизме» [49].

Вилли Брандт также очень хотел бы сделать Энгельса родоначальником основанной на «социальном партнерстве» «работодателей» и «наемных рабочих» политики социал-демократической партии, когда в связи со 150-летием со дня рождения назвал его «великим пионером социальной демократии» [50]. Пользуясь этим случаем, Брандт заявил также, что главная проблема для Маркса состояла не в пробуждении способности рабочего класса к осуществлению его исторической миссии — свержению капитализма и построению социалистического общества под руководством своей революционной партии, а в «отчуждении» человека от его человеческого бытия [51]. Теперь нас совсем уже не удивит то, что тот же оратор в юбилей Энгельса со всей серьезностью утверждал, будто бы для Маркса и Энгельса «борьба рабочих за свои насущные потребности... являлась в первую очередь не классовой борьбой, а формой борьбы за освобождение человека вообще» [52].

С помощью такого рода искажений Маркса идеологи социал-демократизма хотят представить революционную классовую партию анахроничной и вредной для современного развития, обосновывая одновременно необходимость и право на существование некой «народной партии». Дискуссия о «народной партии», достигшая высшей точки в ходе борьбы за принятие Годесбергской программы, вспыхнула в СДПГ с новой силой после прихода ее руководства к власти. Тот факт, что подавляющее большинство избирателей, голосовавших за СДПГ, относилось к рабочему классу и рабочие надеялись, что возглавляемое социал-демократами правительство будет представлять прежде всего интересы рабочего класса, на деле оказался в противоречии с политикой этого правительства, которое отождествляет себя с империалистической системой и ее основами и защищает их. Это противоречие и должно быть завуалировано фразой о «народной партии», которая ориентируется на мнимую классовую

индифферентность и демократические представления.

В этом смысле Вилли Брандт и определил СДПГ как «современную народную партию», «которая сохраняет прочные позиции в широких слоях наемных работников, но вместе с тем выглядит как единое целое, ответственна за все и открыта для всех» [53].

Итак, партия, «открытая для всех», и политика «для всех», никакой классовой политики, но в какой-то степени что-нибудь для каждого; распространение иллюзии, будто выборы и голоса избирателей являются предпосылкой для изменения общества,— таков для нынешнего руководства СДПГ путь, «который сочетает мечты о лучшем обществе с победой на выборах» [54].

Ясно, что такая партийная политика абсолютно ничего общего не имеет с представлениями Маркса и Энгельса, первым требованием которых всегда было, что «пролетарский классовый характер партии... не ставится под вопрос. Это для меня непременное условие,— писал Энгельс.— Вы найдете изложение этой политики уже в 1847 г. в «Коммунистическом манифесте», мы проводили ее в 1848 г., в Интернационале, повсюду» [55].

Прямо по меркам идеологической диверсии скроена рядящаяся в одежды объективности работа сотрудника Западногерманского института восточных и международных исследований Клауса Вестена «Руководящая роль коммунистической партии в социалистическом государстве» [56]. Здесь совершенно недвусмысленно речь идет о ликвидации руководящей роли партии в период строительства социализма и коммунизма, причем — как это ни странно — под прикрытием имен Маркса и Энгельса!

Вестен пытается доказать, что Маркс и Энгельс считали необходимой руководящую роль партии по отношению к пролетариату только в период до завоевания им власти, но что у них «в размышлениях о переходном периоде как диктатуре пролетариата нет и речи о партии, о том, что в этот период она должна играть ведущую роль» [57].

Единственный же «аргумент», поддерживающий тезис Вестена о том, будто бы с помощью Маркса и Энгельса не удастся обосновать руководящую роль

партии в переходный от капитализма к коммунизму период, состоит в утверждении, что у обоих классиков нет прямых высказываний по этому вопросу. Но даже если бы это действительно было так, подобный «аргумент», разумеется, ни в коей мере не придает убедительности утверждению Вестена.

Из «Коммунистического манифеста» и других произведений Маркса и Энгельса — как мы уже смогли показать — ясно вытекает, что они считали партию частью класса, причем наиболее сознательной и организованной частью, которая в силу этого должна поднять весь рабочий класс на осуществление его исторической миссии и повести его на борьбу. Почему же это соотношение между партией и классом должно измениться после завоевания пролетариатом политической власти? Если бы даже Маркс и Энгельс и ничего не говорили о соотношении партии и класса в период диктатуры пролетариата, то это могло свидетельствовать лишь о том, что такое соотношение, по их мнению, *не* меняется в сравнении с периодом до завоевания политической власти. Но они говорили. В год поражения Парижской коммуны Маркс и Энгельс пришли к выводу, что «организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — *уничтожение классов...»* [58].

Из совокупности сочинений Маркса и Энгельса ясно вытекает, что под исторической миссией рабочего класса они понимали освободительную борьбу пролетариата не только до завоевания им политической власти, но и вплоть до построения бесклассового коммунистического общества. И к осуществлению этой исторической задачи рабочий класс ведет партия.

Требования к сознательным, основанным на понимании общественных законов действиям рабочего класса значительно возрастают после перехода власти в его руки. Ведь теперь, как указывали Маркс и Энгельс, необходимо сознательно преобразовать все общественное развитие по единому плану. «Тем самым,— подчеркивал Энгельс,— человек теперь — в известном смысле окончательно — выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господ-

ствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество...

Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самое природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения»[59].

Элементы стихийности, т. е. общественных действий, которые основаны не на понимании и использовании общественных законов, должны, следовательно, все больше оттесняться на задний план. Но это может произойти лишь в том случае, если партия будет все шире осуществлять свою руководящую роль, если она вооружит рабочий класс и всех остальных трудящихся научным мировоззрением, подготовит их к сознательным действиям и все лучше будет руководить сложным процессом социалистического преобразования во всех сферах жизни общества. Поэтому требования к субъективному фактору и, значит, к руководящей роли партии закономерно возрастают.

Когда же «эксперты» коммунизма, вроде Вестена, прибегают к нападкам на руководящую роль партии в период социализма, то их лицемерные заботы о защите «первоначального марксизма» в действительности направляются против социалистического общественного строя вообще и являются составной частью идеологической подготовки контрреволюции.

Теория о руководящей роли партии в период социалистического строительства, утверждает далее Вестен, обоснована лишь Лениным, и притом применительно к особым условиям в России: поскольку пролетариат там был немногочислен и недостаточно сознателен, он нуждался в руководстве партией профессиональных революционеров. Руководящая роль коммунистической партии при социалистическом строе есть, таким образом, «аксиома ленинизма, а не первоначального марксизма», она «скроена для специфически русских

отношений» и для этих отношений совершенно логична. Обобщение же и перенос этой аксиомы на другие социалистические страны Вестен отрицает и клеймит как «догматизацию марксизма»[60].

Здесь снова отчетливо обнаруживается основная направленность фальсификаций учения Маркса и Энгельса: борьба против всеобщей применимости ленинизма. В этом плане они готовы признать ленинизм — в данном случае руководящую роль партии в социалистическом преобразовании — пригодным для России. И даже слова «диктатура пролетариата» не действуют больше на антикоммунистов такого сорта, подобно красной тряпке на быка. Диктатура пролетариата — пожалуйста, но без партии! Ведь так будет еще лучше! Вестен идет еще дальше в своих «уступках» марксизму: при определенных условиях он готов признать даже партию. А именно тогда, когда она «при одновременной реформе системы диктатуры пролетариата... (как это пытались сделать в чехословацком реформистском движении) выльется в организацию, идентичную с трудящимися, в марксовом понимании (а не представляющую авангард рабочего класса)». «В этом случае сохранение руководящей роли партии... было бы возможно»[61]. Здесь снова Марксу, между прочим, приписывается представление об идентичности партии и трудящихся, чтобы можно было затем развивать наступление против руководящей роли партии как вооруженного научным мировоззрением наиболее сознательного и организованного передового отряда рабочего класса.

Вестен предлагает здесь — почти откровенно — такой же рецепт, какой уже практиковался в период ползучей контрреволюции в ЧССР перед 21 августа 1968 г.: ослабление марксистско-ленинской партии и подрыв ее руководящей роли. Всех «реформистов-коммунистов», которые должны следовать этому рецепту, Вестен при этом лицемерно утешает тем, что социалистический строй, который отказался бы от руководящей роли партии, мог бы быть обвинен «в крайнем случае в предательстве марксизма-ленинизма... но не в предательстве марксизма»[62]. Вестен, правда, теряет маску мнимой объективности и разоблачает свой воинствующий антикоммунизм, когда пытается оклеветать социалистическую демократию в Советском

Союзе и других социалистических странах как «абсолютное господство всемогущей бюрократии», как «систему реакционного административного социализма» и «партийного господства». Кажется прямо-таки гротескным, когда такой профессиональный антикоммунист, как Вестен, призывает социалистические страны вступить на «путь, ведущий назад к Марксу». Но это вскрывает и дилемму империалистической идеологии, которая не в состоянии предложить социалистической системе никакой достойной альтернативы и противопоставить ей свои собственные идеалы и поэтому пытается с помощью улучшенного, «открытого» или «демократического социализма» и ссылок на предварительно фальсифицированного Маркса приобрести влияние среди масс и даже среди коммунистов.

В тесной связи с искажением взглядов Маркса и Энгельса на партию, в соответствии с чем партия понимается лишь «в общеисторическом смысле», иначе говоря, партия и класс идентичны, находится утверждение, будто Маркс и Энгельс выступали против крепкой организации и дисциплины в партии, будто бы под партией они понимали вовсе не сплоченную организацию, а всего лишь определяемое политико-идеологически свободное политическое направление или течение.

В этом плане империалистический историк Ганс Моммзен заявляет, например, что представление Маркса о партии соответствует «понятию партии у немецкого буржуазного радикализма, который под «партией движения» понимает не особую политическую организацию, а эпохальную, осуществляющую себя и вследствие этого самовосходящую тенденцию». Маркс якобы поэтому постоянно заботился только о защите от идеологических искажений, «в то время как тогдашняя конкретная организация пролетарского движения была для него неважна» [63].

Столь же грубо искажает марксово понимание партии близко стоящий к социал-демократии израильский историк Шломо Нааман в работе об истории Союза коммунистов в период с 1847 до 1852 г., утверждая, что Союз коммунистов вообще не был партией в марксовом понимании, так как наряду с Союзом Маркс создал в лице «Новой Рейнской газеты» партию, соответствовавшую его представлениям [64]. Изобретенная Нааманом «Партия Новой Рейнской газеты», которая

была якобы создана Марксом наряду или даже в противовес Союзу коммунистов, не имела никакой конкретной организации, состояла «из людей, находившихся в личном распоряжении Маркса», вернее, «едва ли можно ответить на вопрос, кто же собственно действительно принадлежал к «партии»»[65]. Во всяком случае, она была якобы исключительно «демократической партией действия», вследствие чего «Союз коммунистов как рабочая партия был «распущен»».

Разве не удивительно, что Маркс, для которого, по представлениям таких «экспертов», не имела значения конкретная организация, принимал участие в составлении Устава Союза коммунистов; что он вместе с Энгельсом написал программу Союза и после поражения революции 1848—1849 гг. и с целью реорганизации Союза подготовил «Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Март 1850», в котором обосновал необходимость «наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов»[66], что уставы Международного Товарищества Рабочих вышли из-под его пера?

Когда Маркса и Энгельса выдают за представителей демократической традиции в западноевропейском рабочем движении, которой-де следуют социал-демократические партии, в то время как Ленин якобы олицетворяет централистскую, диктаторскую линию, которой, мол, следуют коммунистические партии, то тут снова отчетливо выявляется лейтмотив фальсификации учения Маркса — Энгельса — атака на ленинизм и коммунистическую партию.

Чтобы осуществить это противопоставление Маркса и Энгельса, с одной стороны, и Ленина — с другой, снова и снова вырываются из исторического контекста и метафизически абсолютизируются определенные высказывания, главным образом сделанные Энгельсом в последние годы его жизни. Таким образом конструируется мимоходом еще одно противоречие — между Марксом и Энгельсом. Так, Ульрих Хауфшильд утверждает, что «партийная концепция позднего Энгельса едва ли имеет еще что-нибудь общее с марксовой». Партия «не является больше централистски построенной, автократически опекаемой одним комитетом, изго-

няющей всех «еретиков», конспиративно действующей боевой группой революционной эры. «Партия» у позднего Энгельса является демократической массовой организацией» [67]. «Энгельс отказался от комитета-самодержца и отдал предпочтение внутрипартийной демократии и свободному стилю руководства. Он сделал этот решающий шаг к рабочей партии современного типа после смерти Маркса» [68].

Здесь с полным пренебрежением к диалектике централизма и демократизма во взглядах Маркса и Энгельса на партию и к тому факту, что в соответствии с конкретно-историческими условиями тот или иной их элемент по необходимости выходит на первый план, что не ведет к исчезновению при этом другого элемента, абсолютизируется постоянно только одна сторона различных этапов, с тем чтобы можно было создать мнимое противоречие между Марксом и Энгельсом или между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой.

В действительности же Фридрих Энгельс в письме Герсону Триру от 18 декабря 1889 г., которое часто цитируется в качестве «доказательства» ревизии Энгельсом взглядов Маркса на партию, указывал на зависимость организационной структуры партии от исторической ситуации и стоящих перед нею задач. Организация партии в относительно мирный период, когда на повестке дня стоит не непосредственная подготовка революции, а прежде всего формирование пролетариата в класс, развитие его классового сознания, должна быть иной, чем в революционный период — период непосредственного нанесения удара. Для Энгельса чартисты, например, были «партией, организованной для непосредственной атаки, как показывает уже само название, поэтому они подчинялись диктатуре, и исключение (из партии.— *Ред.*) являлось военным мероприятием» [69].

Когда высказанное Энгельсом в той же связи в отношении «мирного периода» мнение, что «жизни и росту каждой партии обычно сопутствует то, что в ее недрах развиваются и борются друг с другом умеренное и крайнее направления» [70], абсолютизируется и излагается так, будто для Энгельса партия была «демократической массовой организацией» без единой программы и единой дисциплины, то это очевидная

ложь. Ибо пролетарский классовый характер партии был для Энгельса «непременным условием» [71]. Когда его нарушали, он, как и Маркс, выступал за соответствующие организационные выводы, вплоть до исключения из партии. Совершенно недвусмысленно оба они высказали это в своем знаменитом циркулярном письме: люди, которые «слишком напичканы буржуазными и мелкобуржуазными представлениями», которые «способствуют, примиряют, филантропствуют» и с помощью «всякого рода мелочей и штопок» стремятся улучшить капиталистический общественный порядок, имели бы разве лишь историческое оправдание. «...Но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право... Но в рабочей партии они чуждый элемент. Если есть основания пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними — лишь вопрос времени» [72].

Это свидетельствует о том, что организацию и дисциплину Маркс и Энгельс представляли не как второстепенные, а как необходимые факторы для того, чтобы обеспечить единство мысли и действий пролетарской партии, ибо только так она могла выполнить свою задачу как сознательная и организованная часть рабочего класса, как передовой отряд, который ведет класс к захвату политической власти и построению социалистического общества.

Распространенному методу противопоставления Маркса и Энгельса как поборников демократического понимания партии якобы диктаторским взглядам Ленина противостоит мнимо антидиктаторский тезис.

Некоторые фальсификаторы Маркса, искажая его партийную концепцию, приписывают основателю научного социализма низменные личные мотивы: будто бы Маркс диктаторски использовал партию как средство борьбы за личную власть против своих «политических соперников», к которым он-де питал ненависть, зависть и недоброжелательство. Этот метод клеветы на Маркса встречается у Наамана, а также у Иринга Фетчера [73], а у Ульриха Хауфшильда он откровенно стал основной концепцией его диссертации [74].

Наконец, Арнольд Кюнцли и другие «психографы»

Маркса выводят мнимую жажду власти и стремление к разрушению из каких-то комплексов, которые будто бы дремали в подсознании раздираемой души Маркса, и полагают, что тем самым нашли ключ к пониманию марксизма [75]. А работы Эрнста Топича представляют собой доказательство того, что наряду с примитивной клеветой на Маркса продолжают существовать рафинированные мнимо марксистские варианты фальсификации учения Маркса и Энгельса. Он утверждает, будто бы «исторические и общественные взгляды Маркса с самого начала... развивались как преображение и оправдание его собственных мессианских притязаний на власть и господство», будто бы он «ставил историю в качестве судьи, а пролетариат в качестве палача на службу своим собственным безмерным устремлениям к власти и разрушению» [76].

В этой связи должна еще быть упомянута сознательная попытка ввести в заблуждение читателей теми империалистическими и правосоциал-демократическими историками, которые утверждают, что Маркс и Энгельс выступали не за внутрипартийную демократию, а за авторитарный централизм в партии. В эту сторону направлено, к примеру, противоречащее всем историческим фактам утверждение Хауфшильда, будто Маркс и Энгельс считали «учение Лассаля о партии в сущности правильным» [77], будто они «были полностью согласны по существу со взглядами на партию Лассаля и Швейцера», в то время как к партии Бебеля и Либкнехта они «едва ли проявляли интерес» [78].

Нааман также отождествляет марксово и лассальянское понимание партии, когда приравнивает построенный на основе принципов демократического централизма Союз коммунистов к сектантской организации лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Вместе с тем он упрекает Лассаля в том, что тот исходил из старого демократического понимания Союза коммунистов и «пренебрег демократическими и испытанными формами организации «Рабочего братства»» *, «общественно-преобразующей силы» которого

* Имеется в виду созданное в 1848 г. Стефаном Борном «Рабочее братство» — организация, состоявшая главным образом из ремесленников и рабочих и ставившая своей целью создание производственных рабочих ассоциаций, с тем чтобы в конкурентной борьбе победить частнокапиталистические предприятия и мирно преобразовать капитализм.— *Прим. перев.*

недоставало Всеобщему германскому рабочему союзу [79].

Достаточно хорошо известно, что Маркс и Энгельс никогда не противопоставляли централизм и демократизм, что для них оба эти принципа организации пролетарской партии составляли диалектическое единство, нашедшее свое выражение уже в Уставе Союза коммунистов. Поэтому они осуждали сектантский характер Всеобщего германского рабочего союза и господствовавший в нем культ личности Лассаля и Швейцера и были полностью согласны с организационными формами эйзенахской партии. Не в последнюю очередь потому, что устав организации основывался по своей сути на принципах демократического централизма, Маркс и Энгельс неоднократно называли эйзенахскую партию «нашей партией» [80].

Эти организационные принципы были сохранены и при объединении партии с Всеобщим германским рабочим союзом в 1875 г., и Маркс и Энгельс с похвалой отзывались о хорошей организации немецкой социал-демократии, особенно во время действия исключительного закона против социалистов. Однако при самых различных обстоятельствах, особенно в критике проекта Готской программы и в циркулярном письме 1879 г., они снова и снова подчеркивали пролетарский характер партии, сердцевину их учения о партии, и защищали его от попыток мелкобуржуазного опошления.

Рассмотренные здесь варианты искажений взглядов Маркса и Энгельса на партию помогают идеологам различных фракций сегодняшнего антикоммунизма предпринимать различающиеся по своим оттенкам атаки против современных марксистско-ленинских партий и оправдывать свою собственную, построенную на интеграции рабочего класса в государственно-монополистическую систему, оппортунистическую, ревизионистскую или же анархистскую политику. При этом фальсификации учения Маркса и Энгельса играют различную роль.

Идеологи социал-демократизма пытаются доказать, что сегодня речь уже не идет — или больше не идет — о рабочей партии, а только о народной партии, поскольку рабочий класс находится в процессе исчезновения.

Маркузе, как представитель мелкобуржуазно-оппозиционной общественной критики и опирающихся на него студенческих левых, полагает, что руководство рабочим классом должна осуществлять не партия, а критически мыслящая интеллигенция. Нынешние ревизионисты переняли в основном ту же аргументацию и также хотели бы заменить партию «свободно парящей интеллигенцией». Ей теперь приписывается роль силы, которая должна пробудить якобы интегрированный и коррумпированный рабочий класс к революционным действиям, привнести в него классовое сознание.

Все они клевещут на коммунистическую партию как на «бюрократизированный аппарат», якобы противостоящий рабочему классу. Когда анархисты и представители «критической теории» выступают против подчинения партийной дисциплине и усматривают в ней ограничение свободы личности, когда ревизионисты ломают копья за «критических» или «свободно парящих» интеллектуалов, они обнаруживают тем самым общую в основном для всех них мелкобуржуазную идеологию. Социальные корни этих теорий лежат в раздвоенности и индивидуализме мелкого буржуа, следствием которых является его страх перед партийной дисциплиной, перед организацией вообще. Сегодня это так же верно, как и на рубеже нашего столетия, когда Ленин следующими словами охарактеризовал образ мышления буржуазного интеллектуала: «Дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования... Партийная организация кажется ему чудовищной «фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением»... разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические вопли против превращения людей в «колесики и винтики»... упоминание об организационном уставе партии вызывает презрительную гримасу и пренебрежительное... замечание, что можно бы и вовсе без устава» [81].

2. ЕДИНСТВО И ЦЕЛЬНОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ПАРТИИ И БУРЖУАЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Марксистско-ленинская партия олицетворяет единство научного мировоззрения и революционного рабочего движения. Политико-идеологическое единство и сплоченность партии на мировоззренческой основе марксизма-ленинизма — решающее условие осуществления исторической миссии рабочего класса. Неудивительно поэтому, что различные представители буржуазной идеологии снова и снова — а сегодня во все возрастающей степени — ведут атаки против этого единства, что они пытаются отделить друг от друга революционную партию и марксистско-ленинское мировоззрение и противопоставить их друг другу, с тем чтобы подорвать сплоченность мирового коммунистического движения.

Происходит это в основном двояким образом.

С одной стороны, отрицается соединение марксизма и рабочего движения в истории. При этом буржуазные историки стараются умалить роль Маркса и Энгельса в немецком и международном рабочем движении минувшего столетия, представить их одними из многих социалистических мыслителей, которые никогда не оказывали решающего влияния на социал-демократическую партию. И если даже временами марксизм находил место в ее программах, то все же в практически-политической борьбе социал-демократическая партия никогда не руководствовалась мировоззренческими принципами марксизма. На практике, следовательно, марксизм-де вовсе не был идеологической основой рабочего движения и история показала, что рабочий класс не нуждается ни в какой «партии мировоззрения».

С другой стороны, на марксизм переносится буржуазная концепция плюрализма и предпринимаются попытки исторически обосновать мнимое множественное существование марксизма в современности. Едва ли сегодня можно найти хоть одну книгу буржуазных «экспертов марксизма», автор которой не испытывал бы необходимости дать обзор различных «марксизмов». Чтобы придать марксизму видимость множест-

венного существования и тем самым оспорить единство, цельность и международный характер марксизма-ленинизма, различные буржуазные «марксологи» выдают за равноправные варианты марксизма, наряду с ленинизмом, также старый и новый ревизионизм, австромарксизм, троцкизм, маоизм и прочие «левые» и правые уклоны. Эта фикция множественного существования марксизма должна свидетельствовать о том, что партия рабочего класса не имеет никакой единой идеологическо-мировоззренческой основы и даже не нуждается в таковой. Конструированием противоречий между молодым и старым Марксом или между Марксом и Энгельсом пытаются поставить под сомнение единство марксизма уже при жизни его основоположников и ссылками на Маркса и Энгельса обосновать мнимую необходимость мировоззренческого плюрализма.

В 60-х годах историография в ФРГ предприняла большие усилия для того, чтобы исключить Маркса и Энгельса из истории немецкого рабочего движения, и особенно для того, чтобы отрицать значение руководимого ими Союза коммунистов как первой революционной партии пролетариата [82].

Подобного рода фальсификацией революционного происхождения партии германского пролетариата и отношения Маркса и Энгельса к немецкому рабочему движению стремятся вытравить из сознания рабочего класса ФРГ революционные традиции. С помощью «доказательства» якобы нереволюционного, реформистского происхождения германской рабочей партии в прошлом веке хотят исторически оправдать сегодняшнюю политику СДПГ и подтвердить тезис о стремлении рабочего класса к интеграции в систему государственно-монополистического капитализма [83].

С этой целью правосоциал-демократическая историография объявила лассальянский Всеобщий германский рабочий союз первой немецкой рабочей партией, и в 1963 г. было торжественно отмечено 100-летие со дня его основания [84]. Эта точка зрения с тех пор не изменилась. И в 1970 г. Вилли Брандт назвал Всеобщий германский рабочий союз и Объединение немецких рабочих союзов * «первыми немецкими политическими

* Объединение рабочих союзов было создано последователями Лассаля в профсоюзном движении Германии в 1868 г.— *Прим. перев.*

рабочими организациями»[85], а в 1972 г. в речи, посвященной 20-летию со дня смерти Курта Шумахера, он напомнил о «наступающем вскоре 110-летии с того момента, как социал-демократия действует в нашей стране в качестве политической партии»[86].

В 60-е годы реакционные буржуазные историки ФРГ обратились к ранней истории рабочего движения. В противоположность социал-демократической версии Вернер Конце и его последователи ищут начало организованного политического рабочего движения в Германии уже в 30—40-х годах XIX века, чтобы — тоже игнорируя Союз коммунистов — сделать более убедительной легенду о нереволюционном происхождении немецкого рабочего движения[87]. Ставя «Рабочее братство» в центр раннего периода германского рабочего движения и объявляя его вообще началом этого движения, они оттесняют на задний план первую пролетарскую партию и деятельность Маркса и Энгельса, т. е. фактический исходный пункт революционного немецкого рабочего движения. В качестве основного содержания истории рабочего движения эти буржуазные историки рассматривают процесс возрастающей интеграции рабочего класса в буржуазное государство. Совершенно очевидно, что Марксу и Энгельсу нет места в этой концепции, и поэтому их следует замалчивать или соответственно фальсифицировать. Если рассматривать историю через подобные очки, то получится, что Маркс и Энгельс никогда не имели правильного представления о рабочем движении и требованиях его партии, которая возникла без их участия, да и позднее, когда они пытались приобрести в ней влияние, продолжала идти своим собственным путем. Вольфганг Шидер договорился даже до такого издевательства над историческими фактами, как утверждение, будто бы Маркс и Энгельс совершенно не были заинтересованы в создании самостоятельной рабочей партии, поскольку добивались лишь буржуазной революции[88].

Цель и смысл этой социал-демократической и буржуазной исторической стряпни, различающейся только по степени фальсификации, достаточно очевидны: отрицается влияние Маркса и Энгельса на создание и развитие партии германского рабочего класса, а марксизм — если его влияние невозможно отрицать полностью — изображается инородным телом в истории ра-

бочего движения, направлением, которое лишь мешало проведению реформистской линии и осуществлению классового мира. Таким способом пытаются исторически оправдать нынешние хлопоты об интеграции рабочего класса в систему государственно-монополистического капитализма и отказ социал-демократической партии от пролетарской классовой политики.

Характерна для империалистической и правосоциал-демократической историографии по истории немецкого рабочего движения развиваемая Конце концепция «государственной интеграции», в соответствии с которой подлинным содержанием современного рабочего движения является его включение в буржуазное общество [89].

С этой целью, с одной стороны, переоцениваются реформистские тенденции буржуазного и мелкобуржуазного толка в немецком рабочем движении XIX века, с другой — Маркс и Энгельс исключаются из него или же, путем фальсификации их последовательных антикапиталистически-революционных целей в общедемократическое направление, даже втискиваются в концепцию интеграции. Непосредственную составную часть этой концепции представляет собой противоречащее историческим фактам утверждение, будто бы марксизм вряд ли имел какое-нибудь влияние на немецкое рабочее движение и никогда не добивался в нем признания. «Мировоззренческий характер марксова учения в его теоретической чистоте никогда не находил всеобщего одобрения даже у самих марксистов»,— заявляет Вилли Эйхлер [90] и пытается тем самым исторически оправдать провозглашаемую социал-демократическим руководством СДПГ свободу мировоззрения. «Заблуждение, будто бы существует «пролетарское мировоззрение»,— говорит Вилли Брандт,— сбивало с правильного пути и вело к ошибкам» [91]. Для Социал-демократической партии Германии, таким образом, единое мировоззрение начисто отрицается. Политическая партия-де не заменяет религии и не может предписывать никакого мировоззрения [92].

Тезис о раздельном развитии марксистской теории и рабочего движения, впрочем, отнюдь не нов. С ним уже в 20-х годах выступал Карл Корш, чем, кстати, объясняется большой интерес к нему в ФРГ. Новым изданием его сочинений [93] хотят, очевидно, поддержать

как социал-демократизм, так и современный ревизионизм. В 1923 г. в своей книге «Марксизм и философия» Корш высказал точку зрения, «что это так называемое *принятие марксизма в целом* вновь выросшим и усилившимся в изменившихся исторических условиях в последнюю треть XIX века социалистическим движением в действительности никогда не имело места»[94]. Напротив, несомненно, «что эта развивавшаяся в направлении все большего теоретического совершенства *теория* Маркса — Энгельса теперь больше не связана непосредственно с *практикой* современного рабочего движения, но оба процесса — *развитие возникшей в прошлую историческую эпоху старой теории* в новых условиях и *новая практика рабочего движения* — протекают параллельно и относительно самостоятельно»[95]. Да и вообще «абсолютно невозможно», чтобы марксистская теория в силу ее высокого уровня могла быть усвоена рабочим классом. Сегодняшние ревизионисты выводят отсюда заключение, что это может быть достигнуто только «свободно парящей интеллигенцией», а представители социал-демократизма приходят к выводу, что партия должна быть свободна от всякого мировоззрения.

Основная предпосылка буржуазной историографии в отношении истории немецкого движения состоит в том, что соединение марксизма и социал-демократической партии в последней трети XIX века — когда оно не может отрицаться полностью — представляется случайным явлением, обусловленным исключительно политическими ошибками господствующих классов (например, бисмарковским законом против социалистов)[96]. Проникновение марксизма в немецкое рабочее движение в 80-х годах в искаженном представлении буржуазных историков выглядит как временное, исключительное явление, лишь ненадолго прерывающее основную линию — линию интеграции. В качестве же последовательного продолжения и венца «демократически-либеральной составной части немецкого рабочего движения» представляется Годесбергская программа СДПГ, являющаяся, так сказать, программным закреплением интеграции социал-демократического рабочего движения в империалистическую систему.

В этом ключе впервые подробно исследовала проблему слияния марксизма с немецкой социал-демокра-

тией Сюзанна Миллер [97]. Хотя она и признает, что марксизм проник в немецкую социал-демократию, однако утверждает, что между теорией и практикой существует противоречие: даже тогда, когда марксизм временно был господствующей идеологией в германской социал-демократии, этой революционной теории противостояла реформистская практика, политика интеграции в буржуазное общество. Марксизм, таким образом, оказался своего рода препятствием в развитии немецкого рабочего движения. Такая трактовка соотношения марксистской теории и рабочего движения была впоследствии перенесена другими буржуазными историками и в более обширные изложения истории немецкого рабочего движения [98].

Новый этап в исследовании немецкого рабочего движения буржуазной историографией в ФРГ открывает книга Ханса-Йозефа Штейнберга об идеологии социал-демократии до начала первой мировой войны [99], вышедшая в 1967 г. в числе ряда изданий социал-демократического Фридрих-Эберт-центра. Она до сих пор представляет собой одну из наиболее далеко идущих попыток трактовать историю немецкого рабочего движения от 60-х годов XIX века до 1917—1918 гг. в духе буржуазной концепции интеграции как движение, в котором оппортунизм в теории и на практике все больше и больше побеждал «нереалистическую» марксистскую идеологию. Штейнберг, правда, проделал фокус, с помощью которого Маркс и Энгельс оказались втиснутыми в единую конструкцию оппортунизма от Лассаля и Бернштейна до социал-демократизма в ФРГ. Поскольку результаты марксистских исследований проникновения марксизма в революционную немецкую социал-демократию Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта больше уже не обещали успеха практиковавшемуся до сих пор отрицанию решающего влияния марксизма на немецкое рабочее движение, Штейнберг прибегнул к трюку с мнимым признанием «принятия марксизма» немецкой социал-демократией. Сообразно этому марксизм проник в рабочее движение с помощью «Анти-Дюринга» Энгельса. Однако это-де был денатурированный и вульгаризированный «псевдодиалектический монизм», из-за которого диалектика молодого Маркса в значительной мере лишалась своего революционного характера и превращалась в псевдомарксист-

скую дарвинистскую теорию развития[100]. Такого рода искажение буржуазной историографией соотношения марксизма и рабочего движения опиралось в качестве образца на соответствующие конструкции таких фальсификаторов философии Маркса и Энгельса, как Карл Корш, говоривший об «опошлении и обнищании марксистского учения до вульгарного марксизма» в течение всей второй половины XIX века[101], и Иринг Фетчер, обвинявший Энгельса в том, что тот развивал «пролетарское мировоззрение» и тем самым искажал гуманистические намерения «критика Маркса» и его «философию пролетариата»[102]. Проникший в такой форме в немецкое рабочее движение «энгельсовский марксизм» клеветнически объявляется «экономическим детерминизмом», который временно привел немецкую социал-демократию к «фаталистической вере в прогресс», но в конце концов должен был уступить «реалистической» политике интеграции.

Утверждение о якобы принципиальных расхождениях между Марксом и Энгельсом опровергается не только их перепиской, продолжавшейся в течение десятилетий, перепиской, в которой они взаимно информировали друг друга и обменивались мнениями; с того момента, когда в сентябре 1870 г. Энгельс перебрался из Манчестера в Лондон и поселился поблизости от Маркса, они почти ежедневно обсуждали свои проблемы. Абсурдность утверждений, будто Энгельс в «Анти-Дюринге» «опошлил», «вульгаризировал», «денатурировал» учение Маркса и вопреки взглядам Маркса распространил диалектику на природу, становится особенно ясна в свете того факта, что Маркс был знаком с концепцией и рукописью «Анти-Дюринга» и даже сам написал одну главу для этой работы.

Цель всего этого исторического вздора состоит в том, чтобы, с одной стороны, убедить, будто марксизм — даже если он временно возобладал — в конечном счете не играл никакой решающей роли и прежде всего совершенно не представлял конструктивной основы для политики рабочей партии, а с другой — поставить под сомнение цельность марксизма уже в прошлом столетии, еще при жизни Маркса и Энгельса, чтобы таким способом исторически «обосновать» мнимые противоречия между марксистской теорией и политикой, осуществляемой коммунистическими партия-

ми современности и социалистическими странами. Марксистское мировоззрение, революционная теория должны в итоге казаться ложным сознанием, которое только вредит рабочей партии, а уж тем более, разумеется, «социал-демократической народной партии».

Отказ от единого марксистского мировоззрения как теоретической основы партии рабочего класса выливается у представителей как социал-демократизма, так и современного ревизионизма в поддержку мировоззренческого плюрализма.

Нынешние вожди СДПГ вновь и вновь ссылаются на слова, сказанные Куртом Шумахером в 1946 г., в соответствии с которыми совершенно все равно, «исходит ли каждый из нагорной проповеди, или из Канта, или из теорий Маркса, черпает ли он из религии, философии или исторической науки» [103]. Во всяком случае, партия не должна иметь никакого единого мировоззрения. Общей идеологической основой для членов партии, с точки зрения социал-демократизма, должны быть так называемые основные ценности, правовые и нравственные нормы, которые могут основываться на различном мировоззрении. С другой стороны, мировоззренческий плюрализм обосновывается индивидуальностью каждого человека. Тем самым СДПГ должна быть открыта для всех духовных течений. Правда, требование плюрализма мировоззрений имеет одно исключение: марксизм-ленинизм с самого начала заклеймен как «догма», «предмет веры», «партийная идеология», с тем чтобы удерживать от него рабочий класс. Объявление марксизма вне закона при одновременной терпимости ко всевозможным идеалистическим мировоззрениям проявилось уже в Годесбергской программе СДПГ. Маркс и Энгельс не упомянуты в ней ни словом, тогда как христианская этика, абстрактный гуманизм и классическая философия объявлены духовным источником социал-демократии [104]. Как подробно показал Александр Шван [105], социал-демократия ФРГ и сегодня опирается на эти духовные основы «демократического социализма» и в иллюзорной реальности классово нейтральных «основных ценностей» — свободы, справедливости и солидарности — видит альфу и омегу социал-демократической политики.

Однако традиция связывать социализм с другими мировоззрениями, как известно, уходит в прошлое, еще к неокантианскому ревизионизму начала нашего века, который стремился «дополнить» научный социализм кантовской этикой. Представители «этического социализма» рассматриваются как прямые предшественники нынешней социал-демократии. Так, например, Штейнберг проводит непрерывную линию этического социализма в истории немецкого рабочего движения [106].

Интерпретация марксизма как критической теории изучения общества также сводится представителями франкфуртской школы к тому, чтобы оторвать друг от друга диалектический и исторический материализм и отождествить искаженную таким образом марксову общественную теорию с гегельянизированной идеалистической диалектикой истории. С помощью утверждения, будто бы для Маркса диалектика существовала лишь применительно к обществу, а не к природе, пытаются втиснуть части марксова учения в идеалистическую в целом схему и таким образом разрушить единство диалектико-материалистического мировоззрения [107]. Фридриха Энгельса выдают при этом за подлинного основателя диалектического материализма, который-де ничего общего не имеет с первоначальным марксовым гуманизмом.

В такой же манере Густав А. Веттер объявляет Энгельса «прародителем диамата» и «советской философии» и пытается доказать, что взгляды Энгельса на материализм и диалектику были иными, чем взгляды Маркса [108].

Изобретение противоречия между якобы классово нейтральной гуманистической исходной точкой зрения молодого Маркса, с одной стороны, и идущим от Энгельса и развитым далее Лениным марксистско-ленинским мировоззрением, лежащим сегодня в основе политики коммунистических партий, с другой,— это всего лишь одна из подобных конструкций. Некоторые «марксологи» обнаруживают также противоречия даже у самого Маркса или противопоставляют «гуманистического Маркса» «научному Энгельсу», а то и характеризуют Маркса и Энгельса как первых ревизионистов своего собственного учения [109].

Все эти построения направлены против единства и целостности научного мировоззрения рабочего класса,

но в конечном счете прежде всего против ленинизма как марксизма нашей эпохи и против Советского Союза как его первого практического осуществления. Поскольку позитивное отношение к Советскому Союзу продолжает оставаться главным критерием последовательно интернационалистской позиции, самые различные представители буржуазной идеологии снова и снова с помощью рекомендаций плюрализма, многообразия и полицентризма ведут атаки на пролетарский интернационализм и единство мирового коммунистического движения.

Отрицание международного характера марксизма-ленинизма обосновывается буржуазными идеологами не только теоретически. Они не только требуют признания различных вариантов марксизма, но и практикуют изображение марксизма в его якобы множественном существовании [110].

Особенно ревностными поборниками плюрализма в теории выступают представители сегодняшнего ревизионизма. Предраг Враницкий, член редколлегии журнала «Праксис», в своем двенадцатом тезисе «О необходимости многих марксизмов» утверждал, например, «что следует решительно отбросить точку зрения об одной-единственной марксистской философии или единой структуре такой философии и признать необходимость различных вариантов» [111]. Сообразно этой концепции, очевидно, должно быть столько же марксизмов, сколько и ревизионистов. Во всяком случае, Враницкий характеризует таких известных ревизионистов и буржуазных фальсификаторов учения Маркса, как Эрнст Блох, Анри Лефевр, Эрих Фромм, Герберт Маркузе и Лешек Колаковский, в качестве «лучших марксистских умов XX века» — Ленина, кстати, он к ним не причисляет — и в этой связи еще раз подчеркивает, «что нет и не может быть никакой единственно верной марксистской философской концепции» [112].

Эрнст Фишер, охотно позволявший буржуазной прессе прославлять себя в качестве «современного марксиста», в своей книге о Марксе также нападал на единую теоретическую основу политики коммунистических партий, выдвинув четыре варианта марксизма, в числе которых, правда, не оказалось марксизма-ленинизма. Носителями же будущего являются, по его мнению: «а) марксизм как мировоззрение научного мы-

шления... b) марксизм как «философия человека», основным понятием которой является отчуждение; c) марксизм как иерархически расчлененная структура понятия... Речь идет здесь о попытке применить структурализм по отношению к марксистской теории... d) интерпретация марксизма как научной методологии изучения истории и политической инициативы»[113].

В этих словах выражается представление Фишера о классово индифферентном открытом марксизме, из которого исключена сущность марксова учения как теории пролетарской классовой борьбы и теоретической основы политики коммунистических партий. Ликвидируется революционный характер марксизма как руководства к революционному изменению мира. В интерпретации подобных «недогматических марксистов» от марксова учения остается лишь общая методология изучения истории и ни к чему не обязывающей «политической инициативы». Ни в одном из четырех фишеровских вариантов марксизма пролетариат и его марксистско-ленинские партии не выступают в качестве носителя и проводника теории. А это означает отрыв марксизма от партии, от современного мирового коммунистического движения.

Итальянский ревизионист Лючио Ломбардо-Радиче выступает не только за плюрализм в идеологии. Он требует и политического плюрализма в социалистическом обществе и открыто выступает против руководящей роли марксистско-ленинской партии. Указывая на Советский Союз, Ломбардо-Радиче уверяет, что «прогресс первого социалистического государства, имевший место несмотря ни на что», из-за «теории монолитности», под которой имеется в виду идеологическое единство и сплоченность партии и ее руководящая роль, «был весьма затруднен и замедлен»[114]. В качестве альтернативы он рекомендует метод «свободной конфронтации». «И это даже тогда, когда речь идет о негативных, нежизнеспособных воззрениях, тесно связанных с лишенными господства классами или с отмирающим прошлым»[115]. Куда привела в 1968 г. в ЧССР такая политика плюрализма, направленная против руководящей роли партии, хорошо известно — на грань контрреволюции.

Идентичное отрицанию всеобщности марксизма требование различных равноправных его вариантов

равнозначно нападкам на пролетарский интернационализм и в конечном счете нацелено против ленинизма как марксизма нашей эпохи, который объявляется «русским вариантом» марксизма; тем самым отрицается его общеупотребительность, особенно для капиталистических стран Западной Европы.

Против единого марксистского мировоззрения как теоретической основы партии и за свободу мировоззрения недвусмысленно выступил и Роже Гароди: «Если партия не хочет превратиться в секту доктринеров... она не должна иметь никакой «официальной философии», принципиально не должна быть ни идеалистической, ни материалистической, ни религиозной, ни атеистической» [116]. Наконец, он потребовал вообще «глубокого изменения концепции партии, решительного отказа от того, что называют ее «руководящей ролью» в государственно-централистской модели» [117].

Те, кто захотел бы следовать этим рекомендациям, превратили бы боевой союз единомышленников разве лишь в неспособный к действию мелкобуржуазный дискуссионный клуб. И такие люди, как Гароди, еще разыгрывают из себя подлинных наследников Маркса, творческих марксистов! Как будто они не знают, в какое противоречие вступают их взгляды с делом жизни Маркса и Энгельса, которые постоянно боролись с влиянием ненаучных, мелкобуржуазных, идеалистических теорий в рабочем движении и делали все для привнесения научного социализма и его философско-мировоззренческой основы — диалектического и исторического материализма — в рабочий класс и его партию. Само собой разумеется, что людям, отрицающим марксизм в качестве теоретической основы партии и стремящимся превратить его в ни к чему не обязывающее частное дело, нечего делать в партии рабочего класса. Гароди, как до него Лефевр, Колаковский, Фишер и другие представители современного международного ревизионизма, был исключен из коммунистической партии своей страны.

От требования отказаться от идеологического единства и монолитности партии до требования ее организационной ликвидации всего лишь один маленький шаг. И некоторые ревизионисты сделали и его. Предраг Враницкий, например, выдвинул в качестве исторической задачи «наиболее прогрессивных и сознательных

сил... способствовать процессу отмирания партии и политики» [118].

Общественная практика в социалистических странах, правда, давно доказала, что рабочий класс может успешно продвигаться по пути осуществления своей исторической миссии лишь под руководством марксистско-ленинской партии, что в процессе построения развитого социалистического общества и перехода к коммунизму партия не должна ни отмирать, ни быть ликвидированной, а напротив, ее роль как руководящей силы и воплощения сознательности данного процесса все больше возрастает.

5. ВОПРОС О ВЛАСТИ — КОРЕННОЙ ВОПРОС СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. О БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ

Едва ли какой-нибудь другой вопрос с давних пор в такой мере стоит в центре классовой борьбы между социализмом и капитализмом, как вопрос о классовой сущности политической власти, и прежде всего о необходимости диктатуры пролетариата. В борьбе с выступающим под различными флагами оппортунизмом Ленин последовательно отстаивал идеи научного коммунизма [1]. Опираясь на Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Ленин доказал, что проблема борьбы за политическую власть — это неотъемлемая составная часть исторической миссии рабочего класса.

Как известно, социалистическая революция, в отличие от буржуазной, характеризуется некоторыми существенными особенностями. Так, буржуазная революция, в процессе которой политическая власть переходит из рук феодалов в руки буржуазии, лишь завершает длительное развитие капиталистического способа производства в недрах феодального общества. В отличие от этого социалистический способ производства не может развиться в недрах капитализма. Социалистические производственные отношения, которые основываются на общественной собственности на средства производства и исключают всякую эксплуатацию человека человеком, не могут возникнуть внутри капиталистического общества. Известно, что все попытки выстроить такой социалистический порядок в рамках буржуазного общества, предпринимавшиеся, например, Робертом Оуэном и другими социалистами-утопистами, должны были неизбежно кончиться крахом. Это в равной мере относится и к попыткам проведения социальных реформ, которые были бы направлены на создание свободных от эксплуатации форм производства наряду с капитализмом или в его рамках.

Капитализм, однако, всесторонним развитием производительных сил подготавливает материальную основу для социалистического общества и порождает в лице рабочего класса общественную силу, которая свергает капиталистическую систему эксплуатации.

Отсюда вытекает, что первый акт социалистической революции должен заключаться в том, чтобы вырвать у буржуазии политическую власть и заменить ее властью рабочего класса, революционной диктатурой пролетариата. Таково решающее условие радикального преобразования производственных отношений, успешной экспроприации экспроприаторов. Без завоевания политической власти, без уничтожения буржуазного государственного аппарата в лице преданных буржуазии вооруженных сил, чиновничьего и судебного аппарата и замены его пролетарским рабочий класс будет не в состоянии осуществить свою историческую миссию. Именно поэтому диктатура пролетариата — коренной вопрос марксизма-ленинизма в целом. Отсюда неудивительно, что эта основная проблема марксистской теории с давних пор была также поворотным моментом и центральным пунктом борьбы внутри рабочего движения между революционными силами, с одной стороны, и реформистскими и ревизионистскими — с другой. В то время как революционное крыло защищало обоснованную Марксом и Энгельсом теорию социалистической революции и диктатуры пролетариата против всех нападок ревизионистов, последние пытались всеми средствами замаскировать и фальсифицировать этот вопрос.

Правым силам в германской социал-демократии принадлежит печальная «заслуга» в том, что еще перед первой мировой войной они сделали все возможное для того, чтобы затушевать, затемнить в голове многих рабочих понимание вопроса о власти как основного вопроса пролетарской революции. Эта неясность в вопросе о власти господствовала в умах большинства делегатов Всегерманского съезда советов в 1918 г. * и

---

* Речь идет о I Всегерманском съезде советов рабочих и солдатских депутатов, избранных в ходе Ноябрьской революции в Германии, на котором социал-демократические лидеры, входившие во временное правительство, сумели провести решение о выборах в буржуазное Учредительное собрание и передаче временному правительству законодательной власти.— *Прим. перев.*

послужила решающей причиной того, что с помощью правых социал-демократических вождей реакции удалось снова лишить рабочие и солдатские советы власти. Этой линии правые социал-демократические лидеры неизменно придерживаются и доныне. Вместе с тем после второй мировой войны они открыто отвернулись от марксизма, проповедуя тезис о государстве как «стоящем над классами» институте, который может служить инструментом проведения социальных реформ, изменения и улучшения общества.

Буржуазные идеологи, включая представителей социал-демократизма, предпринимают все для того, чтобы затуманить в сознании рабочего класса понимание классового характера капиталистического общества и существующего в нем государства как органа господства монополистической буржуазии.

Эти устремления усиливаются, поскольку перед лицом изменяющегося в пользу социализма соотношения сил империалистические идеологи вынуждены постоянно разрабатывать новые концепции об изменяющемся открытом «индустриальном обществе», государство которого является будто бы классово индифферентным, приемлемым для всех слоев населения «государством всеобщего благоденствия».

Под этим углом зрения «марксологи» ведут свои атаки против открытой Марксом и Энгельсом социально-экономической детерминированности государства. Они утверждают — и такова основная линия буржуазной и правосоциал-демократической «критики» Маркса и Энгельса,— будто взгляды Маркса на государство как классовое государство сегодня устарели. Буржуазный социолог Раймон Арон договаривается даже до утверждения, будто учение о государстве — наиболее легко опровергаемая часть марксовой социологии! [2]

Эта «критика» Маркса не мешает, однако, буржуазным идеологам в своих нападках на реально существующий социализм ссылаться на Маркса и Энгельса. Всевозможными уловками и увертками они пытаются «доказать», что социалистическая государственная власть якобы не соответствует представлениям Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата. При этом «марксологи» различных направлений состязаются, внося «предложения» о том, как лучше всего осуществить социалистическую государственную власть в том виде,

как это якобы было задумано Марксом и Энгельсом. Их «интерпретации» Маркса совершенно очевидно служат целям идеологической диверсии.

Грубые нападки империалистических и ревизионистских идеологов на социалистическое государство с демагогическими ссылками на Маркса и Энгельса далеко не случайны. Они знают — и они это поняли, несмотря на всю свою ненависть к социализму и марксистско-ленинской теории,— что диктатура пролетариата есть решающее средство, которым располагает победоносный рабочий класс, для того, чтобы реорганизовать общество на социалистических началах, успешно отразить и пресечь различные атаки империалистической реакции в экономической, политической и военной областях. По этой причине империалистические стратеги и их идеологи стремятся дискредитировать социалистическое государство, направляя основные атаки против демократического характера созданной в странах реального социализма политической власти рабочего класса. В этом аспекте искажаются высказывания Маркса и Энгельса, а искаженная социалистическая действительность противопоставляется высказываниям классиков марксизма. Существенную роль при этом играют попытки противопоставить взгляды Маркса и Энгельса на диктатуру пролетариата взглядам Ленина, с тем чтобы таким образом отрицать общеупотребительность ленинизма.

1. МАРКСОВО УЧЕНИЕ О КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА — «МАРКСИСТСКАЯ СКАЗКА»?

«Марксистской сказкой» назвал недавно позитивист Карл Р. Поппер представления Маркса и Энгельса о классовой сущности государства [3]. Тем самым он выразил широко распространенный взгляд, с которым «марксологи» выступают против учения о государстве как инструменте власти экономически господствующего класса.

Маркс и Энгельс выявили классовую сущность государства и сорвали тщательно сотканную эксплуататорами и их идеологами завесу, с помощью которой те хотели скрыть истинную сущность этой машины угнетения от рабочего класса и других трудящихся, провоз-

глашая такое государство «вечным», «богоугодным», олицетворением нравственного принципа, явлением, которое служит интересам всех членов общества.

Господствующие классы были вынуждены и вынуждены теперь прибегать к таким средствам, потому что антагонистические классовые противоречия, выражением которых является государство и его деятельность, все более обостряются и заставляют идеологов буржуазии изобретать все новые теории, которые должны оправдывать существование буржуазного государства и удерживать рабочий класс и его союзников от революционной борьбы.

Этим также объясняется их постоянное стремление отрицать, исказить либо представить как устаревшие основные выводы Маркса и Энгельса о сущности государства, ставшие сегодня в лице марксизма-ленинизма достоянием революционного рабочего движения во всех странах.

Так, приведенный вначале тезис Поппера, будто бы учение о классовой сущности государства является «марксистской сказкой», выражает лишь ту тенденцию, которая обнаруживается у большого числа буржуазных идеологов, хотя и в самых различных вариациях: марксистское представление о государстве характеризуется как устаревшее, противоречащее сегодняшней действительности. Современное государство *коренным образом* отличается от того, которое исследовал Маркс в 1844 г., пишет, например, Вилли Эйхлер и имеет в виду, надо полагать, сегодняшнее империалистическое государство [4].

Разумеется, с переходом капитализма в его империалистическую стадию произошли определенные «изменения» в задачах, функциях и формах проявления буржуазного государства. Марксисты-ленинцы внимательно следят за такими изменениями, анализируют их и делают из них выводы для борьбы рабочего класса и других трудящихся. Об этом свидетельствует уже творческое обогащение революционной теории Лениным, который теоретически переработал именно эти изменения и использовал полученные результаты в практической борьбе. И сегодня к важнейшим задачам мирового коммунистического движения относится раскрытие новых проявлений монополистического капитализма и его государства и обобщение их для выра-

ботки стратегии и тактики классовой борьбы. Каковы же эти изменения? Усиливающееся обострение основного противоречия капитализма вынудило монополии во все большей мере подключать государство к процессу воспроизводства. В целях обеспечения максимальных прибылей осуществляется, таким образом, все более тесное слияние интересов монополий с государственной властью. В упорной борьбе рабочий класс добился ряда социальных улучшений и даже того, что господствующий класс вынужден был в известной мере предоставить ему демократические права. Не в последнюю очередь сказались здесь изменение в международном соотношении сил в пользу социализма и его растущее влияние. Империализм вынужден использовать все еще имеющиеся в его распоряжении возможности, в том числе и государственные, для того чтобы сохранить и обезопасить исторически изживший себя способ производства, чтобы по возможности держать в узде антагонистические противоречия. Все эти «изменения», однако, ничего не меняют в существе капиталистического общественного строя, не изменяют классовой сущности его государства. Напротив, они подтверждают принципиальные оценки Маркса и Энгельса.

Однако буржуазные идеологи искажают факты и интерпретируют их в том духе, будто произошло изменение сущности государства. Сегодняшнее государство является якобы «государством всеобщего благоденствия», которое служит всем общественным силам, это «социальное государство», «правовое государство свободы», не представляющее никаких особых классовых интересов.

Когда рассматриваешь эти «аргументы», которые должны убедить нас, будто бы представления Маркса и Энгельса о классовой сущности государства отстали от действительности, становится ясно, что они сосредоточиваются главным образом на том, чтобы отрицать связь между частнокапиталистической собственностью на средства производства, т. е. экономическими отношениями власти, и классовой сущностью государства, чтобы завуалировать либо по меньшей мере приуменьшить эту связь.

Так, Раймон Арон утверждает, что Маркс якобы сводил политику государства к экономике. Он пишет:

«Марксова социология предполагает, по крайней мере в ее пророческой форме, сведение политического устройства к экономическому... Политический строй, однако, по сути своей несводим к экономическому порядку. Политическая проблема сохраняется вне зависимости от экономической и социальной системы. Ибо она заключается в том, чтобы выяснить, кто правит, из кого состоят правящие, как осуществляется власть и имеются ли между управляющими и управляемыми отношения согласия или противоборства. Политический строй столь же существен и самостоятелен, как и экономика, и оба взаимно связаны» [5].

Примерно такова же «аргументация» Иринга Фетчера. Он полагает, что тезис, будто вся политическая власть в конечном счете вытекает из экономической, не соответствует действительности, ибо есть еще большое число других факторов, которые-де, наряду с экономическими, определяют политическую власть [6].

Такая интерпретация взглядов Маркса и Энгельса на соотношение экономики и политики, на определяющую роль экономики по отношению к политике свидетельствует о том, как сильно искажают буржуазные идеологи марксистскую теорию. Они просто фальсифицируют Маркса, утверждая, что его положение об определяющей роли экономики по отношению к политике является сведением политики к экономике. Однако им было бы очень трудно доказать, где же именно так рассуждали основатели научного коммунизма. Ведь в действительности в своих сочинениях и просто по различным поводам Маркс и Энгельс указывали, что содержание политики определяется экономикой, что политика есть выражение основных экономических интересов и что ее задача в том и состоит, чтобы осуществлять эти классовые интересы. Но, возникнув однажды, политика обрела относительную самостоятельность по отношению к основным, определяющим ее экономическим интересам, так что, разумеется, не каждое проявление политики может быть прямо и непосредственно выведено из экономики. Существует диалектическое взаимоотношение между различными надстроечными явлениями, которые тоже воздействуют на формы и методы осуществления политической власти. На это указывает Энгельс в своих письмах, специально посвященных борьбе с механистичной интерпретацией соотноше-

ния базиса и надстройки. В этой же связи Энгельс предостерегает от абсолютизации относительной самостоятельности надстройки [7].

Само собой разумеется, что и вопрос о формах и методах осуществления власти, на который ссылается Арон, не может быть объяснен непосредственным влиянием экономики, а лишь конкретным соотношением классовых сил, в первую очередь конкретным соотношением сил между господствующей буржуазией и угнетенным рабочим классом. Как показывает опыт классовой борьбы, всякий раз, когда усиливаются возглавляемые рабочим классом революционные силы, когда возникает угроза, что они сумеют использовать против буржуазии буржуазно-демократические права и свободы, буржуазия стремится заменить эту форму осуществления политической власти установлением более или менее открытого диктаторского режима. Такая реакция буржуазии преследует цель защитить и сохранить ее классовое господство, ее частную собственность на средства производства, ее экономический базис. И именно в этом, как указывали Маркс и Энгельс, заключается важнейшая функция эксплуататорского государства. О сведении политики к экономике у Маркса и Энгельса, как мы видим, не может быть и речи.

Такая фальсификация служит, однако, Арону трамплином для следующего заключения, которое отчетливо обнаруживает цель его нападок на Маркса: «Политическая система капитализма так же мало определяется господством монополистов, как политическая система в социалистическом обществе господством пролетариата» [8].

Чтобы обосновать это, Арон утверждает, будто власть осуществляется не монополистами, а специалистами.

В капиталистическом обществе, которое исследовали Маркс и Энгельс, государственная власть находится в руках буржуазии, как экономически наиболее могущественного класса эксплуататоров. Конечно, как прежде, так и теперь политическую власть *непосредственно* осуществляет не *весь* класс, буржуазия использует для этого своих доверенных представителей, политические организации, союзы и т. д., которые и осуществляют ее классовые интересы. В этом отношении

Арон приписывает Марксу и марксистам-ленинцам абсурдное представление, заявляя, что при капитализме капиталисты, точнее говоря, хозяева монополий не осуществляют власть *лично*[9]. Но Арону, конечно, очень трудно было бы опровергнуть тот факт, что монополистическая буржуазия самыми разнообразными способами с помощью соответствующих лиц и организаций осуществляет и защищает в государственном аппарате свои эгоистические интересы обогащения. Свое наиболее яркое выражение это находит, например, в создании так называемого военно-промышленного комплекса. Но фактом является и то, что время от времени в государственном аппарате появляются непосредственно сами хозяева монополий[10]. Этих людей, которым поручено управлять, Арон стремится отделить от их класса, ссылаясь на очевидную невозможность того, чтобы класс в целом мог прямо осуществлять свою власть и чтобы государство могло выполнять задачи, стоящие перед всем обществом. Так в его схеме появляется слой управляющих, которые хотя в какой-то мере и связаны с экономической сферой, но не детерминируются ею. Тезис Арона, таким образом, маскирует существенные отношения между капиталистическим государством и монополиями.

Эти тезисы Арон развивает в связи с нападками на высказывания Маркса и Энгельса об отмирании государства в будущем коммунистическом обществе. Отмирание государства, как утверждает Арон, невозможно уже потому, что «государство как совокупность административных и управленческих функций... не может исчезнуть ни в одном индустриальном обществе»[11].

Здесь-то и выясняется, что понимает Арон под «государством» и как он его обосновывает: он выводит его существование из потребностей развития производительных сил и обобществления производства, которые делают необходимым планирование и управление обществом. Специфическая сущность «теории индустриального общества», которая абстрагируется от отношений собственности и сводит все к производительным силам и техническому аппарату общества, обнаруживается здесь весьма отчетливо.

Без сомнения, всякое общество нуждается в управлении и руководстве. Без них такой сложный орга-

низм не смог бы функционировать. И уже первобытное бесклассовое общество создало такой орган, которому надлежало выполнять задачи в масштабе всего общества. Однако здесь еще не осуществлялось господство человека над другими людьми, руководящее положение еще не могло превратиться в положение властвующее, поскольку общественная собственность не представляла для этого никаких оснований. Также не могло быть и речи о каких-либо политических отношениях между членами первобытного рода. Политика появилась лишь вместе с частной собственностью и классами, и только тогда руководство обществом приобрело классовый характер, поскольку оно было узурпировано людьми, располагавшими собственностью и осуществлявшими теперь руководство всем обществом в своих классовых интересах. Этот процесс обстоятельно исследовал Фридрих Энгельс прежде всего в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Органом власти, который создал наиболее могущественный экономически класс и который использовался им для того, чтобы осуществлять свои интересы в противовес сопротивлению угнетенных классов, является государство. Хотя оно, существуя в качестве органа власти господствующего класса эксплуататоров, выполняет одновременно и задачи в масштабах всего общества, однако последнее нельзя отождествлять с государством. Осуществление этих задач будет продолжаться и в коммунистическом обществе, где станет излишним государственное принуждение, но не общественное руководство.

Арон, однако, отождествляет государство с руководством в масштабах всего общества и, таким образом, приходит к отрицанию исторического характера государства и его классовой сущности.

Тот факт, что современное капиталистическое государство вовсе не стоит над классами и отнюдь не является «государством всеобщего благоденствия», что оно проводит политику, отвечающую интересам крупных монополий, с исчерпывающей полнотой и многообразием доказан марксистско-ленинской теорией, так что здесь можно отказаться от того, чтобы заново приводить доказательства как эмпирического, так и теоретического рода [12].

Неудивительно, что и правосоциал-демократические политики и идеологи стремятся оспаривать положение о том, что сущность государства определяется производственными отношениями, с тем чтобы обосновать свою теорию о «государстве всеобщего благоденствия», которое якобы вовсе не есть классовое государство. Так, Вилли Брандт утверждает, будто бы Фридрих Энгельс исходил из того, что изменение отношений собственности на средства производства *автоматически* влияет и на политические свободы, увеличивая либо ограничивая их. Опыт показал, как полагает Брандт, «что завоевание и осуществление политических свобод лишь условно связано с проблемой экономических отношений собственности».

В качестве «доказательства» он приводит следующее: в «обществах, где существует частная собственность на средства производства, может быть достигнута высокая степень политической свободы. То есть... нет никакого автоматизма, который вел бы к большей свободе путем изменения человеком отношений собственности» [13]. Это, однако, фальсификация, ибо, как известно, Энгельс критиковал все взгляды, которые таким непозволительным образом упрощали соотношение экономики и политики [14]. Стоит чуть пристальнее вглядеться в представления Брандта, и становится ясно, что он не делает никакого различия между буржуазно-демократическими свободами и сущностью политической свободы, между типом государства и формой государства. Когда он утверждает, что не существует никакого автоматизма между отношениями собственности и политическими свободами, он приближается к истине, если речь идет о форме государства, не определяемой прямо и непосредственно отношениями собственности.

Так, при подчиненности капиталистическим производственным отношениям возможны как демократическая республика, так и конституционная монархия, а также различные формы открытой диктатуры. Но ни Маркс, ни Энгельс, ни другие марксисты-ленинцы никогда не утверждали, что капиталистические отношения собственности непосредственно определяют форму осуществления буржуазной государственной власти. Когда Маркс и Энгельс говорили о том, что экономика определяет политику, а отношения собственности — го-

сударство, то они имели в виду не *форму* государства, а его *сущность,* его тип, его классовое содержание. И здесь присутствует неизбежная, закономерная связь: государство, в котором преобладают капиталистические отношения собственности, в котором буржуазия является экономически наиболее могущественным классом, в любом случае носит буржуазный характер. Но смешивать то и другое, тип государства и его форму, или отождествлять их друг с другом, как это делает Брандт,— значит отрицать классовую сущность государства.

Кроме того, Брандт, очевидно, исходит из «классово нейтрального» понимания политической свободы и приписывает, как вытекает из контекста его позднейших высказываний [15], социалистическим странам отсутствие политической свободы, «диктатуру» и «тоталитаризм».

Если же мы будем определять содержание политической свободы, в отличие от Брандта, не как формальные буржуазно-демократические свободы, т. е. будем понимать его рассуждения не в смысле формы государства, а имея в виду его классовую сущность, то тогда станет ясно, что о политической свободе «в себе» в буржуазном государстве не может быть и речи. Именно это обстоятельство и маскирует Брандт, утверждая, что в капиталистических странах рабочий класс достиг высокой степени политической свободы. Здесь снова возникает старый вопрос: свободы для кого? Свободы для монополистической буржуазии, для осуществления ее эгоистических классовых интересов за счет всего общества или свободы для рабочего класса и других трудящихся, для реализации их социальных интересов? Но это зависит от отношений собственности, которые в свою очередь определяют реальное политическое соотношение сил.

До тех пор, пока господствует буржуазия, до тех пор, пока частная собственность на средства производства оказывает определяющее влияние на экономическую систему,— а этого факта не отрицает и Вилли Брандт,— до тех пор рабочий класс не будет иметь свободы осуществлять свои классовые интересы. Поэтому рабочий класс глубоко заинтересован в том, чтобы свергнуть экономическое и политическое господство буржуазии и установить свою политическую

власть, основанную на общественной собственности на средства производства. Только тогда он получит все политические свободы в государстве, и в том числе свободу подлинного участия в принятии решений, которой он не имеет при капитализме вопреки множеству речей и обещаний, вопреки многочисленным «моделям» такого участия. Свобода рабочего класса и других трудящихся при социализме качественно отличается от политических свобод при капитализме. Социалистическая действительность на многообразных примерах доказывает, где существует истинная политическая свобода для рабочего класса и всех других трудящихся.

Подведем итог: только со свержением буржуазии, а следовательно, с изменением отношений собственности и тем самым с изменением отношений политической власти становится возможной для рабочего класса и остальных трудящихся подлинная политическая свобода.

Вопрос о классовой сущности политической свободы, разумеется, нельзя смешивать с вопросом о политической свободе в смысле государственной формы. Никакими уловками буржуазные идеологи, включая представителей социал-демократизма, не смогут убедительно доказать, что данное Марксом и Энгельсом определение классовой сущности государства соответствующим способом производства устарело.

То же самое происходит и с Хабермасом, по мнению которого соотношение базиса и надстройки, экономики и политики, как его определил Маркс, утратило свою жизненность в современности и буржуазное государство, по существу, лишилось своего классового характера.

Под предлогом стремления к «улучшению» Маркса он утверждает, что марксова концепция общества не может больше объяснить нового положения дел в период позднего капитализма и на этом основании должна быть пересмотрена. Благодаря вмешательству государства в экономику последняя якобы переключается на «длительное регулирование», изменяется соотношение экономической системы и системы власти; государство и общество тем самым не находятся больше в определенном Марксом отношении друг к другу. При этом «интервенционистская» деятельность государ-

ства, обеспечивающая высокую производительность, приостанавливает-де классовую борьбу благодаря возможности выплаты рабочим «социальной компенсации» [16].

Тем самым Хабермас затушевывает классовую сущность буржуазного государства. Поэтому он совершенно абстрактно оценивает процесс дальнейшего слияния монополий со всевластием государства, т. е. образование государственно-монополистической системы господства как слияние экономической сферы общества с политической. Этот процесс Хабермас истолковывает как всеобщую тенденцию современного «индустриального общества», которое на основе высокой производительности снижает остроту «плюрализма интересов», как он стыдливо именует антагонистические классовые противоположности. В качестве такого «выравнивателя интересов» в расчетах Хабермаса также выступает государство.

В действительности же и государственно-монополистическое регулирование нисколько не меняет капиталистической сущности процесса воспроизводства. Напротив! Важная функция государственно-монополистического регулирования как раз в том и состоит, чтобы охватить определенные экономические связи и, соответственно регулируя их, вмешаться в экономический процесс. Однако эти экономические связи в решающей степени определяются производственными отношениями. Следовательно, несмотря на то что в условиях государственно-монополистического капитализма империалистическое государство вынуждено взять на себя экономические функции, зависимость надстройки от базиса не аннулируется. Государственно-монополистическое регулирование есть скорее попытка сохранить капиталистический характер процессов производства и воспроизводства, а следовательно, и капиталистические производственные отношения, однако с помощью методов, противоречащих сущности капитализма. В своем предположении, будто бы «интервенционистская» деятельность государства может надолго «приостановить» классовую борьбу, Хабермас явно заблуждается, так как основное противоречие капитализма снова и снова перечеркивает все попытки такого рода. Антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частно-

капиталистическим способом присвоения внушительно проявляется в возрастающей за последние годы классовой борьбе в развитых капиталистических странах.

Марксистско-ленинская теория способна убедительно объяснить это новое положение дел в государственно-монополистическом капитализме на основе материалистического понимания истории. Утверждение Хабермаса, что сегодня необходимо пересмотреть марксово учение об определяющей роли базиса по отношению к надстройке и отношений собственности к государству, оказывается построением, служащим в конечном счете защите империалистического государства.

Искажение некоторыми «марксологами» взглядов Маркса и Энгельса на государство — не только средство для того, чтобы затушевать классовую сущность буржуазного государства, оправдать и защитить его существование и его деятельность, но и одновременно представляет собой исходный пункт для отрицания необходимости революционного изменения капиталистического общества. Тот, кто отрицает классовую сущность буржуазного государства, отказывается также и от упразднения власти господствующего класса как предпосылки для создания нового, социалистического строя.

Тем самым, само собой разумеется, открываются лазейки для реформистских теорий о «принятии» буржуазного государства и некой «трансформации» капитализма. Однако, как теоретически доказали Маркс, Энгельс и Ленин и как показывает практика классовой борьбы пролетариата, взятие им политической власти и устранение буржуазии со всех политических и ключевых экономических позиций основное условие социалистического преобразования общества. Социалистическое общество может быть построено только путем революции, т. е. в результате качественного изменения производственных отношений и политической надстройки. Но ни в коем случае не путем количественных изменений с помощью реформ, не затрагивающих сущности капиталистических отношений.

Понятиями революции и революционного в буржуазном словаре часто злоупотребляют, применяя их в различных значениях и нередко используя непосредственно в качестве пугала. Очень часто революцию и

революционное отождествляют с вооруженным восстанием и тем самым исключают относительно мирный путь — путь к социализму без гражданской войны. В этой связи фальсифицируются и взгляды Маркса и Энгельса, исходивших из того, что победа социалистической революции может быть достигнута как с помощью вооруженного переворота, так и без него. Некоторые «марксологи» отождествляют, таким образом, вооруженную борьбу с революцией, а применение рабочим классом мирных средств — с социальными реформами. Фетчер, например, использует замечание Маркса в его «Введении к программе Французской Рабочей партии» 1880 г. о том, что новое общество должно бороться «всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, в том числе и с помощью всеобщего избирательного права» [17], чтобы объявить Маркса поборником реформизма. В том же смысле и с той же целью оценивает он замечание Маркса на Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих, где Маркс говорил: «Мы должны заявить правительствам: мы знаем, что вы — вооруженная сила, направленная против пролетариев; мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием — когда это станет необходимым» [18]. Комментарий Фетчера к этому высказыванию основывается на «недоразумении», что революция и гражданская война — это одно и то же, так как он исходил из того, что «старый» Маркс якобы тоже обратился к реформизму, поскольку он учитывал возможность мирного пути [19].

В связи с этим Фетчер преподносит старое реформистское искажение работы Энгельса, к которому приложили руку со времен Бернштейна буржуазные идеологи всех мастей и которое стало в некотором роде «стандартным доказательством». Исходя из «Введения» Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год», которое тот написал в 1895 г., Фетчер пытается сконструировать противоречие между Марксом и Энгельсом и изобразить последнего поклонником буржуазного парламентаризма. Фетчер утверждает, будто Энгельс «глубже и основательнее, чем ученый Карл Маркс, проник в дух и суть свободного демократического общества англосаксонского типа» [20]. При этом он перенимает ревизиони-

стское утверждение, выдвинутое еще Бернштейном, будто бы Энгельс в этой работе ушел от революционной теории и ориентировался на мирный путь, главная форма которого — всеобщее избирательное право. Тот факт, что Фетчер замалчивает контекст воспроизводимой мысли Энгельса из этого «Введения» [21], свидетельствует о том, что для буржуазных идеологов в борьбе против марксизма-ленинизма все средства хороши. Если бы Фетчер придерживался дословного цитирования «Введения», он легко мог бы установить, что Энгельс, точно так же как и Маркс, ставил выбор формы борьбы в зависимость от конкретной исторической ситуации. Использование легальных средств борьбы постоянно должно служить тому, чтобы подготовить пролетариат к предстоящему революционному перевороту.

Вилли Брандт в своей речи по поводу 150-летия со дня рождения Фридриха Энгельса также интерпретировал его «Введение» к работе Маркса «Классовая борьба во Франции» как отказ от революционной борьбы пролетариата. С той же целью он цитирует отрывок из предисловия 1872 г. к «Манифесту Коммунистической партии», который должен создать видимость, будто бы Маркс и Энгельс сами характеризовали свою тогдашнюю революционную позицию как устаревшую [22]. При этом он намеренно умалчивает, что оценка «устаревший» относится к приведенным в конце второй главы «Манифеста» конкретным мероприятиям, которые должны были быть заново пересмотрены в свете уроков Парижской коммуны. Ни о каком отказе от пролетарской революции здесь нет и речи [23].

Несмотря на то что правосоциал-демократические лидеры в ФРГ с момента принятия Годесбергской программы официально отреклись от марксизма, они стремятся использовать сегодня — и это, конечно, не случайно, учитывая животворную силу марксистской теории и практики,— Маркса и Энгельса для оправдания своей политики. Кроме того, правосоциал-демократические историки стараются представить революционную социал-демократию как реформистскую партию и, следовательно, как предшественницу сегодняшней политики СДПГ [24]. И то и другое, разумеется, может быть достигнуто только с помощью фальсификации.

В том же духе аргументирует и Вилли Эйхлер. Он пишет, что Маркс определял и применял понятие рево-

люции не однозначно, этим якобы и вызывается острая борьба между реформизмом и марксизмом. Сам Маркс-де не исключал реформ, но вот его отношение к «глубоко идущим реформам» постоянно недооценивается «ортодоксами»[25]. Таким образом, Маркса пытаются сделать ответственным за фальсификаторские выступления его нынешних противников.

Тем самым трудящиеся должны быть введены в заблуждение относительно сущности социалистической революции, т. е. того, что социалистическая революция всегда означает радикальный переворот в производственных отношениях, осуществляемое диктатурой пролетариата упразднение капиталистической частной собственности на средства производства. Социалистическая революция всегда связана с установлением государственной власти рабочего класса, который осуществляет свое революционное классовое господство над свергнутым классом эксплуататоров и таким образом обеспечивает победу социалистической революции и создание нового, коммунистического общественного строя. Некоторые «марксологи» стремятся, однако, внушить читателям, что Маркс и Энгельс в 70—80-е годы прошлого столетия своими ссылками на возможность мирного развития революции отстаивали концепцию постоянных «социальных реформ», проводимых капиталистическим государством на основе построения некой «чистой демократии». Но это уже неприкрытая фальсификация классиков марксизма.

Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали, что революционная стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата всегда должны учитывать сопротивление, которое буржуазия оказывает рабочему классу. Рабочий класс не заинтересован в гражданской войне. Вполне возможно — и это отражено классиками марксизма-ленинизма,— что при определенных исторических условиях уже парламентская и внепарламентская борьба рабочего класса приведет его к успеху, т. е. к свержению прежнего класса угнетателей и к победе социалистической революции, и тогда можно будет избежать гражданской войны.

Маркс указывал на значение этих конкретных условий борьбы за победу социалистической революции, когда в 1872 г. на митинге в Амстердаме после окончания Гаагского конгресса Интернационала заявил:

«Рабочий должен со временем захватить в свои руки политическую власть...

Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами.

Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами» [26]. Аналогичным образом Маркс высказался и в 1871 г. в интервью, данном корреспонденту газеты «The World» [27]. Но чтобы сделать понятной ту мысль, что в то время мирный захват власти пролетариатом представлял собой лишь маловероятную возможность в классовой борьбе, он добавил: «Английская буржуазия всегда проявляла готовность принять решение большинства, пока она монопольно распоряжалась правом голоса. Но поверьте, что в тот момент, когда она окажется в меньшинстве по вопросам, которые она считает жизненно важными, мы будем иметь здесь новую войну рабовладельцев...» [28] Эта оценка борьбы рабочего класса не имеет ничего общего с реформистским «врастанием» в «социализм». Распространяющий иллюзии реформизм основатели марксизма всегда клеймили как забвение революционных классовых интересов. В подтверждение этого достаточно привести лишь один пример — письмо Энгельса к Каутскому от 1 апреля 1895 г., в котором он, увидев искажение своего «Введения» к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 год» Маркса, энергично восстал против того, чтобы его изображали в виде *миролюбивого* поклонника законности во что бы то ни стало [29] после того, как он еще раньше категорически выступил против рецепта «миролюбивого оппортунизма» относительно «бодро-скромно-весело-свободного «врастания» старого свинства «в социалистическое общество»» [30].

Следовательно, Ленин, заявляя, что революционеры «никогда не забудут, что, только имея всегда в виду «конечную цель», только оценивая каждый шаг «движения» и каждую отдельную реформу с точки зрения общей революционной борьбы, можно гарантировать движение от ложных шагов и позорных ошибок» [31], попадает прямо не в бровь, а в глаз. В другом

месте он подчеркивал: «Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей *массовой* борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы» [32].

2. МАРКС И ЭНГЕЛЬС О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. О ПОПЫТКАХ ПРИЗВАТЬ МАРКСА В КАЧЕСТВЕ ГЛАВНОГО СВИДЕТЕЛЯ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Претворяемое в действительность в странах социалистического содружества уже в течение более 50 лет марксово учение о диктатуре пролетариата — это бельмо на глазу империалистов и их идеологов. Ничто не ненавидят они сильнее, чем власть рабочего класса, могучее социалистическое государство, ибо оно является надежным оплотом, о который разбиваются все контрреволюционные заговоры против социализма, важнейшим инструментом в борьбе рабочего класса за осуществление его великой исторической миссии — построение коммунистического общества. В империалистической стратегии идеологического подрыва социализма значительное место отводится клевете на социалистическую государственную власть. Поскольку, как показывает практика, лобовые атаки против социалистического государства не имеют успеха, их теперь облекают в мнимо марксистскую форму прежде всего с помощью лицемерных ссылок на Маркса и Энгельса. Разумеется, здесь используется и фальсификация их взглядов и высказываний.

Так, конструируется противоречие в учении о диктатуре пролетариата между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, искажаются высказывания Маркса и Энгельса о содержании пролетарской демократии, их объявляют противниками демократического централизма [33].

В своих стремлениях подорвать социалистические государства «марксологи» пытаются поддержать тезис

о «недемократичном», «тоталитарном» характере социалистической государственной власти ссылками на соответственно искаженные взгляды Маркса и Энгельса. Их изображают поборниками «чистой» демократии. Это служит фоном, на котором социалистическая действительность, искаженная в тоталитарную диктатуру, должна выглядеть еще более мрачно и который должен сделать зримыми противоречия между Марксом, Энгельсом и Лениным.

Так, Фетчер пишет: «*Диктатура класса:* для Маркса это был лишь парафраз уже известного нам тезиса, в соответствии с которым всякий государственный аппарат в конечном счете является инструментом господства одного класса. Политические *формы,* в которые может облечься это господство, могут быть выражены различно» [34]. И дальше говорится: «Диктатура и демократия, таким образом, по его убеждению, отнюдь не исключали друг друга, и менее всего в случае пролетарской диктатуры и демократии, которые, по убеждению обоих, должны были бы опираться на преобладающее большинство населения. В отличие от этого Ленин понимал диктатуру технически как осуществление полномочным меньшинством не связанной никаким законодательством власти. Только так он и мог провозгласить установление в России «диктатуры пролетариата», составлявшего там ничтожное меньшинство, то есть приукрасить свое господство названием, взятым от Маркса и Энгельса» [35]. Здесь Ленину явно приписывается, что понятие диктатуры пролетариата, характеризовавшее у Маркса и Энгельса *содержание* государства, будто бы интерпретируется им как форма государства и вследствие этого искажается. В действительности же этот упрек относится к тем, кто предъявляет его Ленину. Фетчер, да и другие «марксологи» с пристрастием цитируют лишь те места у Ленина, где он подчеркивает функцию подавления, присущую пролетарской государственной власти, и пропускают те места, где Ленин высказывается о существе, содержании диктатуры пролетариата, где он характеризует глубоко демократический характер этой власти. Естественно, что высказывания Ленина о диктаторской стороне пролетарской власти чаще всего встречались в первые годы существования Советской власти, когда она одна противостояла всем внешним и внутренним врагам. Говорить в

этих условиях о демократии, в смысле соблюдения демократических правил игры, означало бы предавать революцию. Вот почему Ленин и полемизировал тогда так резко и непримиримо со взглядами Карла Каутского. Однако уже и в то время, но главным образом позднее, Ленин обращал внимание на то, что диктатура пролетариата есть не только и не столько принуждение, сколько способствует вовлечению огромных масс трудящихся в процесс социалистического строительства, процесс осуществления власти [36].

И это полностью соответствует представлениям Маркса и Энгельса о демократической сущности пролетарской диктатуры, ее характеристике, данной ими в целом ряде работ, в том числе в «Гражданской войне во Франции» и в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Эта теоретическая концепция о глубоко демократическом характере диктатуры пролетариата стала живой действительностью в странах социалистического содружества. Это подтверждается все усиливающимся вовлечением трудящихся в государственное руководство и управление обществом на самых различных уровнях. Тем самым они учатся осуществлять власть и овладевать общественными процессами.

Утверждение Фетчера, будто во взглядах на сущность диктатуры пролетариата имеются существенные различия или даже противоречия между Марксом и Энгельсом, оказывается столь же нелепым, сколь и антикоммунистическим измышлением, направленным прежде всего против социалистической действительности. Когда Фетчер утверждает, будто из замечания Ленина о том, что диктатура пролетариата является властью, не связанной никакими законами, можно сделать вывод, что он был родоначальником диктаторского произвола меньшинства, то это чистейший домысел. В действительности Ленин не имел в виду ничего другого, кроме того, что завоеванная пролетариатом в ходе социалистической революции власть не связана никакими созданными буржуазией законами свергнутого буржуазного государства. Это было адресовано тем оппортунистам, которые опасались, что правила игры «чистой» (читай: буржуазной) демократии могли бы быть как-нибудь нарушены революционными мероприятиями победоносного рабочего класса. Само собой

разумеется, государство диктатуры пролетариата вырабатывает свое собственное революционное, социалистическое законодательство, которое представляет собой основу всей государственной и общественной работы. Эта социалистическая законность, как свидетельствует практика в странах социалистического содружества, строго соблюдается и охраняется.

В основе искажений сущности государства диктатуры пролетариата лежит антикоммунистическая доктрина тоталитаризма. Она опирается на софистское противопоставление демократии и диктатуры, при котором отрицается классовый характер государственной власти и утверждается противоположность «чистой» демократии и «партийного господства» как диктатуры. Это противопоставление основывается на характеристике империалистической государственной власти как «парламентской» демократии и опирается на дискредитацию социалистических стран и государственной власти рабочего класса [37].

С доктриной тоталитаризма уже в 30-е годы против Советского Союза выступали такие правосоциал-демократические политики и идеологи, как Отто Вельс, Курт Гейер, Рудольф Гильфердинг и Фридрих Штампфер. При этом они возвращались к концепции Каутского, которая основывалась на противопоставлении демократии (как просто Добра) и диктатуры (как просто Зла). Противопоставление «демократического» и «тотального», социалистического государства после 1945 г. было подхвачено в первую очередь американскими идеологами и ведущими теоретиками ФРГ [38].

Доктрина тоталитаризма характерна не только для империалистических и правосоциал-демократических концепций. Она, без сомнения, оказала влияние и на развитие настойчиво повторяемого тезиса об «этатизме», выдвинутого представителями современного ревизионизма, которые строят на этой основе свои нападки на демократический характер социалистических государств.

Взгляды Маркса на демократию толкуются в том плане, как понимается демократия в доктрине тоталитаризма, а затем противопоставляются живой социалистической демократии.

Чтобы подорвать реальную социалистическую демократию, распространяют идеи политического плюра-

лизма, «обязательной конкуренции» политических партий в борьбе за правительственную власть. В этой связи препарируют Маркса так, будто бы он склонялся к представлению о «чистой демократии», т. е. понимал пролетарскую демократию просто как господство большинства над меньшинством в духе формальной буржуазной демократии. Так, Норберт Лезер пишет, что Маркс связывал осуществление социалистической революции с рабочим классом, составляющим большинство населения, и выводит отсюда, что диктатура пролетариата демократична лишь постольку, поскольку рабочий класс составляет большинство населения, а значит, вследствие этого всегда будет располагать и парламентским большинством [39]. Однако рабочий класс осуществляет власть не потому, что он составляет большинство населения, а потому что он объективно наиболее прогрессивный класс общества, потому что его классовые интересы совпадают с общественным прогрессом, потому что только он может окончательно освободить человечество от эксплуатации и угнетения. Тезис о «революции большинства», также выдвигаемый в той или иной форме другими буржуазными идеологами [40], направлен на то, чтобы поставить под сомнение демократический характер пролетарской власти там, где рабочий класс еще не составляет или не составлял раньше большинства населения, как это было в Советской России непосредственно после Октябрьской революции.

В действительности Маркс и Энгельс никогда не говорили о демократии и диктатуре абстрактно, но всегда подчеркивали их *классовую сущность.* В соответствии с их представлениями всякая демократия есть диктатура наиболее могущественного экономически класса над классом, лишенным собственности на средства производства. Угнетенные классы, напротив, не могут пользоваться этой демократией, вследствие отсутствия у них собственности на средства производства они фактически не имеют эффективной возможности осуществлять власть, определять государственную политику. Существующее государство является для них диктатурой, т. е. политической машиной их подавления, их отстранения от политической власти.

В то время как в эксплуататорских государствах эксплуатирующее меньшинство угнетает огромное

большинство эксплуатируемых и фактически отстраняет его от политической власти, это положение коренным образом изменяется пролетарской революцией. В ходе ее рабочий класс в союзе с другими трудящимися захватывает не только политическую, но одновременно и экономическую власть и использует ее для того, чтобы построить новое, социалистическое общество и ликвидировать буржуазию как класс. В этих условиях господствует демократия для трудящихся, являющаяся в то же время диктатурой над свергнутой буржуазией. И эта демократия по своему существу заключается в широком участии всех трудящихся в руководстве и управлении обществом, участии, которое объективно необходимо и которое определяется тем, что отныне сами трудящиеся являются собственниками средств производства и должны наиболее эффективно их использовать.

Социалистическая демократия, таким образом, впервые в истории открывает перед трудящимися массами все возможности для самостоятельного формирования общественной жизни. Этот характер социалистической демократии не зависит от того, составляет ли рабочий класс большинство населения или находится по отношению к другим слоям трудящихся, с которыми он объединен в тесном союзе, пока еще в меньшинстве. Следовательно, понятие социалистической демократии нельзя просто связывать с понятиями большинства и меньшинства, поскольку тем самым затушевывается ее классовая сущность. А именно на это и направлен тезис Лезера о «революции большинства», выдвигающий на передний план формальные принципы буржуазной парламентской демократии.

Искажение марксовых взглядов на пролетарскую демократию очень тесно связано с нападками на демократический централизм. Социалистическая демократия может развертываться только как диалектическое единство централизованного государственного руководства и широчайшего творческого сотрудничества всех трудящихся, особенно рабочего класса. Эта диалектика отрицается «марксологами», представляющими централизм и массовую инициативу как взаимоисключающие противоположности. Они утверждают, будто централизм всегда бюрократичен и вследствие этого несовместим с представлениями Маркса и Энгельса о демократии.

Лезер хотел бы представить, будто Маркс понимал «революцию большинства» как стихийный захват власти[41]. Клаус Вестен, Эрнст Фольрат, Артур Розенберг, Ханна Арендт и другие утверждают, что революцию большинства у Маркса следует понимать так, что должна создаваться «демократия советов «снизу»»[42]. В особенности эти буржуазные идеологи пытаются утверждать, что они нашли мысль об отказе власти рабочего класса от централизма в работе Маркса «Гражданская война во Франции», где он якобы отождествлял социалистическую демократию с непосредственным, стихийным господством всего класса[43]. Леворадикальные же теоретики (сошлемся, к примеру, на предисловие к книге Режи Дебре «Долгий путь») в свою очередь провозглашают этот тезис для того, чтобы оправдать отождествление «социализма» с анархией[44].

Эти аргументы направляются против революционной сознательности рабочего класса при строительстве социалистического строя и против руководящей роли коммунистической партии в период социализма. В конце концов, отождествление демократии со стихийным поведением рабочего класса является отрицанием необходимости диктатуры пролетариата, а значит, и применения им власти с целью подавления попыток контрреволюции уничтожить социализм. Эрнст Фишер заявил также, что Парижская коммуна отвечала представлению Маркса о «преодолении всякой центральной политической власти», «всякой государственной власти»[45].

Недиалектическое противопоставление демократии и диктатуры, демократии и централизма выливается у нынешних ревизионистов, как и у представителей других оттенков буржуазной идеологии, в конечном счете в клеветническое изображение власти рабочих и крестьян в социалистических странах как «диктатуры партии», «системы бюрократии», «государства администрации». В этом пункте сходятся сегодня все современные ревизионисты — от Гароди до философов группы «Праксис».

Руди Супек, например, пишет о социалистическом государстве, будто оно «сосредоточило в своих руках все средства экономической и социальной жизни и унизило индивидуум до объекта презрения». Государство

«в этатизированном и бюрократизированном социалистическом обществе», по мнению Супека, еще хуже, чем капиталистическое государство, ибо «оно лишило гражданина материальной основы частной собственности» [46].

Как непосредственный вывод из клеветы на социалистическое государство вытекает требование ревизионистов о его упразднении. Так, Юлиус Стринка заявляет: «Само собой разумеется, ключом к преобразованию «бюрократически-этатической» модели социализма является «демократическая» модель преобразования политической системы социализма, т. е. системы социалистической демократии... Структурное преобразование политической системы представляет собой одну из задач, решение которых ждет нас» [47].

Стринка полагает, что его представление о «демократическом социализме» могло бы быть осуществлено «только путем преобразования политической системы, путем ее существенного преобразования, так что результатом фактически будет новая политическая система» [48].

Вновь и вновь государство само по себе рассматривается этими якобы творческими и недогматическими «марксистами» как корень зла, как форма отчуждения, которая должна быть уничтожена так скоро, как это только возможно. Изображение государства как классово индифферентной формы отчуждения служит тому, чтобы просто поставить капитализм и существующий социализм на одну ступень, выдать последний за столь же отклоняемую форму проявления первого: общественная цель «творческого марксизма» заключается-де в «изменении существующего (буржуазно-капиталистического) общества, форму проявления которого мы находим и в сталинистском, техно-бюрократическом, этатистском обществе» [49]. Философы группы «Праксис» выступают «за упразднение всякой политической власти» [50]. Однако представление о том, чем должно быть заменено буржуазное или социалистическое государство, остается весьма расплывчатым и характеризуется исключительно такими общими понятиями, как свобода, воплощение идеалов гуманизма, преодоление отчуждения и т. д.

Когда Маркович предпосылкой положения, к которому он стремится, называет «наличие достаточного

числа разумных, социализированных и гуманных личностей», «которые руководствуются определенными идеалами общечеловеческого значения» [51], он, без сомнения, говорит о «критических умах» и мелкобуржуазных интеллигентах своего пошиба, которые хотели бы взять в свои руки руководство обществом вместо рабочего класса и его партии.

Что же так не нравится ревизионистам в политической системе, которая великолепно зарекомендовала себя в странах социалистического содружества назло всем враждебным выпадам? Это — существование центральной власти, которая в качестве политической организации трудящихся под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинской партии определяет основные направления развития общественной жизни и при этом привлекает трудящихся к участию в ней на всех уровнях. Эта диалектическая взаимосвязь демократии и централизма объективно обусловлена социалистическим базисом. Эту объективную диалектику и отрицают сегодняшние ревизионисты. Для них демократия и централизм взаимоисключают друг друга; отсюда и вытекает их понимание демократии как далеко идущего упразднения централизованного руководства и планирования. Эта система, как они ее называют, «прямой демократии» противопоставляется ими в качестве идеала социалистическому государству.

«Эта система прямой демократии,— пишет, например, Роже Гароди,— приближается к модели Парижской коммуны, в которой Маркс обнаружил существенный элемент социалистической демократии» [52]. Здесь Гароди, как и в своем более позднем сочинении [53], явно ссылается на Маркса, чтобы поддержать свои ревизионистские взгляды. Впрочем, в этом пункте взгляды ревизионистов сходятся с представлениями леворадикальных идеологов. В таком же духе, как возврат к Марксу и Энгельсу, подает Враницкий тезис о свертывании центральной государственной власти при социализме [54], а Гайо Петрович интерпретирует представление Маркса о Парижской коммуне в работе «Гражданская война во Франции» в духе преодоления государства после социалистической революции. Государство, как якобы полагал Маркс, должно быть упразднено и заменено демократией производителей. Его место должно занять прямое управление предприятиями со сторо-

ны непосредственных производителей, над которыми больше не должна стоять никакая чуждая, регламентирующая их власть в виде государственного аппарата [55].

Однако попытка выдать такое представление за марксистское — это с многих точек зрения фальсификация подлинных взглядов Маркса и Энгельса, и объективно она должна служить ослаблению реального социализма.

Когда Марксу и Энгельсу приписывается, что они понимали под государством «с его бюрократической, партийной и парламентской иерархией... политическую форму человеческого самоотчуждения», которая вследствие этого должна быть упразднена социалистической революцией, потому что она может «очень легко превратиться в новую власть над производителями» [56], то основателям научного коммунизма пытаются навязать представление о государстве «в себе», в соответствии с которым оно, по существу, является органом угнетения масс, бюрократическим, при всех условиях возвышающимся над ним учреждением [57].

То, что Маркс и Энгельс высказывались также и о сущности государства в коммунистическом обществе [58], вообще не принимается во внимание. Это новое, социалистическое государство, диктатура пролетариата, не является, конечно,— и Маркс и Энгельс многократно указывали на это — государством в собственном смысле слова, т. е. органом классового угнетения с целью увековечения классового господства, но государством, осуществляющим свое упразднение. Когда они говорили об упразднении государства путем социалистической революции, то имели в виду устранение не всякого по сути дела государства вообще, а только эксплуататорского государства [59]. Существование государства при социализме они считали еще необходимым в течение определенного периода, о котором высказывались лишь в самых общих выражениях. Условия отмирания государства были впоследствии детально разработаны Лениным в его книге «Государство и революция», где, опираясь на высказывания Маркса и Энгельса, он показал, что материальные и идеологические условия для окончательного отмирания государства будут созданы только в фазе зрелого коммунистического общества. Всеобщей предпосылкой этого должно быть всесторон-

нее развертывание социалистической демократии, которая устраняет и чуждые сущности социализма бюрократические тенденции в государственном аппарате. Совершенно очевидно, что ложное отождествление упразднения государства социалистической революцией, относящегося к буржуазному классовому государству, с устранением государства вообще служит таким ревизионистам, как Фишер, Марек, Враницкий и другие, для того, чтобы существующую в стране социалистического содружества глубоко демократическую государственную власть ошельмовать как «диктаторскую» и распространять миф об «этатизме». С другой стороны, фальсификация идей Маркса и Энгельса состоит в том, что им приписываются такие ревизионистские представления о кооперативной собственности, которые исключают далеко идущую централизацию средств производства.

Когда ревизионисты направляют свои выпады против централизованного государственного планирования и руководства развитием общества в целом при социализме, которые как раз и являются последовательным выражением сознательного строительства социалистического общества рабочим классом, они выступают за замену социалистической собственности на средства производства групповой собственностью, за замену централизованного государственного планирования и руководства автономным управлением предприятиями, городами, общинами и т. п.[60] Следствием этого было бы то, что на принятие важных решений в экономическом секторе понимаемого таким образом «социализма» не влияли бы ни директор предприятия, ни рабочие, а только рыночная стихия. Такого рода теория оказывается не чем иным, как одобрением анархистского рыночного хозяйства.

Децентрализация в сфере осуществления рабочим классом политической власти ведет не к «упразднению отчуждения», а лишь к раздроблению сил рабочего класса. Взгляды Маркса, по существу, низводятся, таким образом, до уровня мелкобуржуазного социализма прудоновского толка, представляющего собой теоретический источник современного анархо-синдикализма. При таком методе игнорируется критика, которой Маркс подвергал именно этот мелкобуржуазный социализм. Маркс указывал: *«Национальная центра-*

лизация средств производства станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану»[61]. Для Маркса, таким образом, централизация средств производства ни в коей мере не исключала социалистической демократии. Эту сказку современные ревизионисты выкопали из арсенала так называемого коммунизма производственных советов Германии 20-х годов.

Маркс и Энгельс ни в какой период не расценивали осуществление исторической миссии рабочего класса и строительство социализма и коммунизма как стихийный процесс. Уже в «Коммунистическом манифесте» они связывали дело рабочего класса с необходимостью революционной сознательности. И именно в своем анализе уроков Парижской коммуны они указали на пролетарский, классовый характер социалистической демократии и подчеркнули, что буржуазный бюрократический централизм непременно должен быть преодолен демократическим централизмом рабочего класса.

В «Гражданской войне во Франции» Маркс ни в коей мере не высказывался против централистской государственной власти вообще, а только против бюрократического централизованного государственного аппарата эксплуататорских классов. Центральную, тесно связанную с трудящимися власть Маркс считал безусловно необходимой. Как известно, он писал по этому вопросу: «Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены,— такое утверждение было бы сознательным подлогом... Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства»[62]. Необходимость централизованной власти рабочего класса Маркс особенно подчеркивал в борьбе с теми, кто выступал за реакционную децентрализацию, т. е. за замену централизации «провинциальным и местным вотчинным влиянием помещичьих усадеб...»[63].

Этой проблемой занимался и Ленин. Он защищал взгляды Маркса в борьбе с ревизионистами, которые, подобно своим нынешним эпигонам, выступали против всякого централизма. «Бернштейну,— писал Ленин,— как всякому филистеру, централизм рисуется, как неч-

то только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему»[64].

Нет лучшего доказательства полного соответствия между взглядами Маркса и Энгельса и основывающейся на них политикой коммунистических и рабочих партий, чем громадные успехи в строительстве развитого социалистического общества и прежде всего в переходе к строительству коммунизма в Советском Союзе.

Все усилия «марксологов» обречены на неудачу перед лицом этой социальной реальности.

3. О БУРЖУАЗНОЙ ЛЕГЕНДЕ ОБ «ОТЧУЖДЕННОМ», «ЭТАТИЧЕСКОМ» СОЦИАЛИЗМЕ

Как мы уже говорили в предыдущем разделе, для современного ревизионизма характерно утверждение, будто дальнейшее существование государства в социалистических странах, его укрепление и упрочение тождественны сохранению человеческого отчуждения и противоречат представлению Маркса о его упразднении. Правящие коммунистические партии обвиняются в том, что они якобы не ставят в качестве основного принципа своей политики ликвидацию отчуждения, а, напротив, всесторонним укреплением государства способствуют сохранению и даже воспроизводству отчуждения.

Поскольку ревизионисты в своих нападках ссылаются на Маркса, встает вопрос, что же действительно понимал Маркс под отчуждением и как это понятие искажается «марксологами», чтобы использовать его для идеологических диверсий против реального социализма и для обоснования требования об упразднении социалистического государства[65].

Понятием «отчуждение» Маркс характеризовал в основном общественное отношение товарного производства, основанное на капиталистической частной собственности на средства производства. Рабочим в этих условиях не принадлежит произведенная ими продукция; она противостоит им вследствие этого как независимая, чуждая сила. Чем больше создает рабочий, тем большей становится господствующая над ним сила, утверждает Маркс. Таким образом, от рабочего отчуждается его собственная производительная деятельность, труд как существенное проявление человеческой жизнедеятельности. Как следствие этого отчужденного труда явления отчуждения проявляются во всех других областях — политике, идеологии, культуре и т. д.

Таким образом, с помощью взятого у классической немецкой философии понятия отчуждения Маркс описал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» формы проявления капиталистической эксплуатации и тем самым наполнил содержанием это абстрактное понятие [66]. Правда, это понятие все еще остается во многих отношениях эмоциональным и неподходящим для всестороннего точного отображения капиталистических отношений. В определенной мере оно отражает уровень знаний Маркса в то время, когда он только что начал заниматься проблемами политической экономии капитализма. Понятие отчуждения с его лишь вкратце очерченными здесь значениями позднее, когда Маркс в «Капитале» раскрыл сущность и законы движения капиталистической общественной формации, было заменено более точными категориями политической экономии, такими, как прибавочная стоимость, капитал, товарный фетишизм, денежный фетишизм и т. д.

Этим объясняется также, почему в произведениях, созданных им после написания «Немецкой идеологии», понятие отчуждения больше не играет никакой существенной роли. В этой книге Маркс и Энгельс впервые в виде стройной системы изложили основные идеи своего диалектико-материалистического понимания истории и подвергли критике Макса Штирнера, между прочим, и за «произвол, с каким он любое отношение представляет... как отношение отчуждения...». Речь как раз шла не о том, чтобы все сводить «к со-

вершенно абстрактной фразе об отчуждении», но «изобразить действительных индивидов в их действительном отчуждении и в эмпирических условиях этого отчуждения...» [67]. Таким образом, Маркс и Энгельс придали историко-материалистическое содержание понятию отчуждения, с тем чтобы «пользоваться пока еще этим философским выражением» [68], и тем самым устранили свойственный ему антропологизм.

Они, следовательно, ни в коей мере не понимали отчуждение как явление, связанное с человеческой деятельностью на все времена, а определяли с помощью этого понятия положение дел, которое обусловливалось частной собственностью на средства производства, прежде всего эксплуатацию человека человеком и бессилие людей по отношению к общественным отношениям, стихийно созданным ими самими. Становится ясно, что понимаемое таким образом отчуждение должно необходимо исчезнуть с уничтожением частной собственности пролетарской революцией. Ведь в условиях общественного производства продукция, а также общественные институты не могут больше становиться самостоятельными по отношению к их производителям и господствовать над ними как чуждая сила, общественные отношения являются очевидными, общественный процесс в целом становится в возрастающей степени сознательным. Для Маркса и Энгельса, следовательно, отчуждение — это не антропологическое, общечеловеческое состояние, а исторически-конкретное, связанное прежде всего с капитализмом явление.

Как раз это игнорируют современные ревизионисты и с ними большинство «марксологов». Они превращают отчуждение в абстрактную, внеисторическую категорию, которая якобы коренится в истории человечества и сможет быть упразднена, если будет вообще упразднена, только в далеком коммунистическом будущем [69]. Ликвидация отчуждения вследствие этого является-де главной проблемой как в период социализма, так и при переходе к коммунизму.

Под отчуждением стали понимать все те отношения, порядки и т. д., которые мешают проявлению человека как «свободной творческой сущности практики» и делают его объектом подчинения [70].

Поэтому, мол, самый существенный вопрос социализма — это «вопрос новых общественных отношений... при которых человек постепенно перестает быть только объектом подчинения»[71]. Отсюда «проблема отчуждения и человека, с соответствующей проблематикой в социально-политической области по вопросам государства, политики, партии, а также по конкретным вопросам политических и экономических мероприятий, стала центральной проблемой всей идеологической дискуссии»[72].

К отношениям или учреждениям, которые, таким образом, должны представлять собой чуждую по отношению к человеку, господствующую над ним силу, ревизионисты относят и государство при социализме. Ссылаясь на замечание Маркса о Парижской коммуне в «Гражданской войне во Франции» как о революции против государства, являющегося сверхъестественным выкидышем общества, Предраг Враницкий дает следующее фальсифицированное толкование этого места: «Коммуна была олицетворением мыслей, которые с 1843 года красной нитью проходят через все размышления Маркса и Энгельса. Государство с его бюрократической, партийной и парламентской иерархией является политической формой человеческого самоотчуждения. Как особая форма организации и управления обществом, служащая совершенно определенным классовым целям, оно очень легко может и при социализме превратиться в новую власть над производителями. Государство поэтому должно быть упразднено социалистической революцией. Преодоление этой формы политического отчуждения Маркс и видел как раз в системе, которую открыла Парижская коммуна»[73].

Как мы показали в предыдущем разделе, Враницкий вопреки фактам утверждает, будто в странах социалистического содружества отошли от этой марксовой мысли. С созданием сильного централизованного государства и его аппарата, во владении которого к тому же находятся основные средства производства, снова якобы возникает власть над людьми и тем самым новое отчуждение.

В том же духе шельмует социалистическую государственную власть и Эрнст Фишер, когда он пишет, будто социализм не только перетаскивает из капита-

листического общества старое самоотчуждение, «но с переходом власти из рук революционно-демократического органа в руки центральных инстанций, с институционализированием и бюрократизированием возникает *новое* отчуждение» [74].

Здесь вновь становится очевидным мелкобуржуазно-индивидуалистическое отвращение представителей современного ревизионизма к демократическому централизму как основному принципу социалистической государственной власти: отрицание всякого подчинения демократически принимаемым решениям вышестоящих государственных органов, без которых не может осуществляться никакая воля общества в целом, никакое планомерное развитие всего социалистического общества. Все, что ограничивает эту субъективистски понимаемую свободу мелкого буржуа, оценивается современными ревизионистами как отчуждение. Сюда относится и государство. Его изображают совершенно классово нейтральным, как орган власти «в себе», который возвышается над обществом, над индивидом и господствует над ними как чуждая сила. В этом смысле понятие политического отчуждения, которое Маркс иногда применял, лишается своего реального классового содержания.

В действительности Маркс и Энгельс проводили четкое различие между буржуазным классовым государством и государством диктатуры пролетариата, возникающим в результате социалистической революции. Первое они понимали как проявление государства в собственном смысле слова, т. е. как органа господства угнетающего меньшинства над эксплуатируемыми классами и слоями общества. Они считали, следовательно, что обладающий общественным руководством класс угнетателей использует его в своих целях и оно, таким образом, отчуждается от общества в виде бюрократической власти. Это прежде всего подтверждается тем, что трудящиеся отстранены от политического руководства, что им отказано участвовать в управлении, что их подавляет бюрократический аппарат власти. Вот почему Маркс и Энгельс и требовали разрушить эту бюрократическую, отчужденную от общества силу и заменить ее новым органом власти, с тем чтобы ликвидировать явления политического отчуждения. Такой орган они усмотрели в Париж-

ской коммуне, которая хотя и была еще государством, т. е. политическим органом власти победоносного рабочего класса для подавления свергнутого класса угнетателей, но в то же время не была уже больше государством в собственном смысле слова, ибо ее функции состояли не в увековечении классового господства, а в развитии и формировании нового общества, цель которого — уничтожение классов.

Поскольку реальный социализм и его государственная власть не отвечают анархо-синдикалистским намерениям современных ревизионистов, они клеветнически изображаются как бюрократические и «этатические». Под этим ревизионистские философы группы «Праксис», в частности, понимают деградировавшее социалистическое общество, в котором вырванные у буржуазии средства производства находятся в руках якобы стоящей над обществом и угнетающей его государственной бюрократии [75]. Такое изображение реально существующего социализма — верх клеветы и искажения фактов, злонамеренная фальсификация, не выдерживающая никакой критики [76].

Централизация средств производства в руках социалистического государства, о которой говорил Маркс, вытекает в качестве объективной необходимости как из высокой степени обобществления производства, так и из общественной собственности на средства производства. В соответствии с характером социалистических производственных отношений государственное руководство вовсе не авторитарно, а напротив, максимально демократично. Единство демократии и необходимого центрального планирования и руководства процессом развития общества в целом достигается с помощью принципа демократического централизма, уже тысячекратно оправдавшего себя. Перед лицом объективной необходимости концентрации всей общественной собственности в руках социалистического государства, которая обусловливается самим социалистическим способом производства, болтовня о новом отчуждении — очевидная бессмыслица, классовые корни которой заключены в мелкобуржуазном субъективизме и анархо-синдикализме.

Поскольку в результате социалистической революции рабочий класс обладает политической властью, использует ее для строительства нового общества и

при этом привлекает к общественному руководству массы трудящихся, социалистическое государство уже не может выступать в качестве чуждой силы по отношению к обществу. Отныне оно является органом политической власти трудящихся под руководством рабочего класса. Этим и обусловливалась точка зрения Маркса и Энгельса, что с осуществлением диктатуры пролетариата устраняются основы политического отчуждения. Она подтверждена практически развитием политической жизни в социалистических странах. Их политическая организация соответствует очерченным Марксом в «Гражданской войне во Франции» принципам: парламенты или советы — это работающий орган, в котором упраздняется участие буржуазии в руководстве государством; их члены являются выборными и в любое время могут быть отозваны; в государственную деятельность по управлению и руководству обществом вовлекаются широкие круги трудящихся.

Не может быть и речи о том, что социализм неизбежно производит политические формы отчуждения. Высказывания, утверждающие обратное, направлены против демократического централизма, клеветнически изображают социалистическую демократию как «этатизм» и «бюрократический централизм», якобы вызывающие «политическое бессилие индивидуума». Маркович демагогически ссылается при этом на предостережения Маркса и Ленина об опасности возникновения новой бюрократии после социалистической революции [77]. Однако стремиться интерпретировать такие предостережения в духе анархизма и обосновывать тем самым требование упразднения социалистического государства — значит грубо искажать взгляды Маркса и Энгельса. Сошлемся в этой связи на их критику классово индифферентного мятежа Бакунина против авторитета государства «в себе»: «Под государством он разумеет всякую политическую власть, революционную или реакционную...

И он заявляет, что все революционеры, которые на следующий день после революции хотят «строить революционное государство», гораздо опаснее всех существующих правительств...» [78]

Защищая подобные путаные взгляды, сегодняшние ревизионисты открыто предают интересы рабочего

класса и с контрреволюционных позиций выступают против реального социализма. Маркс и Энгельс решительно противостояли представлению, будто бы после завоевания политической власти рабочий класс не нуждается больше ни в каком государстве. Энгельс писал в 1883 г., что он и Маркс постоянно придерживались той точки зрения, что «рабочий класс должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому. Это можно прочесть уже в «Коммунистическом манифесте», написанном в 1847 г., глава вторая, заключительная часть.

Анархисты ставят все на голову. Они заявляют, что пролетарская революция должна *начать* с упразднения политической организации государства. Но единственная организация, которую пролетариат застает в готовом виде после своей победы,— это именно государство. Правда, это государство требует очень значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции. Но разрушить его в такой момент — значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный пролетариат может использовать только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовым убийством рабочих...» [79]

Правильность этого вывода убедительно демонстрируется в странах социалистического содружества, так как здесь уничтожена эксплуатация человека человеком и рабочий класс в союзе с другими трудящимися, при помощи своего социалистического государства, все лучше овладевает объективными законами общественного развития, с тем чтобы сознательно контролировать и использовать их, чтобы заново организовать общество и осуществить экономическую революцию в соответствии с указанием Энгельса. Характерная черта этого процесса — все расширяющееся вовлечение трудящихся в руководство и управление их собственными общественными делами на разных ступенях и уровнях государственной власти.

В противоположность Марксу, который понимал

под отчуждением господство над человеком отношений и институтов классового общества, в особенности капитализма, современные ревизионисты интерпретируют отчуждение, совершенно абстрагируясь от его классового содержания, как всякое подчинение человека существующим отношениям и институтам. Их утверждение, будто социалистическое государство представляет собой новую форму отчуждения и несовместимо с «подлинными» взглядами Маркса, оказывается клеветой на учение Маркса и его фальсификацией, направленной на ослабление и ликвидацию социалистической государственной власти. Фактически же изображаемый ревизионистами Маркс отчужден от подлинного Маркса.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах мы подробно рассмотрели фальсификации творчества Маркса и Энгельса, на которых в настоящее время концентрируют свое внимание буржуазные идеологи. В заключение следует в сжатом виде изложить полученные выводы, касающиеся сущности и функций «марксологии», ее главных политико-идеологических целей, ее методов, а также причин ее убожества.

Во всемирном противоборстве между рабочим классом и исторически обреченной буржуазией «марксология» становится интегрирующей составной частью буржуазной идеологии. Со времени соединения научного коммунизма с рабочим движением, а в особенности со времени его победы над всеми буржуазными и мелкобуржуазными фракциями и течениями социализма, постоянно умножаются попытки оклеветать, фальсифицировать и опровергнуть марксово учение. В своей исторически обусловленной защитной реакции на поступательное развитие рабочего класса и его научной идеологии, обоснованной Марксом, Энгельсом и Лениным, «марксология», по существу, неразрывно связана с антикоммунизмом как основной чертой буржуазной идеологии. Поэтому растущий и все более усиливающийся интерес буржуазных идеологов к Марксу и Энгельсу после второй мировой войны, особенно в последние годы, никоим образом нельзя расценивать лишь как выражение подлинного интереса к марксизму. Рост фальсификаций идейного наследия Маркса и Энгельса представляет собой в первую очередь реакцию буржуазной идеологии на успехи социализма и международного коммунистического дви-

жения, а также на обострение противоречий капиталистической системы, т. е. на факторы, которые в совокупности повышают притягательную силу марксизма-ленинизма. «Марксология» является в этом отношении выражением кризиса буржуазной идеологии. Всесторонняя борьба с Марксом, Энгельсом и Лениным, обусловленная наступлением социализма и изменением международного соотношения сил в пользу социализма, находится в прямой связи с обострением идеологической классовой борьбы. Это вынуждает империализм прибегать к различного рода приспособлениям и в области идеологии.

В этой острой идеологической борьбе между социализмом и капитализмом фальсификация взглядов Маркса и Энгельса выполняет две тесно связанные друг с другом функции.

С одной стороны, она должна служить тому, чтобы разлагать идеологически страны социалистического содружества и мировое коммунистическое движение. С другой стороны, перед ней ставится задача противостоять растущей притягательной силе марксизма-ленинизма.

Из ее функций, объективно обусловленных классовой борьбой, вытекают политико-идеологические цели, которые она призвана осуществлять в современной классовой борьбе. *Эти цели независимы от субъективных взглядов различных буржуазных идеологов.* Даже если они находятся под определенным влиянием идей Маркса и Энгельса, все равно их мышление определяется антикоммунизмом, враждебностью к реальному социализму и к коммунистическому движению. Конечно, их цели заведомо иллюзорны, так как они направлены против сил, которые, как показывает весь предыдущий ход истории со времени возникновения революционного рабочего движения, представляют собой носителей неудержимого исторического прогресса.

В качестве основных *политико-идеологических целей* фальсификаций Маркса и Энгельса можно назвать следующие.

Во-первых, «марксологи» самых различных направлений пытаются своими специфическими средствами ослабить реальный социализм. Для этого они фальсифицируют идеи Маркса и Энгельса таким образом, чтобы они могли использоваться против стран социали-

стического содружества. Не случайно, что эти старания занимают основное место. Ведь реальный социализм — это живая альтернатива империализму, которая, несмотря на все проблемы развития, возникающие в ходе социалистического строительства, демонстрирует все более убедительно, что все коренные жизненные проблемы трудящихся могут быть решены только таким общественным строем, в котором трудящиеся сами осуществляют политическую власть и владеют производительными силами. Поэтому империалистическая буржуазия предпринимает всяческие усилия, чтобы вновь покончить с социализмом. Так как военные средства оказались непригодными, а политические и экономические также не имели успеха, она возлагает все большие надежды на подрывную идеологическую деятельность, чтобы таким путем легче «проникнуть» в социалистические страны. При этом значительное место занимают различные «марксологические» варианты, которые пытаются преподнести идеи Маркса и Энгельса как противоречащие реально существующему социализму. В стараниях использовать основателей научного коммунизма как главных свидетелей против реального социализма империалистические идеологи прибегают преимущественно к аргументам ревизионистских «марксологов» правого и левого толка, маскирующих свою враждебность к социализму относительно утонченными антикоммунистическими методами, в которых антикоммунистические цели прикрываются требованиями «Назад к подлинному Марксу! «Истинный» социализм еще не создан».

Для реализации целей, объективно вытекающих из ее классового заказа, «марксология» — и в этом наглядно проявляется ее нищета — вынуждена прибегать к двойной фальсификации:

она должна искажать взгляды Маркса и Энгельса о социалистическом обществе. Так, Маркс неоднократно представляется как теоретик так называемого демократического социализма и ему приписываются взгляды, согласно которым он якобы считал диктатуру пролетариата лишь кратким эпизодом пролетарской революции, за которым должна будет последовать «чистая демократия». Или Маркса изображают как антропологического мыслителя, идеи которого ограничивались только человеческим отчуждением и его ликвидацией

и для которого государство было принципиально выражением отчуждения;

эти различные варианты фальсификации Маркса неразрывно связаны с оклеветанием и искажением социалистической действительности. При этом значительную роль играет империалистическая доктрина тоталитаризма.

Тезисы и утверждения «марксологов» именно потому, что они представляют собой фальсификации, с самого начала строятся на зыбкой основе. Это выявилось в идеологической борьбе последних лет, в ходе которой были разбиты ревизионисты внутри коммунистического движения. Деятельность ревизионистских сил в ЧССР наряду с этим также доказала, что все попытки под флагом «гуманистического» марксизма — как они называют свою ревизию марксизма-ленинизма — осуществить контрреволюционные цели и ликвидировать социализм обречены на провал. Вся неразрешимость задач «марксологии» проявляется перед лицом того неоспоримого факта, что реально существующий социализм и марксизм-ленинизм представляют неразрывное единство, что идеи научного коммунизма стали социальной реальностью в странах социалистического содружества.

Вторая политико-идеологическая цель заключается в том, чтобы поставить под вопрос значение ленинизма как марксизма нашей эпохи. Для этой цели конструируются противоречия между Марксом, Энгельсом и Лениным. И на это существуют свои причины. Ведь ленинизм доказал, что он является интернациональной теоретической основой всего мирового коммунистического движения и социалистического содружества. Для того чтобы предотвратить наступление марксизма-ленинизма и расколоть международное коммунистическое движение, изолировать СССР и КПСС, империалистические идеологи пытаются представить ленинизм лишь русским вариантом марксизма, «русифицированным» марксизмом. Поэтому в 60-е годы все сильнее обозначилась тенденция противопоставить взгляды Маркса и Энгельса взглядам Ленина, выдать ленинизм за «отход» от марксизма. Именно под этим углом зрения нужно рассматривать различные фальсификации, которые направлены на то, чтобы представить Маркса и Энгельса теоретиками стихийности. Им при-

писывается взгляд, что сознание рабочего класса развивается якобы стихийно, что для этого не нужна партия; поэтому, как полагают «марксологи», у Маркса и Энгельса не было теории партии.

В действительности же взгляды Маркса, Энгельса и Ленина по всем основным вопросам полностью совпадают. Великая, бессмертная заслуга Ленина состоит в том, что он применил марксово учение в новых условиях империализма и творчески развил его дальше. Ленин дал ответы на самые актуальные вопросы, поставленные ходом исторического развития, всесторонне развил теорию социалистической революции и строительства коммунистического общества, вооружил российское, все международное революционное движение научно обоснованной стратегией и тактикой, возглавил борьбу рабочего класса за претворение идеалов социализма в жизнь. Социализм, превращенный Марксом и Энгельсом из утопии в науку и обогащенный Лениным новыми выводами и открытиями, воплотился в социальную практику всемирно-исторических масштабов, стал основной революционной силой нашего времени [1].

Другими словами: только марксизм, развитый Лениным, *марксизм-ленинизм* мог дать ответ на основные теоретические и тактические вопросы, связанные с империалистической стадией капитализма. Попытки многих «марксологов» поднять на щит фальсифицированного Маркса как якобы «истинного Маркса», отделив его одновременно от Ленина, столь же бессмысленны, как и попытки внушить физикам, что подлинная физика идет от Ньютона, а теория Эйнштейна — отклонение от нее. Выдвинутый различными «марксологами» лозунг «От Ленина — назад к подлинному Марксу» разоблачает себя как наступление на марксово учение, как попытка помешать осуществлению на практике марксизма-ленинизма. Насколько беспомощны эти усилия «марксологии» противопоставить фальсифицированного Маркса столь же фальсифицированным взглядам Ленина, чтобы тем самым подорвать коммунистическое движение, продемонстрировало единодушное принятие призыва «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве. В нем говорится: «Весь опыт мирового социа-

лизма, рабочего и национально-освободительного движения подтвердил международное значение марксистско-ленинского учения. Победа социалистической революции в группе стран, возникновение мировой системы социализма, завоевания рабочего движения в странах капитала, выход на арену самостоятельной общественно-политической деятельности народов бывших колоний и полуколоний, небывалый подъем антиимпериалистической борьбы — все это доказывает историческую правоту ленинизма, выражающего коренные потребности современной эпохи» [2].

Теория Маркса и Ленина, марксизм-ленинизм, представляет собой единое и целостное учение, прочно укоренившееся в международном коммунистическом движении. Поэтому все попытки отыскать какие-либо противоречия между Марксом и Лениным и использовать их в идеологической диверсии являются с самого начала бессмысленным занятием.

Третья, тесно связанная с обеими предыдущими политико-идеологическая цель состоит в расколе единства и сплоченности марксизма-ленинизма. Для этого применяется буржуазная концепция плюрализма в марксизме, и из нее выводится существование различных «марксизмов». Эта целеустановка — составная часть империалистической стратегии политического и идеологического раскола мирового коммунистического движения с помощью ревизионизма, для того чтобы устранить одно из решающих условий дальнейшего изменения соотношения сил в пользу социализма. При этом наглядно проявляется исторически оборонительная позиция буржуазной идеологии; ибо в борьбе с коммунистическим и рабочим движением она вынуждена отчасти рядиться в псевдомарксистские одежды. Для того чтобы проникнуть в коммунистические партии и в их рядах проповедовать ревизионистские отклонения от марксизма-ленинизма, «марксологи» пытаются создать впечатление, будто бы действительно существуют различные равнозначные толкования марксова учения. При этом выдвинутые «марксологией» различные и часто друг другу противоречащие «портреты» и «интерпретации» Маркса используются для того, чтобы внушить, что существует плюралистический марксизм. Так, например, «гуманистический Маркс» противопоставляется «Марксу-ученому». Дру-

гие утверждают, что истинный марксизм по своей сущности есть «критическая теория общества», а никак не мировоззрение, охватывающее природу и общество.

Эти различные интерпретации связаны с утверждением, что якобы имеются какие-то противоречия между Марксом и Энгельсом, а также противоречащие друг другу рассуждения у самого Маркса и что тем самым не может быть и речи о марксизме как о едином и целостном учении.

Имеются и такие буржуазные идеологи, которые прямо занимаются составлением каталогов имеющихся внутри марксизма противоречий. Однако такого рода противоречия существуют, как мы смогли доказать, не в марксизме, а лишь в голове тех, кто их изобретает. Теория Маркса и Энгельса ни в коем случае не является разобщенной, наоборот, она представляет собой целостную научную систему. Различия или противоречия, которые выискивают «марксологи», проистекают, как уже было отмечено в другом месте, из внутренней раздробленности буржуазной идеологии, ее различных философских и политических позиций, имеющих вид множества кривых зеркал, в которых один и тот же марксизм преломляется самыми различными способами.

С возникновением марксизма философия и социальная теория впервые стали точной наукой. Говорить о том, что различные, в том числе противоречащие друг другу, точки зрения об одном и том же обществе могли бы быть равноправными, следовательно, одинаково верными, и, стало быть, никто не в состоянии сказать, какая из них правильная,— говорить об этом было бы столь же абсурдно, как утверждать, с точки зрения современной астрономии, будто бы геоцентрическая и гелиоцентрическая системы одинаково верны и могли бы с одинаковым основанием существовать параллельно.

Дилемма «марксологии», которая пытается доказать существование плюралистического марксизма, фальсифицируя при этом самыми различными способами Маркса, состоит не только в том, что ее усилия вновь и вновь разоблачаются как подлог, но и прежде всего в том, что коммунистические и рабочие партии и в особенности реально существующий социализм постоянно демонстрируют на практике, что учение Мар-

кса с большим успехом используется ими как руководство к действию. Наконец, нищета «марксологии» становится очевидной также и потому, что международное коммунистическое движение вышло из всех схваток с буржуазной идеологией еще более усилившимся.

Четвертая политико-идеологическая цель оказывается не менее иллюзорной. Она состоит в том, чтобы опровергнуть всеобщую действенность учения Маркса и Энгельса по всем вопросам современного мирового революционного процесса и объявить ее устаревшей. Для этой цели основоположники научного коммунизма объявляются видными теоретиками XIX столетия, которые, однако, в изменившихся условиях потеряли сегодня свою актуальность. В особенности устаревшим вследствие мнимого изменения характера капиталистического общества объявляются марксово учение о закономерном неизбежном крахе капитализма и победе социализма, а также его учение о классовой борьбе и исторической миссии рабочего класса. Все это совершенно очевидно служит идеологическому обеспечению империалистической системы господства и дискредитации прогрессивных сил, в первую очередь коммунистов в капиталистических странах. Однако подобного рода критики Маркса и Энгельса стоят на довольно зыбкой почве, ибо они основываются прежде всего на иллюзорной оценке современного капитализма как изменившегося в своей сути общества, для которого история «открыла путь в будущее». В действительности не может быть и речи об изменении сущности капитализма. Расхваливаемые буржуазными идеологами «существенные перемены» оказываются исключительно изменением определенных явлений и сторон капиталистического общества, сущность же его, которую анализировали Маркс и Энгельс, осталась неизменной. Ни капиталистическая анархия производства и стихийность рынка, ни капиталистическая эксплуатация не смогли быть преодолены и ликвидированы мероприятиями государственно-монополистического регулирования. Пролетариат в марксовом понимании продолжает существовать и ведет против эксплуатации монополий и против политики угнетения со стороны буржуазного государства классовую борьбу, в последние годы все более и более усиливающуюся и все сильнее и сильнее тревожащую буржуазию. Критика основных выводов

марксовой теории «марксологами» различных направлений базируется, таким образом, на довольно шаткой основе. Их утверждения и их построения все время разбиваются о капиталистическую действительность, в то время как эта же действительность вновь и вновь подтверждает правильность выводов Маркса и Энгельса. Болтовня и заклинания буржуазных идеологов различных направлений о том, что якобы рабочий класс не является больше революционным и интегрировал в капиталистическую систему, не в состоянии воспрепятствовать ожесточенным классовым боям в капиталистической части мира. Столь же безуспешными оказались попытки ввести в заблуждение коммунистические партии утверждением о том, что якобы факты современного капитализма опровергают учение Маркса и Энгельса. Все попытки ревизионистских сил в некоторых коммунистических партиях развитых капиталистических стран ревизовать марксизм по основным вопросам стратегии и тактики и расколоть эти партии потерпели полное поражение, а сами ревизионистские теоретики натолкнулись на энергичный отпор многочисленных сознательных членов партии и ее руководства. Единодушно принятый на московском Совещании 1969 г. Документ, ставший руководством для собравшихся там коммунистических и рабочих партий в их практической и теоретической деятельности, доказывает, что цели идеологической диверсии не были достигнуты. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать подобным попыткам ту же судьбу и в будущем.

Между целями и *методами* фальсификаций Маркса и Энгельса существует тесная взаимосвязь. Буржуазная идеология и философия изобрели огромное число методов, обширный методологический инструментарий. И применение того или иного метода зависит не только от объекта исследования, но и в существенной мере от его цели. Так, цели буржуазных идеологов, занимающихся фальсификациями Маркса и Энгельса, оказывают определяющее влияние на то, какие методы используются при подходе к их учению.

Так как цели, как мы могли констатировать, являются нереальными и находятся в противоречии с объективными законами развития, то неудивительно, что и методы также ненаучны.

Подводя итог, мы можем назвать следующие распространенные методы, которыми пользуются «маркологи».

Характерна их в большей или меньшей степени метафизическая исходная позиция. Так, высказывания Маркса и Энгельса вырываются из конкретно-исторических взаимосвязей, возникших в ходе развития их взглядов, и абсолютизируются. Такой подход лежит, между прочим, в основе ревизионистской интерпретации Маркса как «философа практики»; при этом мысли, высказанные им в определенный период его духовного развития, когда он, так сказать, находился еще на пути к самому себе, декларируются как зрелые. Это типично и для другой интерпретации Маркса, которая хотя и отказалась от тезиса о противоречии между «молодым» и «зрелым» Марксом, но зато берет за основу интерпретации зрелых произведений Маркса в качестве их философской субстанции по сути своей не совсем еще зрелые идеи Маркса периода до написания «Коммунистического манифеста». В основе разделения и противопоставления «гуманистического» и «научного» Маркса также лежит игнорирование конкретных условий, при которых были сделаны определенные его высказывания.

С этим тесно связаны выделение определенных цитат Маркса и Энгельса из их исторической взаимосвязи, их абсолютизация и схематическое перенесение на другую историческую ситуацию. Это типично, например, для «марксологических» интерпретаций взглядов Маркса и Энгельса на партию. Подобный подход явно виден и в попытках противопоставить Маркса и Энгельса Ленину, оторвать определенные их высказывания от исторической действительности и превратить тем самым в абстрактные тезисы. Этим скрывается, что Маркс и Энгельс жили и творили в совершенно определенных исторических условиях и что поэтому по необходимости различные их тезисы можно понять, только исходя из конкретной исторической ситуации.

Но дело не ограничивается лишь игнорированием конкретно-исторических взаимосвязей, типичны также отрыв определенных основных теоретических идей Маркса и Энгельса, основанных на целом комплексе размышлений и выводов, их одностороннее рассмотрение и фальсификация. Это проявляется в стремлениях

буржуазных идеологов объявить марксову теорию об исторической миссии рабочего класса устаревшей. При этом рассматриваются лишь некоторые экономические, философские и социологические аспекты и оставляется без внимания тот факт, что историческая миссия рабочего класса обоснована именно всей теорией марксизма-ленинизма в целом, что она представляет собой неразрывное единство философских и экономических аспектов, а также элементов научного коммунизма, что ее теоретическое обоснование вытекает из единства всех трех составных частей марксовой теории.

Характерным для метафизического, если смотреть с философской точки зрения, подхода является отрицание диалектической взаимосвязи целого и единичного, сущности и явления. Это особенно отчетливо видно на примере фальсификаций исторической миссии рабочего класса. Примером может служить «аргумент» о том, что сейчас якобы больше уже не существует пролетариата в марксовом понимании, что капитализм в корне изменился и не соответствует более представлениям Маркса, поэтому-де нельзя рассматривать современный мир глазами стопятидесятилетнего теоретика.

Широко распространен также чисто идейно-исторический подход к исследованию взглядов Маркса и Энгельса. Он находит свое выражение в различных вариантах фальсификаций учения Маркса и Энгельса, в различных «портретах» Маркса, которые представляют Маркса как антропологического, экзистенциалистского и тому подобного мыслителя. При этом «маркcологи», как правило, абстрагируются от пролетарско-социалистической точки зрения Маркса и Энгельса. В результате Маркс и Энгельс преподносятся как эпигоны Гегеля или Фейербаха — якобы двух величайших философских умов XIX столетия. Очевидно, что при таком идейно-историческом подходе к учению Маркса и Энгельса не может быть понята сущность их теории — коренное преобразование философии и создание научной теории общества; ибо эта революция в философском мышлении могла быть осуществлена только с позиций рабочего класса, с пролетарско-социалистической точки зрения. Идейно-исторический метод открывает, таким образом, различные возможности для фальсификаций учения Маркса и Энгельса.

Наиболее яркое свое выражение это находит в утверждении о том, что марксизм — это «спасительное учение в платье науки»; это якобы объясняется тем, что Маркс и Энгельс были увлечены верой в прогресс, характерной для XIX столетия. Столь же несостоятельно и абсурдно утверждение о том, будто бы марксизм имеет свои корни в древнееврейском мессианстве.

Методы фальсификаций учения Маркса и Энгельса у отдельных буржуазных идеологов, как правило, очень тесно переплетены друг с другом. По своей сущности они ненаучны. Это следствие отнюдь не духовной беспомощности «марксологов», а их буржуазно-классовой позиции и их функций в классовой борьбе, которые определяют не только мировоззренческо-идеологическое отношение к марксизму, но и виды и способы подхода к нему, методы.

Это объясняет нам причины нищеты «марксологии», которая состоит в том, что все ее попытки опровергнуть учение Маркса и Энгельса, подвергнуть сомнению всеобщую значимость их взглядов для современности или противопоставить их реальному социализму и марксизму-ленинизму терпят фиаско. Дилемма, перед которой стоят «марксологи», состоит не в последнюю очередь в том, что, хотя они уже несколько десятилетий подряд периодически объявляют марксизм умершим или опровергнутым, одновременно с этим они вынуждены вновь и вновь отмечать и ниспровергать тот удивительный факт, что этот «умерший» или «опровергнутый» ими марксизм отличается огромной жизненной силой и его влияние, несмотря на все их усилия, растет из года в год.

Они предпринимают большие усилия для того, чтобы опровергнуть марксизм и доказать, что реальный социализм не соответствует основным взглядам Маркса и Энгельса. Но в конечном итоге оказывается, что объективное воздействие этих попыток идет вразрез с их первоначальным намерением: им не удается ни оторвать классово сознательных рабочих и другие прогрессивные силы в капиталистических странах от марксизма-ленинизма, ни удерживать оппозиционные силы в течение длительного времени вдали от марксизма-ленинизма; ибо нередко те приходят к учению Маркса, Энгельса и Ленина и через «марксологическую» литературу. С этой точки зрения «марксология»

оказывается для буржуазии в известном смысле палкой о двух концах.

Итак, эта нищета не случайна, а неизбежна. Это вытекает из задач, которые поставлены перед фальсификациями Маркса и Энгельса как одного из направлений буржуазной идеологии. Классовый заказ «марксологов» — ликвидировать идейную угрозу буржуазному миру, которая исходит от марксизма-ленинизма, и способствовать путем идеологических диверсий против реального социализма созданию таких условий, при которых можно было бы покончить с ним. Этот заказ, однако, невыполним, ибо социализм воплощает в себе будущее человечества, исторический прогресс, который не могут сдержать никакие силы в мире.

С одной стороны, основанный Марксом и Энгельсом и развитый далее Лениным научный коммунизм — это теоретическое выражение глубокого внутреннего антагонизма капиталистического строя, он представляет собой «не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно,— рабочего класса» [3].

Марксизм-ленинизм неразрывно связан с рабочим классом и в качестве его научной идеологии так же не может быть ликвидирован, как и сам класс. Диалектика развития такова, что одновременно с капитализмом растет рабочий класс и крепнет его социалистическое движение, обостряются противоречия капиталистической системы и, таким образом, постоянно готовится новая почва, на которой могут произрастать и развиваться идея социализма, теория Маркса, Энгельса и Ленина. Поэтому все попытки подорвать марксистско-ленинскую теорию и идею социализма, опровергнуть их оказываются бесперспективными. В этом состоит дилемма, перед которой стоят «марксологи».

С другой стороны, после Октябрьской революции 1917 г. марксизм-ленинизм пустил крепкие корни и одновременно находит источники своей силы прежде всего в социалистическом обществе как живой альтернативе капитализму. Марксизм-ленинизм теперь — это теоретическое выражение не только интересов рабочего класса, стоящего ныне у власти, но и интересов всего социалистического общества. Он представляет собой научно-теоретическую и идеолого-мировоззрен-

ческую основу создания нового, свободного от эксплуатации и угнетения, от всех классовых противоречий строя. Без развитой Марксом, Энгельсом и Лениным теории общества и объективных законов его движения и развития люди не смогли бы взять под свой контроль законы собственной социальной деятельности, которые противостояли им в классовом обществе как чуждая сила, не смогли бы сами сознательно творить свою историю [4].

Марксизм-ленинизм неразрывно связан с развитием социалистического и коммунистического общества, без него нет коммунизма. Он является составной частью исторического прогресса и не может быть упразднен, так же как и сам прогресс. Поэтому с развитием и укреплением социализма неизбежно растет влияние и притягательная сила учения Маркса, Энгельса и Ленина во всем мире. Это объективный процесс, на который буржуазия оказывает все меньшее влияние, это процесс, который происходит против ее воли, это процесс, перед которым она бессильна, но который постоянно вынуждает ее идеологов бороться с марксизмом-ленинизмом. И совершенно естественно, что все усилия и стремления опровергнуть теорию Маркса и Ленина, предпринимаемые буржуазными идеологами в целом и «марксологами» в частности, заканчиваются крахом, а марксизм-ленинизм получает новое подтверждение своей правильности и жизнеспособности.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. «Марксология» — симптом кризиса буржуазной идеологии

[1] См., например, «Marx zur Ansicht». Reinbek bei Hamburg, 1972; *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie. Bonn-Bad Godesberg, 1970; *Dieter Oberndörfer.* Die Arbeitsteilung ist an allem schuld. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 26. September 1972; *Dieter Oberndörfer.* Wenn der Proletarier nicht mehr das Existenzminimum hat. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 30. September 1972; *Dieter Oberndörfer.* Von Gewalt zu Überfluß und Freiheit. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 3 Oktober 1972; *Wolfgang Jäger.* Über der Arbeiterklasse die Elitepartei. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 5. Oktober 1972; *Wolfgang Jäger.* Durch Kulturrevolution zum neuen Menschen. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 7. Oktober 1972.

[2] См. «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». В книге «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 285—330.

[3] «К народам мира (Обращение 22 декабря 1972 г.)». В книге «Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик (в документах)». М., 1973, стр. 693.

[4] См. «Was soll Bonn tun?» Spiegel-Umfrage über innere Reformen. «Der Spiegel», 1970. H. 46, S. 74—94.

[5] *Kurt Hager.* Das «Manigest der Kommunistischen Partei» und der revolutionäre Weltprozeß. Berlin, 1973, S. 49.

[6] См. *Вольфганг Хайзе.* В плену иллюзий. Критика буржуазной философии в Германии. М., 1968, стр. 523.

[7] См. «Verbreitung des Marxismus in der Bundesrepublik». «Marxistische Blätter» (Frankfurt a. M.), 1968, H. 3, S. 45.

[8] Там же, стр. 52.

[9] См. «Das arbeitende Volk muß bestimmen! DKP kontra Großkapital! Bericht des Parteivorstandes an den Parteitag der DKP». Berichterstatter: Genosse Herbert Mies. «Neues Deutschland», 3. November 1973.

[10] См об этом *М. Т. Иовчук.* Ленинизм, философские традиции и современность. М., 1970, стр. 291—305; *Г. Л. Белкина.* Философия марксизма и буржуазная «марксология». Критика западногерманских марксологических концепций генезиса марксистской философии. М., 1972.

[11] См. *Vera Wrona.* Die Offensive des Marxismus-Leninismus und die Krise der Ideologie des Imperialismus. «Einheit», 1973, H. 4, S. 396—399.

[12] См. *Dieter Bergner, Walter Jopke.* Theoretische Probleme des ideologischen Klassenkampfes zwischen Sozialismus und Kapi-

talismus in der Gegenwart. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1968, H. 12, S. 1427.

[13] См. *Е. Д. Модржинская.* Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970, стр. 83—95.

[14] *Zbigniew K. Brzezinski.* Der Rahmen für eine Aussöhnung zwischen Ost und West. «Aus Politik und Zeitgeschichte». Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament», 27. März 1969, S. 10.

[15] *Günther Bartsch.* Den Kommunismus mit seinen eigenen Waffen schlagen. «Die Neue Gesellschaft» (Bielefeld), 1961, H. 5, S. 376.

[16] *В. И. Ленин.* Исторические судьбы учения Карла Маркса. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 3.

[17] См. об этом *М. Т. Иовчук.* Современные проблемы идеологической борьбы, развития социалистической идеологии и культуры. В книге «XXIV съезд КПСС и развитие марксистско-ленинской теории». М., 1971, стр. 150—183; см. также *Е. Д. Модржинская.* Ленинизм и современная идеологическая борьба, стр. 109—117.

[18] См. об этом *Otto Finger.* Politische Tendenzen und philosophische Positionen der Leninismusfälschung. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1969, H. 4, S. 447.

[19] См. «Verbreitung des Marxismus in der Bundesrepublik». «Marxistische Blätter», 1968, H. 3, S. 49. По нашим подсчетам, в ФРГ в 1971 г. вышло в свет приблизительно 68 монографий и сборников (из них 9 новых изданий), содержащих фальсификации жизни и творчества Маркса и Энгельса; в 1972 г.— приблизительно 115 (из них 26 новых изданий).

[20] См. *Hans Adamo.* Antileninismus in der BRD, Frankfurt a. M., 1970, S. 8.

[21] См. *Karl R. Popper.* Falsche Propheten. Hegel, Marx und die Folgen. Die offene Gesellschaft und ihre Feinde, 2. Bd. Bern — München, 1973; *Ralf Dahrendorf.* Thesen zur Marx-Kritik. *Ralf Dahrendorf.* Die Idee des Gerechten im Denken von Karl Marx, Hannover, 1971, S. 165.

[22] См. также *Ernst Topitsch.* Sozialphilosophie zwischen Ideologie und Wissenschaft. Neuwied-Berlin (West), 1966; *Ernst Topitsch.* Mythos, Philosophie, Politik. Freiburg, 1969; *Jakob Barion.* Ideologie, Wissenschaft, Philosophie. Bonn, 1966; *Helmut Klages.* Soziologie zwischen Wirklichkeit und Möglichkeit. Köln, 1968.

[23] *Arnold Künzli.* Karl Marx. Eine Psychographie. Wien — Frankfurt — Zürich, 1966.

[24] *Oswald von Nell-Breuning.* Katholische Kirche und Marxsche Kapitalismus-Kritik. In: «Kritik der politischen Ökonomie heute. 100 Jahre «Kapital». Hrsg. von W. Euchner und A. Schmidt. Frankfurt a. M.— Wien, 1968, S. 91.

[25] См., например, *Iring Fetscher.* Das Buch der Revolutionen. «Die Zeit» Hamburg, 2. März 1973; *Karl Wilhelm Fricke.* Erbe und Mythos einer Utopie. «Rheinischer Merkur» (Koblenz), 23. Februar 1973; *Hermann Weber.* Ein Buch macht Geschichte. «Vorwärts» (Bonn), 1. März 1973.

[26] См. об этом *Andras Gedö.* Der entfremdete Marx. Zur existentialistisch-«humanistischen» Marxismus-Deutung. Berlin, 1971.

[27] *Günter Heyden.* Vorwort zur deutschen Ausgabe. «Ideologie des Sozialdemokratismus in der Gegenwart». Berlin, 1971, S. 5.

[28] См. *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie.

[29] См., например, «Idee und Wirklichkeit. Gespräch mit Bundeskanzler Willy Brandt». «Die Neue Gesellschaft» (Bonn-Bad Godesberg), 1970, H. 1, S. 28—30; *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 20—21.

[30] См. «Ideologie des Sozialdemokratismus in der Gegenwart», S. 355—364.

[31] См. также *Ernst Fischer.* Kunst und Koexistenz. Beiträge zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg, 1969; *Ernst Fischer.* Was Marx wirklich sagte. Unter Mitarbeit von Franz Marek. Wien — Frankfurt — Zürich, 1968; *Roger Garaudy.* Die große Wende des Sozialismus. Wien — Münschen — Zürich, 1970.

[32] См. также «Revolutionäre Praxis. Jugoslawischer Marxismus der Gegenwart». Hrsg. von Gajo Petrovic. Freiburg, 1969.

[33] См. *А. Козинг.* Эрнст Фишер — современный марксист? М., 1971; *Бауэр Илеана* и *Липерт Анита.* Коварная проповедь ренегата, или Крутой поворот Р. Гароди. М., 1973; *Alfred Kosing.* Die Verfälschung und Preisgabe der materialistischen Dialektik durch den modernen Revisionismus. "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", 1972, H. 2, S. 204—215.

[34] См. об этом *Ю. Жилин.* Некоторые проблемы борьбы против ревизионизма на современном этапе. «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 8, стр. 4—15.

[35] См. об этом *К. М Кантор.* Соотношение социальной организации и индивида в условиях научно-технической революции. «Вопросы философии», 1971, № 10, стр. 39—51; *К. М. Кантор.* Научно-техническая революция и современный рабочий класс. «Вопросы философии», 1971, № 12, стр. 30—42.

[36] См. *Roger Garaudy.* Die große Wende des Sozialismus; *Predrag Vranicki.* Geschichte des Marxismus, I. Bd. Frankfurt a. M., 1970, S. 198—203; *Ernst Fischer.* Was Marx wirklich sagte, S. 129.

[37] См. об этом *Роберт Штейгервальд.* «Третий путь» Герберта Маркузе. М., 1971, стр. 34—53.

[38] См. об этом также "Die "Frankfurter Schule" im Licht des Marxismus. Zur Kritik der Dialektik und Soziologie von Horkheimer, Adorno, Marcuse, Habermas". Frankfurt a. M., 1970.

[39] См. *Max Horkheimer.* Traditionelle und kritische Theorie. *Max Horkheimer.* Kritische Theorie. Eine Dokumentation. Hrsg. von Alfred Schmidt, 2. Bd. Frankfurt a. M., 1972, S. 125; См. также *Alfred Schmidt.* Nachwort des Herausgebers. *Max Horkheimer.* Kritische Theorie, S. 346 ff.

[40] См. *Alfred Schmidt.* Zum Verhältnis von Geschichte und Natur im dialektischen Materialismus. In: *Alfred Schmidt.* Existentialismus und Marxismus. Eine Kontroverse zwischen Sartre, Garaudy, Hyppolite, Vigier und Orcel. Frankfurt a. M., 1965, S. 106.

[41] См. об этом *Kurt Reiprich.* Die philosophisch-naturwissenschaftlichen Arbeiten von Karl Marx und Friedrich Engels. Berlin, 1969; *Robert Steigerwald.* Herbert Marcuses dritter Weg. Berlin, 1969, S. 28—34; *А. Геде.* Ф. Энгельс в современной теоретической борьбе. «Проблемы мира и социализма», 1970, № 9, стр. 63—66.

[42] См. *Max Horkheimer.* War Marx ein falscher Prophet? Zum 150. Geburtstag. "Suddeutsche Zeitung" (München), 4.-5. Mai 1968.

[43] См., например, *Herbert Marcuse.* Versuch über die Befreiung. Frankfurt a. M., 1969, S. 120—131

[44] См. *Jürgen Habermas.* Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien. Frankfurt a. M., 1972, S. 258.

[45] См. об этом *Роберт Штейгервальд.* «Третий путь» Герберта Маркузе, стр. 25—33; *Rolf Bauermann, Jochen Rötscher.* Zur Ideologie der "Neuen Linken". "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", 1970, H. 3, S. 282—304.

[46] См. также "Partei und Klasse. Eine Diskussion zwischen Jean-Paul Sartre und "Il Manifesto". Eingeleitet von Rossana Rossanda". Berlin (West), 1970.

[47] См. также *R Dutschke, T. Käsemann, R. Schöller.* Vorwort. Der lange Marsch. München, 1968.

[48] См. "Das Proletariat ist eine schwindende Klasse. Herbert Marcuse und Hans Magnus Enzensberger über Revolution". "Der Spiegel" (Hamburg), 1971, H. 3, S. 103; *Rudi Dutschke.* Die Widersprüche des Spätkapitalismus, die antiautoritären Studenten und ihr Verhältnis zur Dritten Welt. In: "Rebellion der Studenten oder Die neue Opposition". Hamburg, 1968, S. 41.

[49] См. также *Michael Mauke.* Die Klassentheorie von Marx und Engels. Frankfurt a. M. 1970; *Michael Schneider.* Gegen den Linken Dogmatismus, eine "Alterskrankheit" des Kommunismus. Kursbuch 25, Berlin (West), 1971, S. 73—119; *Erich Hahn.* Spontaneität und Klassenbewußtsein. "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", 1972, H. 7, S. 805—828.

[50] См. *Herbert Häber.* Die Politik der friedlichen Koexistenz und der ideologische Klassenkampf. "Friedliche Koexistenz—ideologischer Kampf. IPW — Forschungshefte" (Berlin), 1973, H. 2.

2. Общественное развитие как закономерный процесс. Взгляды Маркса и Энгельса по вопросу о закономерности общественного развития и их фальсификаторы

[1] *В. И. Ленин.* Карл Маркс. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

[2] См. об этом "Ideologie des Sozialdemokratismus in der Gegenwart", S. 24—40 u. 228—253.

[3] *Willi Eichler.* Die politische Rolle des Godesberger Programms. "Geist und Tat" (Frankfurt a. M.), 1969, H. 4, S. 206.

[4] *Willi Eichler.* Zur Einführung in den demokrastischen Sozialismus. Bonn — Bad Godesberg, 1972, S. 118—119.

[5] *Willi Eichler.* Weltanschauung und Politik. Frankfurt a. M., 1967, S. 92.

[6] См. *Arnold Brecht.* Politische Theorie. Die Grundlagen politischen Denkens im 20. Jahrhundert. Tübingen, 1961, S. 225—226.

[7] См., например, *Werner Post.* Kritik der Religion bei Karl Marx. München, 1969, C. 18.

[8] *Willi Eichler.* Drei Schritte vorwärts — zwei Schritte zurück. "Geist und Tat" (Frankfurt a. M.), 1969, H. 2, S. 66.

[9] *Willi Eichler.* Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus, S. 119.

[10] *Norbert Leser.* Die Odyssee des Marxismus. Auf dem Weg zum Sozialismus. Wien — München — Zürich, 1971, S. 35.

[11] См., например, *Willi Eichler*. Individuum und Gesellschaft im Verständnis der demokratischen Sozialisten. Hannover, 1970, S. 45.

[12] *Willy Brandt*. Karl Marx. Rede zum 150. Geburtstag von Karl Marx in Trier. *Willy Brandt*. Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 48.

[13] См. *Willy Brandt*. Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 25—26.

[14] *Ernst Topitsch*. Sozialphilosophie zwischen Ideologie und Wissenschaft, S. 49.

[15] Там же, стр. 20—21.

[16] См. *Ernst Topitsch*. Wie autoritär war Karl Marx? Der Mythos von den humanen Grundlagen der kommunistischen Heilslehre. "Christ und Welt" (Stuttgart), 10. November 1972.

[17] См. *Arnold Künzli*. Karl Marx. Eine Psychographie; *Ernst Klux*. Karl Marx — die revolutionäre Konfession. Erlenbach-Zürich — Stuttgart, 1967.

[18] *Ernst Topitsch*. Wie autoritär war Karl Marx? "Christ und Welt", 10. November 1972.

[19] *Ralf Dahrendorf*. Für eine Erneuerung der Demokratie in der Bundesrepublik. München, 1968, S. 10.

[20] См. *Helmut Klages*. Soziologie zwischen Wirklichkeit und Möglichkeit, S. 17.

[21] См. *Willi Eichler*. Weltanschauung und Politik, S. 135.

[22] *Ossip K. Flechtheim*. Futurologie — Möglichkeiten und Grenzen. "Neue Rundschau" (Berlin West — Frankfurt a. M.), 1968, H. 2, S. 302—303.

[23] Там же, стр. 303.

[24] См. там же, стр. 304.

[25] *Ф. Энгельс*. Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. 20, стр. 137.

[26] *В. И. Ленин*. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 175.

[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Немецкая идеология. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. 3, стр. 26.

[28] *Raymond Aron*. Fortschritt ohne Ende? Gütersloh, 1970, S. 21—22.

[29] *К. Маркс*. Нищета философии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. 4, стр. 141.

[30] См. *Georg Klaus, Hans Schulze*. Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte. Berlin, 1967, S. 135—151; *Werner Müller*. Gesellschaft und Fortschritt. Eine philosophische Untersuchung. Berlin, 1966.

[31] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Немецкая идеология. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 44—45.

[32] *К. Маркс*. К критике политической экономии. Предисловие *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 8.

[33] *Ф. Энгельс*. Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.

[34] *Mathilde Niel*. Psychoanalyse des Marxismus. München, 1972, S. 95.

[35] *Jean-Yves Calvez*. Karl Marx. Darstellung und Kritik seines Denkens. Olten — Freiburg i. Br., 1964, S. 524.

[36] *К. Маркс.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, стр. 116.

[37] См. *К. Маркс.* К критике политической экономии. Предисловие. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 8; см. также *Т. И. Ойзерман.* Формирование философии марксизма. М., 1974, стр. 288—289.

[38] См. *Jean-Yves Calvez.* Karl Marx, S. 523—524.

[39] См., например, *К. Маркс.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, стр. 164—166.

[40] См., например, *К. Маркс.* Капитал, т. I. Предисловие к первому изданию. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 10.

[41] См. *Willi Eichler.* Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus, S. 105.

[42] См. *Helmut Fleischer.* Marxismus und Geschichte. Frankfurt a. M., 1969, С. 41—42.

[43] Там же, стр. 8.

[44] *Dieter Oberndörfer.* Politik als praktische Wissenschaft. "Aufgabe und Selbstverständnis der politischen Wissenschaft". Darmstadt, 1967, S. 142.

[45] См. там же, стр. 143—144.

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] *Karl R. Popper.* Falche Propheten. Hegel, Marx und die Folgen. Die offene Gesellschaft und ihre Feinde, 2. Bd., S. 323 u 326.

[49] См. *Karl R. Popper.* Das Elend des Historizismus. Tübingen, 1965, S. 3; см. также *И. С. Кон.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, стр. 178—180.

[50] См., например, Ф. Энгельс — Й. Блоху, 21—22 сентября 1890 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 37, стр. 394—395.

[51] См., например, *Jakob Barion.* Ideologie, Wissenschaft, Philosophie.

[52] Ф. Энгельс — Й. Блоху, 21—22 сентября 1890 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 395.

[53] См. *Ф. Энгельс.* Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 360—361.

[54] См. *К. Маркс.* К критике политической экономии. Предисловие. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 6—7.

[55] См. *Ф. Энгельс.* Материалы к «Анти-Дюрингу». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 653.

[56] *К. Маркс.* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 85.

[57] Там же; см. также *Ф. Энгельс.* Наброски к критике политической экономии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 561.

[58] См. Ф Энгельс — Йозефу Блоху, 21—22 сентября 1890 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 396.

[59] См. *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 295.

[60] См. также *Bertram D. Wolfe.* Marx und die Marxisten. 100 Jahre Theorie und Praxis einer Doktrin. Frankfurt a. M.— Berlin (West), 1968; *Iring Fetscher.* Von Marx zur Sowjetideologie. Frankfurt a. M.— Berlin (West) — München, 1972, *Susanne Miller.* Das Problem der Freiheit im Sozialismus. Freiheit, Staat und Revolution in der Programmatik der Sozialdemokratie von Lassalle bis zum Revisionismusstreit. Frankfurt a. M., 1964.

[61] *Waldemar von Knoeringen.* Anthropologische Orientierung der Politik. *Waldemar von Knoeringen, Ulrich Lohmar.* Was bleibt vom Sozialismus? Hannover, 1968, S. 100.

[62] Там же, стр. 101.

[63] *Willi Eichler. Sozialisten.* Biographische Aufzätze über Karl Marx, Leonard Nelson, Friedrich Ebert, Edo Flimmen, Minna Specht, Kurt Schumacher, Erich Ollenhauer. Bonn — Bad Godesberg, 1972, S. 28.

[64] См. "Mobilisierung der Demokratie. Ein Beitrag zur Demokratiereform". Hrsg. von Waldemar von Knoeringen, München, 1966, S. 43—49.

[65] Там же, стр. 43.

[66] См. там же, стр. 43—44.

[67] См. там же, стр. 45—46 и 50—51.

[68] См. там же, стр. 42 и 48—49.

[69] Там же, стр. 43.

[70] См. "Revolutionäre Praxis. Jugoslawischer Marxismus der Gegenwart", S. 265—266.

[71] "Gespräch an der Moldau". Hrsg. von A. J. Liehm. Wien, 1968, S. 338.

[72] См. *Gajo Petrovic.* Wider den autoritären Marxismus. Frankfurt a. M., 1969, S. 60; *Milan Kangrga.* Praxis und kritische Betrachtungen zu Marx' Thesen über Feuerbach. In: "Revolutionäre Praxis", S. 99—100; *Svetosar Stojanović.* Kritik und Zukunft des Sozialismus. München, 1970, S. 146—147.

[73] См. об этом *Роберт Штейгервальд.* «Третий путь» Герберта Маркузе, стр. 56.

[74] См. об этом *Vera Wrona.* Karl Korsch und die bürgerliche und revisionistische Marxismuskritik. "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", 1969, H. 9, S. 1098.

[75] *Milan Kangrga.* Praxis und kritische Betrachtungen zu Marx'Thesen über Feuerbach. "Revolutionäre Praxis", S. 99.

[76] См. *Danko Grlic.* Praxis und Dogma. In: "Revolutionäre Praxis", S. 114.

[77] См. *К. Маркс.* Тезисы о Фейербахе. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 42, стр. 264.

[78] См. *К. Маркс.* К критике политической экономии. Предисловие. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 6—7.

[79] *К. Маркс.* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 51—52.

[80] К. Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 402—403.

[81] Там же, стр. 402.

[82] *К. Маркс.* К критике политической экономии. Предисловие. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 6.

[83] См. *К. Маркс.* Экономическо-философские рукописи 1844 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, стр. 117.

[84] *К. Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т 8, стр. 119.

[85] *Theodor W. Adorno.* Negative Dialektik. Frankfurt a. M., 1966, S. 347.

[86] См. *Gajo Petrović.* Wider den autoritären Marxismus, S. 91 ff. u. 100—101.

[87] См. *К. Маркс.* Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 386—387.

[88] См. *Alfred Schmidt*. Geschichte und Struktur. München, 1971, S. 99.

[89] См., например, *Rudi Dutschke*. Die Widersprüche des Spätkapitalismus, die antiautoritären Studenten und ihr Verhältnis zur Dritten Welt. "Rebelion der Studenten oder Die neue Opposition". Hamburg, 1968, S. 43—44.

[90] См. об этом *Г. Е. Глезерман*. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967, стр. 58—59.

[91] См. *Ф. Энгельс*. Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.

[92] *Alfred Schmidt*. Geschichte und Struktur, S. 55—56.

[93] *Miladin Zivotić*. Die Dialektik der Natur und die Authentität der Dialektik. In: "Revolutionere Praxis", S. 145.

[94] *Erich Honecker*. Fragen von Wissenschaft und Politik in der sozialistischen Gesellschaft der DDR. "Einheit", 1972, H. I, S. 15.

3. Революционная роль рабочего класса. Фальсификации марксова учения об исторической роли пролетариата

[1] *В. И. Ленин*. Исторические судьбы учения Карла Маркса. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Святое семейство, или Критика критической критики. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 39—40.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 435—436.

[4] *К. Маркс*. К критике гегелевской философии права. Введение. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 428.

[5] *К. Маркс*. Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 772—773.

[6] См. *Л. И. Брежнев*. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. В книге: «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 44, 56.

[7] «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. 2. М., 1975, стр. 203—241.

[8] См. *Ю. А. Васильчук*. Основные закономерности социально-экономического развития рабочего класса при капитализме и их анализ в трудах В. И. Ленина. В сборнике: «Борьба классов и современный мир». М., 1970, стр. 17—46; *Т. Т. Тимофеев*. Научно-техническая революция и вопросы идеологической борьбы. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 11, стр. 81—83; см. также дискуссию «Какие изменения происходят в структуре рабочего класса?» «Проблемы мира и социализма», 1961, № 5, стр. 73—85; № 6, стр. 79—86; «Современный капитализм, научно-техническая революция и рабочий класс». «Проблемы мира и социализма», 1969, № 1, стр. 36—46; № 2, стр. 42—55; см. также *Вилли Гернс*. Изменения структуры рабочего класса ФРГ. «Проблемы мира и социализма», 1969, № 8, стр. 71—77.

[9] См. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. 2, стр. 231—236; см. также *Жоэ Метцгер*. Инженерно-техническая интеллигенция и рабочий класс. «Проблемы мира и социализма», 1970, № 3, стр. 81—85; *Т. Т. Тимофеев*. Научно-техническая революция и вопросы идеологической борьбы. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 11, стр. 81—85; *А. Черняев*.

Постоянно растущий и развивающийся класс, класс-гегемон. «Коммунист», 1972, № 11, стр. 102—114.

[10] *Herbert Marcuse.* Der eindimensionale Mensch. Neuwied — Berlin (West), 1967, S. 44.

[11] См. там же.

[12] См. "Das Proletariat ist eine schwindende Klasse. Herbert Marcuse und Hans Magnus Enzensberger über Revolution". "Der Spiegel" (Hamburg), 1971, H. 3, S. 103.

[13] *Dieter Oberndörfer.* Wenn der Proletarier nicht mehr das Existenzminimum hat. "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 30. September 1972.

[14] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 178—179; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 430.

[15] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 343—344.

[16] Там же, стр. 628 (сноска).

[17] *Dieter Oberndörfer.* Wenn der Proletarier nicht mehr das Existenzminimum hat. "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 30. September 1972.

[18] См. «Империализм ФРГ». М., 1973, стр. 324.

[19] См. «Рабочий класс — ведущая сила мирового революционного процесса (Критика буржуазных и реформистских концепций)». Под ред. В. В. Загладина. М., 1973, стр. 51.

[20] *К. Маркс.* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 631—632.

[21] См. «Империализм ФРГ», стр. 357, 360.

[22] Детальное исследование этого процесса проводится в книге, подготовленной коллективом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под руководством П. Н. Федосеева, «Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами». М., 1974, стр. 36—46; см. также *K. Janow, L. Tarasow.* Die Werktätigen und der staatsmonopolistische Kapitalismus. M., 1973, S. 58—63.

[23] См., например, *Michael Mauke.* Die Klassentheorie von Marx und Engels; *Michael Schneider.* Gegen den Linken Dogmatismus, eine "Alterskrankheit" des Kommunismus. "Kursbuch 25", Berlin (West), 1971, S. 73—119; *Eugen Löbl.* Geistige Arbeit — die wahre Quelle des Reichtums. Entwurf eines neuen soziolistischen Ordnungsbildes. Wien — Düsseldorf, 1968; "Wir leben mitten in der Weltrevolution. Spiegel-Gespräch mit Ernst Fischer". "Der Spiegel", 1969, H. 47, S. 149.

[24] См. *Roger Garaudy.* Die große Wende des Sozialismus, S. 244 ff; *Roger Garaudy.* Die ganze Wahrheit oder Für einen Kommunismus ohne Dogma. Reinbek bei Hamburg, 1970, S. 109.

[25] *К. Маркс.* Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 516—517.

[26] См. *К. Маркс.* Теории прибавочной стоимости. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т 26, ч. I, стр. 421—422.

[27] См. *П. Федосеев.* XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук. «Коммунист», № 1, 1972, стр. 70—77; «Фальсификаторы теории научного коммунизма и их банкротство». «Коммунист», 1972, № 3, стр. 101—115; «Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами», стр. 21—34; *Peter Delitz. Justina Marx.* Umfang und Struktur der Arbeiterklasse im heutigen Kapitalismus. "IPW — Berichte" (Berlin), 1972, H. 7, S. 39—44.

[28] *Michael Mauke*. Die Klassentheorie von Marx und Engels, S. 163.

[29] См. *Jürgen Habermas*. Theorie und Praxis, S. 258; *Jürgen Habermas*. Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Frankfurt a. M., 1969, S. 79—80.

[30] См. *К. Маркс*. Экономические рукописи 1857—1858 годов. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 202—203.

[31] См. *Serge Mallet*. Die neue Arbeiterklasse. Neuwied — Berlin (West), 1972, S. 88—90.

[32] Там же, стр. 31.

[33] См. там же, стр. 27.

[34] См. там же, стр. 28—29 и 53—55.

[35] См., например, *В. И. Ленин*. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 58—59.

[36] См. *Serge Mallet*. Die neue Arbeiterklasse, S. 15—16.

[37] *Willy Brandt*. Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 26.

[38] См. *Willi Eichler*. Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus, S. 119.

[39] См. "Ohne Macht kann man nicht reformieren. Spiegel — Gespräch mit Helmut Schmidt". "Der Spiegel", 1971, H. 1/2, S. 27.

[40] *Dieter Oberndörfer*. Wenn der Proletarier nicht mehr das Existenzminimum hat. "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 30. September 1972.

[41] *К. Маркс*. Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 660.

[42] См. там же, стр. 660.

[43] *К. Маркс*. Наемный труд и капитал. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 451.

[44] См. "Das Proletariat ist eine schwindende Klasse". "Der Spiegel", 1971, H. 3, S. 103; *Rudi Dutschke*. Die Widersprüche des Spätkapitalismus, die revolutionären Studenten und ihr Verhältnis zur Dritten Welt. "Rebellion der Studenten oder neue Opposition". Hamburg, 1968, S. 41.

[45] *К. Маркс*. Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 659.

[46] *В. И. Ленин*. Рецензия. Карл Каутский. Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 208.

[47] Там же, стр. 208.

[48] См. *К. Маркс*. Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 570—575.

[49] *В. И. Ленин*. Рецензия. Карл Каутский. Бернштейн и социал-демократическая программа. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 208.

[50] См. *Werner Petschik*. Neue Methoden der Ausbeutung in der BRD. "Neues Deutschland", 27. Februar 1972.

[51] См. "Arbeitsmaterial zum Thema "Armut in der BRD", Hrsg. von Institut für Marxistische Studien und Forschungen". Frankfurt a. M., 1970; *Harry Gräser*. Gibt es Armut in der Bundesrepublik? "Marxistische Blätter" (Frankfurt a. M.), 1970, H. 5, S. 66.

[52] См. *H. Günter Wallraff*. "Wir brauchen Dich". Als Arbeiter in deutschen Industriebetrieben. Berlin — Weimar, 1967, S. 33.

[53] См. *Karl-Heinz Domdey*. Aus dem Schuldbuch des Imperialismus. "Einheit", 1973, H. 2, S. 225—226.

[54] *Ф. Энгельс.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 233.

[55] "Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands". *Willi Eichler.* Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus, S. 143.

[56] *Dieter Oberndörfer.* Wenn der Proletarier nicht mehr das Existenzminimum hat. "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 30. September 1972.

[57] *Herbert Marcuse.* Die Gesellschaftslehre des sowjetischen Marxismus. Neuwied — Berlin (West), 1970, S. 41 u. 46.

[58] *Alfred Schmid, Werner Rehfeld.* Gespräch über den Marxismus. In: "Karl Marx 1818—1968". Bad Godesberg, 1968, S. 134—135.

[59] *Jürgen Habermas.* Theorie und Praxis, S. 228.

[60] Там же.

[61] Там же, стр. 229.

[62] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 434.

[63] См. также *Detley Albers, Werner Goldschmidt, Paul Oehlke.* Klassenkämpfe in Westeuropa. Frankreich, Italien, Großbritannien. Reinbek bei Hamburg, 1974, S. 11 ff.

[64] См. *Herbert Marcuse.* Perspektiven des Sozialismus in der industriell entwickelten Gesellschaft. "Neue Kritik" (Frankfurt a. M.), 1965, H. 31, S. 14 ff.

[65] *К. Маркс.* Наемный труд и капитал. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 446.

[66] См. "Das arbeitende Volk muß bestimmen! DKP kontra Großkapital. Bericht des Parteivorstandes an den Parteitag der DKP". Berichterstatter Genosse Helbert Mies. Abschnitt II. 1. "Neues Deutschland", 3. November 1973.

[67] См. «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий всех антиимпериалистических сил». В книге «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 297.

[68] См. "Das arbeitende Volk muß bestimmen! DKP kontra Großkapital!" Abschnitt II. "Neues Deutschland", 3. November 1973.

[69] «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий всех антиимпериалистических сил». В книге «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 298.

[70] См. "Das arbeitende Volk muß bestimmen! DKP kontra Großkapital!" Abschnitt III. 2. "Neues Deutschland", 3. November 1973.

[71] «Задачи борьбы против империализма на современном этапе...». В книге «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 330.

[72] *Л. И. Брежнев.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. В книге «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 74.

[73] См., например, *Bertram D. Wolfe.* Marx und die Marxisten. 100 Jahre Theorie und Praxis einer Doktrin. Frankfurt a. M.— Berlin (West), 1968, S. 21—29.

[74] *Norbert Leser.* Die Odyssee des Marxismus. Auf dem Weg zum Sozialismus. Wien — München — Zürich, 1971, S. 229.

[75] Там же, стр. 302.

[76] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 435.

[77] «Задачи борьбы против империализма на современном этапе...». В книге «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 326—327.

[78] *В. И. Ленин.* Критические заметки по национальному вопросу. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 123.

[79] См. *B. N. Ponomarjow.* Das "Manifest der Kommuhistischen Partei" und die Gegenwart. Berlin, 1973, S. 23—26.

[80] *Ф. Энгельс.* Эмигрантская литература. I. Польская прокламация. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 509.

[81] См., например, *Pierre Frank.* Zur Bedeutung des Übergangsprogramms der IV. Internationale. "MASCH. Marxistische Arbeiterschule", Hamburg [o. J.], S. IX; "Die UdSSR und die Probleme der Übergangsperiode". "MASCH, Marxistische Arbeiterschule" Hamburg 1971, S. 45; "Die politische Revolution in Ostdeutschland reift heran". "Internationale Arbeiterkorrespondenz" [o. O. u. J.], Nr. 38/39, S. 66—71; "Rote Presse-Kerrespondenz" [o. O.], 1969, Nr. 25/26, S. 18.

[82] См. "DKP kontra Großkapital. Für Frieden, demokratischen Fortschritt und Sozialismus. Thesen des Düsseldorfer Parteitags der Deutschen Kommunistischen Partei". "Einheit", 1972, H. 1, S. 136—137 u. 152—153.

4. Революционная партия как воплощение единства научного мировоззрения и рабочего движения. Об искажении взглядов Маркса и Энгельса на партию и о мнимом плюрализме марксизма

[1] Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 91—92.

[2] Маркс и Энгельс — Августу Бебелю, Вильгельму Либкнехту, Вильгельму Бракке и др., 17—18 сентября 1879 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 308—323.

[3] См. *P. Ch. Ludz.* Parteielite im Wandel. Funktionsaufbau, Sozialstruktur und Ideologie der SED-Führung. Köln — Opladen, 1970, S. 4-5.

[4] См. *P. Ch. Ludz.* Der "Neue Sozialismus". Philosophischer Revisionismus und politische Krise in der ČSSR. "Die Neue Gesellschaft" (Bonn — Bad Godesberg), 1970, H. 1, S. 60 *W. G. Grewe.* Spiel der Kräfte in der Weltpolitik. Düsseldorf — Wien, 1970, S. 614.

[5] См. *K. Zeisler.* Die Evolutionskonzeption imperialistischer Kommunismusforschung. "IPW — Berichte" (Berlin), 1972, H. 4, S. 34—42.

[6] *H. Dahm.* Das Tschechoslowakische Modell des Sozialismus. "Gegenwartskunde" (Opladen), 1970, H. 3, S. 326—327.

[7] См. *W. Schmidt.* Kontinuität und neue Qualität in der Entwicklung der Parteiauffassung von Marx und Engels zu Lenin. "Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung", 1969, H. 6, S. 915—927.

[8] См. *L. Berthold, H. Neef.* Der Kampf von Karl Marx und Friedrich Engels um die revolutionäre Partei der deutschen Arbeiter-

klasse. Berlin, 1966; *С. Левиова.* Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса за создание партии рабочего класса в 40-х годах XIX века. „Вопросы истории", 1968, № 3, стр. 3—16; *К. Селезнев.* Карл Маркс и борьба за создание пролетарской партии. „Партийная жизнь", 1968, № 5, стр. 8—16.

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 437.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] *В. И. Ленин.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166.

[13] Устав Союза коммунистов. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 524—529.

[14] См. *Max Horkheimer.* Kritische Theorie. Eine Dokumentation.

[15] См. *Roger Garaudy.* Die Aktualität des Marxschens Denkens. Frankfurt — Wien, 1969, S. 10.

[16] *Ernst Fischer.* Was Marx wirklich sagte. Unter Mitarbeit von Franz Marek.

[17] См. об этом *Friedrich Richter, Vera Wrona.* Arbeiterklasse — Weltanschauung — Partei. Eine philosophiehistorische Betrachtung zur Einheit der wissenschaftlichen Weltanschauung der Arbeiterklasse. Berlin, 1973; *М. Хундт.* Как возник «Манифест». Пер. с нем. М., 1974.

[18] *Ernst Fischer, Franz Marek.* Was Lenin *wirklich* sagte. Wien — München — Zürich, 1969, S. 28—34.

[19] См. *Wolfgang Leonhard.* Die Dreispaltung des Marxismus. Ursprung und Entwicklung des Sowietmarxismus, Maoismus und Reformkommunismus. Düsseldorf — Wien, 1970, S. 38 u. 40.

[20] См. Bertram D. Wolfe. Marx und die Marxisten, S. 176.

[21] См. Маркс — Фридриху Больте, 23 ноября 1871 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 277—283.

[22] См. *Bertram D. Wolfe.* Marx und die Marxisten, S. 183.

[23] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 437.

[24] *Bertram D. Wolfe.* Marx und die Marxisten, S. 183.

[25] *Helmut Herles.* Lenin und seine Erben. Ein Publik-Gesprach mit *G. A. Wetter,* Rom. "Publik" (Frankfurt a. M.), 1970, H. 17, S. 15; *Leo Bauer.* Der offene Dialog. "Die Neue Gesellschaft", 1969, H. 4, S. 315—316.

[26] Довольно обстоятельный марксистский анализ процесса создания и развития учения Маркса и Энгельса о партии дан Х. Бартелем и В. Шмидтом: Zur Entwisklung des Parteibegriffs bei Marx und Engels. "Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung", 1969, H. 4, S. 568—602.

[27] Это двоякое употребление понятия «партия» у Маркса и Энгельса тщательно исследовано Е. П. Канделем в его работе «Маркс и Энгельс о партии и современная буржуазная и ревизионистская историография». См. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3.

[28] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 437.

[29] Там же.

[30] Маркс — Фердинанду Фрейлиграту, 29 февраля 1860 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 400.

[31] *Ф. Энгельс.* Испанскому федеральному совету Международного Товарищества Рабочих. 13 февраля 1871 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 291.

[32] См. *Martin Hundt.* Zur Kontinuität der deutschen Arbeiterbewegung vom Bund der Kommunisten zur Eisenacher Partei. Die Taktikdiskussion von 1856. "Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung", 1969, H. 4, S. 603—619.

[33] *К. Маркс.* Критика Готской программы. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 9—32; *Ф. Энгельс.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 227—243.

[34] *Ф. Энгельс.* О политическом действии рабочего класса. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 421—422.

[35] См., например, *Ulrich Haufschild.* Partei und Klasse bei Marx und Engels. Phil. Diss. Frankfurt a. M., 1965, S. 44, 80 u. 218.

[36] *Bertram D. Wolfe.* Marx und die Marxisten, s. 183; см. также *Wolfgang Leonhard.* Die Dreispaltung des Marxismus, S. 37—41.

[37] "Partei und Klasse. Eine Diskussion zwischen Jean-Paul Sartre und "Il Manifesto". Eingeleitet von Rossana Rossanda", S. 55.

[38] Там же, стр. 13.

[39] См. там же, стр. 15.

[40] Там же, стр. 10.

[41] Там же, стр. 7.

[42] См. *Norbert Leser.* Die Odyssee des Marxismus. Auf dem Weg zum Sozialismus. Kapitel 1: Marxismus als Spannungsfeld.

[43] Там же, стр. 26.

[44] *К. Маркс.* К критике гегелевской философии права. Введение. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 428—429.

[45] См. *К. Маркс.* Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 380—399.

[46] *Ф. Энгельс* Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 499.

[47] *В. И. Ленин.* Что делать? *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 1—192.

[48] *Willi Eichler.* Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus, S. 120—121.

[49] *Waldemar von Knoeringen.* Die Sozialdemokratie im Widerstand. In: "100 Jahre SPD in München". München, 1969, S. 13.

[50] *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 12.

[51] См. там же, стр. 24.

[52] Там же, стр. 25.

[53] "Idee und Wirklichkeit. Gespräch mit Bundeskanzler Willy Brandt". "Die Neue Gesellschaft", 1970, H. 1, S. 27.

[54] *Willy Brandt.* Die Aufgeschlossenheit für innere Reformen nimmt zu. "Frankfurter Rundschau", 14. Dezember 1970.

[55] Ф. Энгельс — Герсону Триру, 18 декабря 1889 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 275.

[56] *Klaus Westen.* Die führende Rolle der Kommunistischen Partei im sozialistischen Staat. Köln, 1970.

[57] Там же, стр. 7.

[58] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Резолюции конференции делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшейся в Лондо-

не с 17 по 23 сентября 1871 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 427.

[59] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 294—295.

[60] *Klaus Westen.* Die führende Rolle der Kommunistischen Partei im sozialistischen Staat, S. 17.

[61] Там же, стр. 33.

[62] Там же, стр. 32.

[63] *Hans Mommsen.* Arbeiterbewegung. In: "Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie", 1. Bd. Freiburg — Basel — Wien, 1966, Spalte 103.

[64] См. *Shlomo Na'aman.* Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten in Deutschland in der zweiten Phase seines Bestehens. "Archiv für Sozialgeschichte", 5. Bd. Hannover, 1965, S. 5—82.

[65] Там же, стр. 21.

[66] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Март 1850. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 262.

[67] *Ulrich Haufschild.* Partei unr Klasse bei Marx unr Engels, S. 190.

[68] Там же, стр. 232.

[69] Ф. Энгельс — Герсону Триру, 18 декабря 1889 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 276.

[70] Там же, стр. 277.

[71] Там же, стр. 275.

[72] К. Маркс и Ф. Энгельс — Августу Бебелю, Вильгельму Либкнехту, Вильгельму Бракке и др., 17—18 сентября 1879 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 322.

[73] См. *Iring Fetscher.* Der Marxismus. Seine Geschichte in Dokumenten. München, 1967, S. 617—618.

[74] См. *Ulrich Haufschild.* Partei und Klasse bei Marx und Engels, S. 62—63, 108, 113—143, 162.

[75] См. *Arnold Künzli.* Karl Marx. Eine Psychographie; *Walter Morgenthaler.* Der Mensch Karl Marx. Bern, 1962; *Lutz Köllner.* Hoffnung auf eine vaterlose Welt. Karl Marx — psychoanalitisch betrachtet. "Der Minat" (Berlin/West/), 1965, H. 206, S. 31—39; *Ernst Kux.* Karl Marx — die revolutionäre Konfession; *Albert Massiczek.* Der menschliche Mensch. Karl Marx' jüdischer Humanismus. Wien, 1968.

[76] *Ernst Topitsch.* Wie autoritär war Karl Marx? Der Mythos von den humanen Grundlagen der kommunistischen Heilslehre. "Chlist und Welt" (Stuttgart), 10. November 1972.

[77] *Ulrich Haufschild.* Partei und Klasse bei Marx und Engels, S. 140, см. также там же, стр. 232.

[78] Там же, стр 162.

[79] *Shlomo Na'aman.* Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten... "Archiv für Sozialgeschichte", 5. Bd., S. 82.

[80] См. Ф. Энгельс — Августу Бебелю, 18—28 марта 1875 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 100.

[81] *В. И. Ленин.* Шаг вперед, два шага назад. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 379—380.

[82] *Walter Schmidt, Rolf Dlubek.* Die Herausbildung der marxistischen Partei der deutschen Arbeiterklasse. Konzeptionelle Fragen der ersten Hauptperiode der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. "Zeitschrift für Geschichtswissenschaft", 1966, H. 8,

S. 1282—1333; см. также *Frich Kundel, Elmar Julier.* Die Beziehungen von Karl Marx und Friedrich Engels zur deutschen Arbeiterbewegung in der reaktionären Geschichtsschreibung Westdeutschlands. "Militärwesen" (Berlin), 1967, H. 1, S. 86—95; *Erich Kundel, Walter Schmidt.* Karl Marx und Friedrich Engels im Zerrspiegel der westdeutschen Historiographie. "Einheit", 1968, H. 4/5, S. 563—574.

[83] См. *Manfred Teresiak.* Anteil und Funktion der Friedrich-Ebert-Stiftung bei der Ausarbeitung und Durchsetzung der bürgerlichen Integrationskonzeption zur Verfälschung der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Phil. Diss. Berlin, 1972; "Unbewältigte Vergangenheit. Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen bürgerlichen Geschichtsschreibung". Berlin, 1971, S. 311—456.

[84] См. *Gerhard Roßman, Lya Rothe.* Zu einigen Aspekten der Geschichtsdarstellung und Geschichtspropaganda der Sozialdemokratie und der Gewerkschaften Westdeutachlands im Jahre 1963. "Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung", 1964, H. 3, S. 474—492.

[85] *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 14.

[86] "Auftrag des demokratischen Sozialismus". Auszüge aus der Rede des SPD — Vorsitzenden Willy Brandt zum 20. Todestag Kurt Schumachers. "Frankfurter Rundschau", 22. August 1972, S. 14.

[87] См. *Werner Conze.* Der Beginn der deutschen Arbeiterbewegung. "Geschichte und Gegenwartsbewußtsein. Historische Betrachtungen und Untersuchungen". Göttingen, 1963, S. 323—338; *Frolinde Balser.* Sozialdemokratie 1848/49—1863. Die erste deutsche Arbeiterorganisation "Allgemeine deutsche Arbeiterverbrüderung" nach der Revolution. Stuttgart, 1962; *Wolfgang Schieder.* Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung. Die Auslandsvereine im Jahrzehnt nach der Julirevolution von 1830. Stuttgart, 1963.

[88] См. *Wolfgang Schieder.* Auf dem Wege zu einer neuen Marx-Legende. "Neue politische Literatur" (Frankfurt a. M.), 1965, H. 3, S. 259 ff.; см также *Werner Conze.* Der Beginn der deutschen Arbeiterbewegung. "Geschichte und Gegenwartsbewußtsein", S. 323—338.

[89] См. об этом *Walter Schmidt.* Zur historisch-politischen Konzeption des Heidelberger "Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte". Neuerliche Verfälschungen der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in der ersten Hauptperiode. "Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung", 1967, H. 4, S. 626—635; *Waltraud Brade.* Werner Conze und der Heidelberger "Arbeitskreis für moderne Sozialgeschichte". Berlin, 1972.

[90] *Willi Eichler.* Karl Marx — Denker, Revolutionär, Utopist (1818—1883). In: *Willi Eichler.* Sozialisten. Biographische Aufsätze über Karl Marx, Leonard Nelson, Friedrich Ebert u. a., S. 20.

[91] *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 20.

[92] См. "Idee und Wirklichkeit. Gespräch mit Bundeskanzler Willy Brandt". "Die Neue Gesellschaft", 1970, H. 1, S. 26; см. также *Willi Eichler.* Zur Einführung in den demokratischen Sozialismus, S. 117—124.

[93] См. *Karl Korsch.* Marxismus und Philosophie. Frankfurt — Wien, 1966; *Karl Korsch.* Karl Marx. Frankfurt — Wien, 1968; *Karl*

Korsch. Arbeitsrecht für Betriebsräte (1922). Frankfurt a. M., 1968; *Karl Korsch.* Auf dem Wege zur industriellen Demokratie. Frankfurt a. M., 1968 *Karl Korsch.* Schriften zur Sozialisierung. Frankfurt a. M., 1969.

[94] *Karl Korsch.* Marxismus und Philosophie, S. 42.

[95] Там же, стр. 48.

[96] См. об этом "Unbewältigte Vergangenheit", S. 337—350.

[97] См. *Susanne Miller.* Das Problem der Freiheit im Sozialismus. Freiheit, Staat und Revolution in der Programmatik der Sozialdemokratie von Lassalle bis zum Revisionismusstreit.

[98] См. *Helga Grebing.* Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Ein Überblick. München, 1966; *Hedwig Wachenheim.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844—1914. Köln — Opladen, 1966.

[99] *Hans-Josef Steinberg.* Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem 1. Weltkrieg. Hannover, 1967; см. также *Manfred Teresiak.* Anteil und Funktion der Friedrich — Ebert — Stiftung, S. 192—215.

[100] См. также *Dieter Groh.* Marx, Engels und Darwin. Naturgesetzliche Entwicklung oder Revolution? Zum Problem der Einheit Theorie und Praxis. "Politische Vierteljahresschrift" (Köln — Opladen), 1967, H. 4, S. 544—559.

[101] См. *Karl Korsch.* Marxismus und Philosophie, S. 96.

[102] *Iring Fetscher.* Karl Marx und der Marxismus. Von der Philosophie des Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. München, 1967, S. 132—139.

[103] "Idee und Wirklichkeit..." "Die Neue Gesellschaft", 1970, H. 1, S. 26; см. также *Willy Brandt.* Karl Marx. Rede zum 150. Geburtstag von Karl Marx in Trier. In: *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 47.

[104] См. *Fritz Sänger.* Grundsatzprogramm der SPD. Kommentar. Berlin — Hannover, 1960, S. 116.

[105] См. *Alexander Schwan.* Freiheit, Gerechtigkeit und Solidarität. Über die geistigen Grundlagen des Godesberger Programms. "Sozialdemokratisches Forum", Monatsbeilage zur Berliner Stimme (Berlin/West/), Nr. 1. 30. Oktober 1971.

[106] См. *Hans — Josef Steinberg.* Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie, S. 96—106.

[107] См. особенно *Alfred Schmidt.* Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx. Frankfurt a. M., 1971; *Alfred Schmidt.* Zum Verhältnis von Geschichte und Natur im dialektischen Materialismus. In: *Alfred Schmidt.* Existentialismus und Marxismus... Frankfurt a. M., 1965.

[108] См. *Gustav A. Wetter.* Die Umkehrung Gegels. Grundzüge und Ursprünge der Sowjetphilosophie. Köln, 1963, S. 28—38.

[109] См., например, *Henryk Skrzypczak.* Marx, Engels, Revolution. Standortbestimmung des Marxismus der Gegenwart. Berlin West, 1968, S. 27.

[110] См. *Iring Fetscher.* Der Marxismus. Seine Geschichte in Dokumenten; *Herbert Schack.* Marx, Mao, Neomarxismus. Wandlungen einer Ideologie. Frankfurt a. M., 1969; *Wolfgang Leonhard.* Die Dreispaltung des Marxismus.

[111] *Predrag Vranicki.* Über die Notwendigkeit mehrerer Marxismen. "Neues Forum" (Wien), H. 184/II, S. 298.

[112] *Predrag Vranicki.* Philosophie in unserer Zeit. In: "Revolutionäre Praxis", S. 89—90.

[113] *Ernst Fischer*. Was Marx wirklich sagte, S. 159.

[114] *Lucio Lombardo — Radice*. Pluralismus in einer sozialistischen Gesellschaft. "Christentum und Marxismus — heute". Wien — Frankfurt — Zürich, 1966, S. 254.

[115] Там же, стр. 260.

[116] *Roger Garaudy*. Die große Wende des Sozialismus, S. 234.

[117] Там же, стр. 169.

[118] *Predrag Vranicki*. Der Sozialismus und das Problem der Entfremdung des Menschen. In: "Jugoslawien denkt anders. Marxismus und Kritik des etatistischen Sozialismus". Wien — Frankfurt — Zürich, 1971, S. 70.

5. Вопрос о власти — коренной вопрос социалистической революции. О буржуазной фальсификации марксистского учения о государстве

[1] См. *В. И. Ленин*. Государство и революция. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 1—120; *В. И. Ленин*. Пролетарская революция и ренегат Каутский. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 235—338.

[2] См. *Raymond Aron*. Karl Marx. In: Hauptströmungen des soziologischen Denkens, 1. Bd., Köln, 1971, S. 178.

[3] См. *Karl Popper*. Die neue Gesellschaft. In: "Revolution oder Reform. Herbert Markuse und Karl Popper". München, 1971, S. 25.

[4] См. *Willi Eichler*. Sozialisten.., S. 25—26.

[5] *Raimond Aron*. Karl Marx. In: "Hauptströmungen des soziologischen Denkens", 1. Bd., S. 180.

[6] См. *Iring Fetscher*. Von Marx zur Sowjetideologie. Frankfurt a. M.,— Berlin (West) — München, 1972, S. 35.

[7] См., например, Ф. Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 414—422; Ф. Энгельс — Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 82—86.

[8] *Raymond Aron*. Karl Marx. In: "Hauptströmungen des soziologischen Denkens", 1. Bd., S. 180.

[9] См. там же.

[10] См. *Peter Rosenzweig, Horst-Dieter Sabban*. Zur Zusammensetzung des 7. Bundestages der BRD. "IPW — Berichte" (Berlin), 1973, S. 67—72.

[11] *Raymond Aron*. Karl Marx. In: "Hauptströmungen des soziologischen Denkens", 1. Bd., S. 178.

[12] См., например, *В. Е. Гулиев*. Демократия и современный империализм. М., 1970, стр. 160—223; «Политическая экономия современного монополистического капитализма». В 2-х тт. Изд. 2-е. М., 1975. Т. 1, стр. 345—426. Т. 2, стр. 3—19; «Империализм ФРГ», стр. 87—99 и 171—227.

[13] "Idee und Wirklichkeit...". "Die neue Gesellschaft", 1970, H. 1, S. 28.

[14] См. Ф. Энгельс — Йозефу Блоху, 21—22 сентября 1890 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 393—397; Ф. Энгельс — Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 414—422; Ф. Энгельс — Францу Мерингу, 14 июля

1893 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 82—86; Ф. Энгельс — В. Боргиусу, 25 января 1894 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 174—177.

[15] См. *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 33.

[16] См.*Jürgen Habermas.* Technik und Wissenschaft als "Ideologie", S. 74.

[17] *К. Маркс.* Введение к программе французской Рабочей партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 246.

[18] Запись речи К. Маркса о политическом действии рабочего класса. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 649.

[19] См. *Iring Fetscher.* Von Marx zur Sowjetideologie, S. 35.

[20] "Karl Marx/Friedrich Engels". Studienausgabe in 4 Bänden. Hrsg. von Iring Fetscher, 1. Bd. Frankfurt a. M., 1972, S. 11.

[21] См. Ф. Энгельс — Карлу Каутскому, 1 апреля 1895 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 373; Friedrich Engels an Richard Fischer, 8. März 1895. In: Marx-Engels-Werke, Bd. 39, S. 424—426.

[22] См. *Willy Brandt.* Friedrich Engels und die soziale Demokratie, S. 16—17.

[23] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 89—90.

[24] См. *Susanne Miller.* Zur Programmatik der deutschen Sozialdemokratie 1848—1933. In "Geist und Tat" (Frankfurt a. M.), 1969, H. 4, S. 224—225.

[25] См. *Willi Eichler.* Sozialisten.., S. 24—25.

[26] *К. Маркс.* О Гаагском конгрессе. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 154.

[27] См. Запись беседы К. Маркса с корреспондентом газеты "The World". *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 635.

[28] Там же, стр. 637.

[29] См. Ф. Энгельс — Карлу Каутскому, 1 апреля 1895 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 39, стр. 373.

[30] См. Ф. Энгельс — Карлу Каутскому, 29 июня 1891 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, стр. 105; см. также *Ф. Энгельс.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 236—237.

[31] *В. И. Ленин.* Гонители земства и аннибалы либерализма. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 65—66.

[32] *В. И. Ленин.* Партизанская война. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1.

[33] См. об этом *Raymond Aron.* Die heiligen Familien des Marxismus. Hamburg, 1970, S. 32—35; *Iring Fetscher.* Karl Marx und der Marxismus.., S. 130—131 u. 148—149; см. также *Norbert Leser.* Die Odyssee des Marxismus.., S. 28—34; *Stanley Moore.* Zur Theorie politischer Taktik des Marxismus. Frankfurt a. M., 1969, S. 7—10; *Herbert Schack.* Marx, Mao, Neomarxismus, S. 120—121; *Ernst Vollrath.* Lenin und der Staat. Zum Begriff des Politischen bei Lenin. Wuppertal-Rothingen-Kastelaun, 1970, S. 34—35 u. 50; *Bertram D. Wolfe.* Marx und die Marxisten.., S. 167.

[34] *Iring Fetscher.* Karl Marx und der Marxismus.., S. 148.

[35] Там же, стр. 149.

[36] См. *В. И. Ленин.* Великий почин. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 13—14.

[37] См. об этом *Б. А. Шабад*. Политическая философия современного империализма. Критика основных антикоммунистических концепций. Изд. 2-е. М., 1966, стр. 136—158; «Kommunisten und Sozialdemokraten in der Bundesrepublik. Ein Gespräch mit Kurt Bachmann und Herbert Mies». Hamburg, 1971, S. 22—23; «Mobilisierung der Demokratie. Ein Beitrag zur Demokratiereform». Hrsg. von Waldemar von Knoeringen. München, 1966, S. 34—37.

[38] См. об этом *Gerhard Lozek*. Genesis, Wandlung und Wirksamkeit der imperialistischen Totalitarismus — Doktrin. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1966, H. 4, S. 525—541; *Д. А. Керимов, Н. М. Кейзеров*. Несостоятельность буржуазных концепций демократии. «Советское государство и право», 1972, № 1, стр. 20—29.

[39] См. *Norbert Leser*. Die Odyssee des Marxismus, S. 30—33.

[40] См. *Paul Mattick*. Der Leninismus und die Arbeiterbewegung des Westens. In: «Lenin. Revolution und Politik». Frankfurt a. M., 1970, S. 22; *Artur Rosenberg*. Geschichte des Bolschewismus. In: «Lenin. Revolution und Politik», S. 256; *Ernst Vollrath*. Lenin und der Staat, S. 34—35.

[41] См. *Norbert Leser*. Die Odyssee des Marxismus, S. 28.

[42] См. *Hannah Arendt*. Über die Revolution. Frankfurt a. M.— Wien — Zürich, 1968, S. 331; *Artur Rosenberg*. Geschichte des Bolschewismus, S. 256; *Ernst Vollrath*. Lenin und der Staat, S. 34—35.

[43] См., например, *Ernst Fischer*. Was Marx wirklich sagte, S. 135—136.

[44] См. *R. Dutschke, T. Käsemann, R. Schöller*. Vorwort. In: «Der lange Marsch».

[45] *Ernst Fischer*. Was Marx wirklich sagte, S. 133.

[46] *Rudi Supek*. Soziologie und Sozialismus. Probleme und Perspektiven. Freiburg, 1970, S. 192—193.

[47] *Julius Strinka*. Gedanken über den demokratischen Sozialismus. «Praxis», Internationale Ausgabe (Zagreb), 1969, H. 1/2, S. 262.

[48] Там же, стр. 265.

[49] «Zur jüngsten Kritik an der «Praxis» (1968). In: «Revolutionäre Praxis», S. 266.

[50] Там же, стр. 271.

[51] *Mihailo Markovic*. Dialektik der Praxis. Frankfurt a. M., 1969, S. 94.

[52] *Roger Garaudy*. Die große Wende des Sozialismus, S. 155.

[53] См. *Roger Garaudy*. Die Alternative. Ein neues Modell der Gesellschaft jenseits von Kapitalismus und Kommunismus. Wien — Zürich — München, 1973, S. 208—209.

[54] См. *Predrag Vranicki*. Der augenblickliche Stand der ideologischen Diskussion in Jugoslawien. «Marxismusstudien». Fünfte Folge. Tübingen, 1968, S. 144.

[55] См. *Gajo Petrovic*. Philosophie und Revolution. Modelle für eine Marx — Interpretation. Mit Quellentexten. Reinbek bei Hamburg, 1971, S. 138.

[56] *Predrag Vranicki*. Geschichte des Marxismus, 1. Bd., S. 198.

[57] См. об этом *Panajot Gindev*. Die Diktatur des Proletariats und ihre «Kritiker». Berlin, 1973.

[58] См. *К. Маркс*. Замечания к программе германской рабочей партии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 18, 19—20.

[59] См. *К. Маркс*. Национализация земли. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 57.

[60] См. *Predrag Vranicki.* Der augenblickliche Stand der ideologischen Diskussion in Jugoslawien, S. 143—151; *Mihailo Markovic.* Dialektik der Praxis, S. 94—120.

[61] *К. Маркс.* Национализация земли. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 57.

[62] *К. Маркс.* Гражданская война во Франции. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 343—344.

[63] *К. Маркс.* Первый набросок «Гражданской войны во Франции». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 567.

[64] *В. И. Ленин.* Государство и революция. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 53—54.

[65] См. *András Gedö.* Der entfremdete Marx. Zur existentialistisch-«humanistischen» Marxismus-Deutung, S. 55—71; *Manfred Buhr.* Entfremdung — philosophische Anthropologie — Marx-Kritik. «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1966, H. 7, S. 806—834; *Т. И. Ойзерман.* Формирование философии марксизма. М., 1974, стр. 263—279 и 324—333

[66] См. *К. Маркс* Экономическо-философские рукописи 1844 года. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 42, стр. 86—99.

[67] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Немецкая идеология. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 270, 271.

[68] Там же, стр 271.

[69] См. *Gajo Petrovic.* Philosiphie und Revolution, S. 126—127.

[70] См. там же, стр. 121—122.

[71] *Predrag Vranicki.* Der augenblickliche Stand der ideologischen Diskussion in Jugoslawien, S. 137.

[72] Там же.

[73] *Predrag Vranicki.* Geschichte des Marxismus, 1. Bd., S. 198.

[74] *Ernst Fischer.* Kunst und Koexistenz. Beitrag zu einer modernen marxistischen Ästhetik. Reinbek bei Hamburg, 1969, S. 98.

[75] См. *Svetozar Stojãnovic.* Kritik und Zukunft des Sozialismus. München, 1970, S. 42—43 u. 53—54.

[76] См. об этом *Н. И. Алексеев, И. И. Кравченко, Е. Г. Плимак.* Мифы «этатизма» и социализм без мифов. «Вопросы философии», 1971, № 5, стр. 45—63.

[77] См. *Mihailo Markovic.* Dialektik der Praxis, S. 96—104.

[78] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. II. Тайный Альянс. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 338—339.

[79] *Ф. Энгельс.* К смерти Карла Маркса. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 359—360.

6. Заключение

[1] См. «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». В сборнике: «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». М., 1970, стр. 31.

[2] «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Обращение международного Совещания коммунистических и рабочих партий». В сборнике: «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина». М., 1970, стр. 23.

[3] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 279.

[4] См. там же, стр. 294—295.

СОДЕРЖАНИЕ

Рольф Бауэрман, Карлхенц Гейер,
Эльмар Юлиер

НИЩЕТА «МАРКСОЛОГИИ»

Критика
фальсификаций
учения
Маркса и Энгельса

Заведующий редакцией *В. М. Михкалев*
Редактор *В. Л. Шибаев*
Младший редактор *О. П. Осипова*
Художник *Н. П. Пешков*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

Сдано в набор 13 апреля 1976 г. Подписано в печать 25 июня 1976 г. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 13,02. Учетно-изд. л. 13,59. Тираж 30 тыс. экз. Заказ № 641. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

95 коп.

ИПЛ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Предлагаемая вниманию читателей книга входит в серию «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». Создаваемая объединенными усилиями издательств социалистических стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике и идеологии.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА